
Кассандра Лэйтс
Черное Солнце
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Кассандра Лэйтс

Чёрное Солнце. Книга 1.

«Автор»
2026

Лэйтс К.

Чёрное Солнце. Книга 1. / К. Лэйтс — «Автор», 2026

Ей было восемнадцать, когда, её продали в академию, где девушек ломают. Он купил её, чтобы проверить, сломается ли она.Ровена — телепат из бедной деревни. Двадцатилетний Эйнар — сын директора Цитадели, тёмный маг, который привык получать всё. Когда она отвергает его, он подставляет её, и по правилам академии она становится его собственностью.Она думала, что хуже рабства быть не может. Она ошибалась.Он не просто хочет её тело. Он хочет залезть ей в голову. Сломать её защиту. Заставить признать, что она создана для подчинения — и для него.Она пытается играть по его правилам. Он думает, что контролирует каждую её мысль. Но заслон, который он поставил в её сознании, — это единственное, что скрывает правду: она уже видела его слабость. И она собирается ею воспользоваться.Он думает, что покупает рабыню. Она собирается доказать, что он купил себе погибель.Книга содержит описания жестких BDSM практик, сцен морального и физического принуждения. Пожалуйста, читайте с осторожностью.

© Лэйтс К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	18
Глава 4	37
Глава 5	44
Глава 6	56
Глава 7	71
Глава 8	84
Глава 9	96
Глава 10	108
Глава 11	122
Глава 12	131
Глава 13	142
Глава 14	154
Глава 15	165
Глава 16	168

Кассандра Лэйтс
Чёрное Солнце. Книга 1.

Глава 1

Пролог

В далеких землях жил садовник, который не любил цветы. Ему нравился их запах, густой и тяжелый, как из открытого погреба. Нравился цвет. А больше всего он любил смотреть, как они умирают у него в руках: как клонится головка, как осыпается пыльца, как лепесток теряет упругость.

Однажды он вырастил Розу. Она вышла прекрасной и дикой: шипы драли ему пальцы, стебель гнулся в ту сторону, которую он не выбирал. Садовник ходил вокруг нее неделю, потом взял нож.

Он не срезал ее. Он подрезал ей корни, обрубал ветви, которые тянулись не туда, и привязывал стебель к железному колышку, затягивая веревку так туго, что кора лопалась. Он делал ей больно, чтобы получилось красиво.

Роза плакала. Сок выступал из надрезов, стекал по его рукам, и он пил его, слизывал с ладоней. Он говорил ей: «Ты не знаешь, что такое красота. Я покажу тебе». А когда она тянулась в сторону, он загибал ее шипы внутрь, к стеблю, и она колола сама себя.

К концу лета Роза перестала сопротивляться. Стебель стоял ровно, ветви лежали по нитке, шипы торчали в одну сторону. Она стала идеальной. И больше не пахла.

Садовник обошел ее кругом, присел, потрогал лепестки, наклонился вдохнуть. Ничего. Он смотрел на свою работу и понимал, что дикость, которая держала его в этом мире, кончилась у него в руках, как кончалось все, что он любил.

Глава 2

Глава 1

1

Осень в Кейрн-Холлоу всегда пахла сырой землей, прелой листвой и дымом. Деревня просыпалась медленно, укутанная в серое утреннее марево, и даже крики петухов здесь звучали приглушенно, словно боялись нарушить тишину древнего леса.

Я стояла под старой яблоней на краю нашего двора, прислонившись спиной к шершавому стволу. Ветви дерева уже почти облетели, и редкие красные яблоки висели на них, как капли застывшей крови. Я ждала Кайла.

Утро выдалось на удивление теплым. Солнце, хоть и бледное, пригревало плечи через тонкую ткань моего платья. Но если поднять голову, можно было заметить, как с севера, от самых Черных скал, медленно наползают тяжелые, свинцовые тучи. Они казались плотными, как мокрое одеяло, и обещали, что к вечеру небо разверзнется.

Я поежилась, хотя холодно не было. Просто в такие дни, когда тепло и свет боролись с надвигающейся тьмой, во мне всегда просыпалось странное чувство. Предчувствие. Бабушка говорила, что это дар нашей крови — чувствовать, когда мир готовится сделать вдох перед ударом.

Мой взгляд скользнул по нашему дому. Покосившаяся крыша, забитые досками окна на втором этаже, покосившееся крыльцо. Я знала каждый скрип в этих стенах. Знала, как стонет дверь, когда отчим возвращается пьяным. Знала, как тихо плачет мать в подушку, чтобы не разбудить младших.

Мать... Бриджит. Когда-то она была красивой женщиной, но роды, один за другим, выпили из нее жизнь. После появления на свет младших двойняшек она слегла и с тех пор почти не вставала. Я была старшей. Я помнила другой дом. Тот, который был до Гарта.

Мой отец, Тэрен, был знахарем. В нашей деревне его уважали. Он учил меня различать травы по запаху, находить коренья под снегом, заговаривать боль. Он не боялся моего дара. Наоборот, он говорил, что телепатия — это не проклятие, а умение слышать то, что другие пропускают.

Он умер, когда мне было десять. Я до сих пор помню, как это случилось. Он пошел в лес за редкой травой для матери, которая тогда тяжело болела, и не вернулся. Нашли его только через три дня. Сердце остановилось, сказали люди. Просто остановилось.

После его смерти в доме поселилась нищета. А потом и Гарт.

Я невольно поморщилась, вспомнив его. Пропитанный дешевым пойлом и злобой, он женился на матери ради крыши над головой, но с первого же дня возненавидел нас — меня и младших. Особенно меня.

Гарт боялся меня.

Однажды, когда он был особенно пьян и замахнулся на меня с кулаком, я не выдержала. Я просто позволила своему разуму коснуться его. Я не хотела сделать ему больно. Я просто показала ему то, что он боялся больше всего — собственное отражение в зеркале, которое начало смотреть на него с укором. Я заставила его увидеть, что его душа так же грязна, как его сапоги.

Он не спал неделю. Он кричал, что в доме завелась нечисть. С тех пор он обходил меня стороной, но я знала: он ждет момента, чтобы избавиться от меня. Отдать кому-нибудь. Продать.

— О чем задумалась?

Знакомый голос вырвал меня из тяжелых мыслей. Я подняла голову и улыбнулась.

Кайл стоял в нескольких шагах от меня, держа в руках небольшой сверток. В свои двадцать три года он был высоким, широкоплечим, с мягкими каштановыми волосами, которые падали на лоб. В его карих глазах было столько тепла, что на мгновение мне показалось, будто тучи над головой расступились.

Он был в своей рабочей рубахе, перепачканной углем — он работал подмастерьем у кузнеца, — и в стоптанных сапогах. Но для меня он был самым красивым парнем в Кейрн-Холлоу.

— Думала о том, как поскорее дождаться тебя, — ответила я, отталкиваясь от дерева. — Ты опоздал.

Кайл подошел ближе и виновато улыбнулся.

— Прости. Отец заставил доделать заказ. Но я кое-что принес. — Он протянул мне сверток. — Это тебе.

Я развернула плотную ткань. Внутри лежало небольшое, румяное яблоко. Не из нашего сада — у нас таких не было. Оно было идеальным, без единой червоточины, с гладкой кожурой.

— Украл из сада старосты? — усмехнулась я, принимая подарок.

— Купил на ярмарке вчера. — Кайл гордо выпрямился. — У меня была пара медяков с заказов. Я знаю, ты любишь сладкие.

Я прикусила щеку изнутри, чтобы не показать, как сильно меня это тронуло. Он покупал мне яблоко на свои скудные деньги. Пока Гарт пропивал все, что зарабатывала я, Кайл думал о том, чтобы сделать мне приятно.

— Спасибо, — тихо сказала я, убирая яблоко в карман платья. — Ты меня балуешь.

— Ты заслуживаешь, чтобы тебя баловали, Ровена, — просто ответил он.

Мы уселись на старую поваленную колоду у края двора. Земля под ногами была усыпана желтыми листьями, и они шуршали, когда мы устраивались поудобнее. Кайл сел так, чтобы наши плечи соприкасались. Я чувствовала тепло его тела и запах кузницы, который всегда от него исходил — запах металла и огня.

— Как мама? — спросил он, беря меня за руку. Его ладонь была грубой, мозолистой, но такой надежной.

— Лучше. Я собрала настой из корня девясила, ей стало легче дышать. Двойняшки помогают по дому, хотя у них получается скорее мешать.

— А Гарт?

Я замолчала на секунду. Пальцы Кайла на моей руке сжались крепче, словно он уже знал ответ.

— Вчера вернулся поздно. Разбил горшок. Кричал, что дом — это дырявая корзина, в которую он бросает деньги.

— Он снова поднимал на тебя руку?

— Нет. — Я посмотрела ему в глаза. — Он боится меня. Ты же знаешь.

Кайл кивнул, но в его взгляде осталась тень. Он всегда немного робел перед моим даром. Он любил меня, но где-то в глубине души боялся того, что я могу увидеть в его мыслях. Хотя я никогда не читала его без разрешения. Мне не нужно было. Он был честным. Он был открытым.

— Я бы хотел, чтобы ты жила в другом месте, — тихо сказал он, глядя куда-то вдаль, на лес. — Где тебе не придется собирать травы, чтобы мать не умерла, и терпеть этого ублюдка.

— Я тоже, Кайл.

Он повернулся ко мне. В его глазах была та самая нежность, от которой у меня всегда сжималось сердце. И что-то еще. Осторожность.

Я знала, о чем он думает. Я всегда знала.

— Ты хочешь меня поцеловать, — сказала я с легкой улыбкой.

Кайл моргнул, и его щеки залились румянцем. Он до сих пор смущался, когда я вот так, в лоб, озвучивала его мысли.

— Я... это так заметно?

— Ты уже целую минуту смотришь на мои губы. И твои мысли звучат очень громко. Мне не нужно их читать, чтобы понять, что ты замышляешь.

Он тихо рассмеялся, качая головой. Но смех вышел каким-то натянутым. Он смотрел на меня, и в его глазах, вместе с нежностью, промелькнуло что-то еще. Что-то, от чего у меня внутри неприятно кольнуло.

Он тут же пожалел об этом. Я увидела, как его лицо изменилось, как он поспешил взять мою руку и сжать крепче, словно пытаясь стереть сказанное.

— Прости. Я не то имел в виду. Я просто... — он замолчал, не находя слов.

— Я знаю, — ответила я, и улыбнулась, хотя внутри что-то сжалось. — Ты не первый, кто так думает.

Он хотел сказать что-то еще, оправдаться, но я не дала ему. Я наклонилась вперед сама, сократив расстояние между нами.

— Секреты — для трусов, — сказала я мягко. — А ты не трус.

Он наклонился ко мне. Медленно. Осторожно. Его дыхание коснулось моего лица, и я почувствовала, как он ждет. Он всегда ждал. Он никогда не брал сам.

Его губы коснулись моих. Легко, невесомо, как падающий лист. Поцелуй был невинным, почти детским. Он не требовал, не настаивал, не шел дальше. Он просто был.

Я закрыла глаза.

И ничего не почувствовала.

Не то чтобы мне было неприятно. Нет. Его губы были мягкими, его руки, которые он положил мне на плечи, были теплыми. Это было... правильно. Так, как должно быть. Как в историях о принцессах и рыцарях, которые рассказывают на ночь младшим.

Но где-то в глубине меня, там, где жил мой дар, где жили мои чувства, что-то оставалось неподвижным. Я ждала, что внутри вспыхнет огонь, что земля уйдет из-под ног, что я забуду, как дышать.

Этого не случилось.

Когда Кайл отстранился, я открыла глаза и улыбнулась ему. Потому что он смотрел на меня с таким ожиданием, с такой надеждой, что я не могла позволить себе показать свое разочарование. Он был хорошим. Он был лучшим из всех, кого я знала. Я любила его. Я была уверена, что люблю.

Просто... любовь, наверное, ощущается именно так. Тихо. Спокойно. Безопасно.

И его страх перед тем, что я могу увидеть в его голове, — это была не его вина. Это была моя. Я слишком часто показывала, что вижу больше, чем следовало.

Он обнял меня, притянув к своей груди. Я положила голову ему на плечо, вдыхая запах угля и осеннего ветра.

— Я накоплю денег, — пробормотал он мне в волосы. — К весне у меня будет достаточно. Я поговорю с отцом, он даст мне участок. Мы построим маленький дом на краю деревни. У нас будет сад. Ты сможешь выращивать свои травы, а я буду работать в кузнице.

Я слушала его голос и представляла эту картину. Маленький дом. Сад. Никакого Гарта. Никаких криков по ночам. Только тишина и покой.

Это было все, чего я хотела. Разве нет?

— А дети? — тихо спросила я.

Кайл улыбнулся, и я почувствовала, как его подбородок коснулся моей макушки.

— Двое. Мальчик и девочка. Мальчика назовем в честь твоего отца. Тэрен. А девочку... как ты хочешь.

— Бриджит, — прошептала я. — В честь мамы.

— Бриджит, — согласился он. — Звучит красиво.

Мы сидели так долго. Я слушала, как бьется его сердце, и пыталась убедить себя, что это и есть счастье. Что мне больше ничего не нужно.

Но где-то на краю сознания, там, где я всегда чувствовала чужие мысли, я ощущала смутное беспокойство. Оно не было связано с Кайлом. Оно шло откуда-то извне, из леса, с дороги, из надвигающихся туч.

Я подняла голову.

Небо действительно изменилось. Теплое утро уходило, уступая место серой, тяжелой хмари. Ветер усилился, пригибая ветви яблони к земле. Где-то вдалеке, на главной дороге, ведущей в деревню, поднялась пыль.

— Что это? — Кайл тоже посмотрел в ту сторону.

Я прищурилась, всматриваясь вдаль. По дороге двигались всадники. Их было трое или четверо. Они были одеты в одинаковые темные плащи, и даже издалека я чувствовала исходящую от них силу. Не тепло, как от Кайла, а холод. Расчетливый, острый холод.

— Не знаю, — сказала я, и мой голос прозвучал напряженнее, чем мне хотелось. — Но они едут сюда.

Кайл отпустил меня и поднялся, заслоняя меня плечом, словно невидимая угроза уже была рядом.

— Вербовщики? — предположил он. — Слышал, в соседних деревнях они искали девушек с даром.

Сердце пропустило удар.

— С даром, — повторила я.

— Это просто слухи, — быстро сказал Кайл, поворачиваясь ко мне. — Они не заберут тебя. Ты не какая-то там... Ты здесь, со мной.

Он взял меня за руки, и в его глазах был страх. Настоящий, животный страх. Он знал, что мой дар — это не просто умение слышать мысли. Это редкость. Это ценность.

Всадники скрылись за поворотом, направляясь к дому старосты. Но я знала: они приехали не просто так.

Я посмотрела на Кайла, на его доброе лицо, на его руки, которые держали меня так крепко.

— Я знаю, — сказала я, пытаясь улыбнуться. — Я здесь.

Кайл ушёл первым, к отцу в кузницу. Я пошла домой дальней дорогой, мимо колодца.

У сруба стояли две женщины с соседней улицы. Я поздоровалась, они ответили разом, вежливо, и та, что постарше, подвинулась, освобождая мне место у ворота.

— Матери легче? — спросила она.

— Легче. Отвар помогает.

— А на ярмарке-то вчера, — подхватила вторая, — яблоки по два медяка. Слыхано ли.

— Дорого, — сказала первая.

«Совсем бледная. Тэренова порода».

«И всадники у старосты с самого утра. Уж не за ней ли, за рыжей...»

Я тянула верёвку и считала про себя: раз, два, три. Чужие мысли всегда шли поверх чужих слов, двумя реками сразу. Я выросла между ними и так и не привыкла.

— Матери поклон, — сказала вслух вторая, когда я подняла ведро.

И про себя добавила: «Увезли бы поскорее, пока беда не на всю деревню».

— Поклонюсь, — ответила я.

Домашняя дверь была уже видна, а взгляды женщин я чувствовала спиной до самой калитки. Одна перекрестила меня в воздухе, торопливо, будто отмахивалась от мухи.

Но свинцовые тучи над Кейрн-Холлоу становились все тяжелее, и где-то в глубине души я уже знала: это теплое утро было последним.

2

Дверь в нашу хижину скрипнула так, как скрипела всегда — протяжно, с надрывом, словно у нее болело горло. Я вошла внутрь, и привычный запах ударил в нос: сырость, немытая посуда, дешевое пойло и трава, которую я сжигала в жаровне, чтобы хоть как-то отогнать плесень.

Дом был маленьким: одна общая комната, где мы ели и спали, и крошечная каморка за занавеской, где лежала мать. Окна были затянуты бычьим пузырем, потому что на стекло денег не было. Свет проникал внутрь скупо, и даже в теплый день здесь царил полумрак.

Мать лежала на своем тюфяке. Бриджит была бледной, почти прозрачной, с запавшими щеками и волосами, которые когда-то были такими же рыжими, как у меня, а теперь стали тусклыми и седыми. Она дышала тяжело, с хрипом, и при каждом вдохе ее грудь поднималась с трудом.

Я подошла и опустилась на колени рядом с ней.

— Мама, — тихо позвала я. — Я вернулась.

Она открыла глаза. В них было столько усталости, что у меня защемило сердце.

— Ровена... — Ее голос был слабым, как шелест сухих листьев. — Ты долго...

— Я была у яблони. С Кайлом. — Я взяла ее руку. Кожа была сухой и горячей — жар никак не отпускал ее. — Я принесла еще корня девясила. Заварю тебе отвар, и к ночи станет легче.

Она слабо улыбнулась.

— Ты всегда... всегда знаешь, что делать...

Она не отпустила мою руку. Пальцы у неё были сухие и лёгкие, как лучинки, но держали крепко.

— Ровена. — Она смотрела не на меня, а выше, в потолок, где ходили тени от жаровни. — Отец твой... он ведь не всё тебе говорил.

— Что не всё?

— Он говорил, ты умеешь больше, чем показываешь. И что об этом нельзя знать никому. Даже мне.

Я промолчала. Отец и правда учил меня не всему при людях: половину уроков мы брали в лесу, и он брал с меня слово, что дома об этом ни слова.

— Если за тобой придут, — сказала мать, — будь глупее, чем ты есть. Обещай.

— Никто за мной не придёт, — сказала я. — Спи.

Она закрыла глаза, и рука её разжалась. Я решила, что она бредит от жара.

Я встала и взялась за дела.

Двойняшки, Тэрен и Лисса, сидели на полу у очага. Им было по шесть лет, и они были похожи на маленьких воробьев — худые, большеглазые, с вечно испачканными руками. Тэрен что-то чертил угольком на доске, которую я ему дала, а Лисса пыталась шить из старых лоскутов куклу.

Увидев меня, они оба вскинули головы.

— Ровена! — Лисса бросила свою куклу и подбежала ко мне, обхватывая мои ноги. — А Гарт сегодня злой. Он проснулся и кричал.

Я погладила ее по волосам.

— Он всегда злой, Лисса. Это не твоя вина.

— Он разбил кувшин, — добавил Тэрен, не поднимая головы от своего рисунка. Он был более замкнутым, чем сестра, и в свои шесть лет уже понимал, что лучше не привлекать к себе внимания. — Я убрал осколки, чтобы ты не порезалась.

— Спасибо, малыш. — Я подошла и присела рядом с ним. — Что ты рисуешь?

Он показал мне доску. Там были нарисованы какие-то палочки, похожие на деревья, и маленькие фигурки.

— Это мы, — сказал он. — Это ты, это мама, это Лисса, это я. И папа. — Он ткнул пальцем в фигурку, нарисованную отдельно. — Он на небе. Он смотрит на нас.

Я почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Мой отец, Тэрен. Тэрен был лучшим человеком в моей жизни. Я до сих пор помню его руки, его голос, его смех. Он не был похож на Гарта. Он никогда не поднимал руку на мать. Он никогда не кричал. Он просто... был. И его не стало.

— Да, — тихо сказала я. — Он смотрит на нас.

Младшие от Гарта — Мэй и Уилл — были на улице. Им было по три года, и они еще не понимали, что происходит в доме. Они просто играли в грязи, как щенки, и радовались, когда я приносила им что-то сладкое. Я иногда думала: как можно быть детьми Гарта и быть такими жестокими, как он? А потом смотрела на них и понимала: они не виноваты. Они не выбрали такого отца.

Я занялась делами. Заварила матери отвар, дала ей несколько глотков. Потом почистила горшки, вымыла пол, развела огонь в очаге, чтобы сварить похлебку из того, что осталось. В доме было убого и пусто. Стены были черными от копоти, крыша протекала в углу, и там стояло ведро, чтобы вода не заливала пол.

И все это время в моей голове не переставала звучать одна мысль: всадники.

Серые Псы.

Я слышала о них. В Кейрн-Холлоу о них говорили шепотом, как о чем-то темном и страшном, о чем не принято говорить вслух. Говорили, что они служат Цитадели Багрового Рассвета — академии в городе Обсидиан. Говорили, что они ищут девушек с даром. И не для того, чтобы учить их чему-то доброму.

Слухи были разными. Кто-то говорил, что в академии обучают магии и дают кров и знания. Но чаще говорили другое: что Цитадель — не школа, а рынок, где девушек «обкатывают», а тех, кто нарушил правило, наказывают и продают тому из педагогов, у кого есть деньги.

Я знала только одно: если в деревню приезжают Серые Псы, это не к добру.

Я вспомнила их лица. Холодные, сосредоточенные, без эмоций. Они не смотрели на людей как на людей. Они смотрели на них как на товар.

И они ехали к дому старосты.

— Ровена? — Лисса дернула меня за рукав. — Ты почему замерла?

Я очнулась. Я стояла у очага, держа в руках ложку, которой мешала похлебку.

— Все хорошо, — сказала я, выдавив улыбку. — Просто задумалась.

— А ты меня научишь варить зелья? — спросила она. — Как бабушка?

Я посмотрела на нее. На ее наивное, чистое лицо.

— Научу, — сказала я. — Обязательно научу.

Я не знала тогда, что не успею.

Дверь хлопнула. Гарт вернулся один, без крика, и от этого стало тревожнее, чем от крика.

Он не разделся, не заглянул к матери. Прошёл к столу, вытащил из-за пазухи горсть монет и ссыпал на столешницу. Медяки, потёртые, с забившейся в чеканку грязью. Он пересчитывал их дважды, шевеля губами, и всё равно выходило мало.

— Что встала? — сказал он, не оборачиваясь.

— Похлёбка будет к вечеру.

— К вечеру, — повторил он и обернулся.

Взгляд у него был трезвый. Это было хуже пьяного. Пьяный смотрел на меня со страхом, а этот смотрел, как на корову на ярмарке: бока, шея, сколько дадут.

— Восемнадцать тебе? — спросил он.

— Восемнадцать.

— Восемнадцать, — сказал он ещё раз, будто пробовал слово на зуб. Сгрёб монеты в карман. — Шла бы ты замуж, что ли. Или ещё куда.

— Куда? — спросила я.

Он усмехнулся и ничего не ответил. Взял с полки горбушку и вышел. Дверь за ним хлопнула веселее, чем входила.

Время шло к полудню. Я почти закончила с делами, когда услышала шаги за дверью. Тяжелые, неуверенные. Шаги человека, который пил с самого утра.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Гарт.

Он был высоким, но уже обрюзгшим от пьянства. Его лицо было красным, с сеткой лопнувших сосудов на щеках. От него разило перегаром так сильно, что я невольно поморщилась. Он стоял, покачиваясь, и смотрел на меня с той злобой, которая была у него всегда, когда он был пьян.

Но не только он вошел в дом.

За его спиной, в дверном проеме, стояли двое. Мужчины в темно-серых плащах с капюшонами, которые скрывали их лица.

3

— Вот она, — Гарт ткнул в меня грязным пальцем, и его ухмылка стала шире. — Ровена. Старшая. Колдунья. Читает мысли, как я пью воду. Ведьма.

Я замерла. Ложка в моей руке дрогнула.

— Я не ведьма, — сказала я, и голос мой прозвучал тише, чем я хотела. — Гарт, ты пьян. Иди проспись.

— Не смей мне указывать! — он шагнул вперед, покачиваясь, и ткнул в меня пальцем. — Я знаю, что ты делаешь. Ты слышишь, что я думаю. Ты в голову мне залезаешь, дрянь. Ты и детей моих пугаешь. Ты мне всю жизнь испортила!

Один из Псов повернул голову к Гарту, и в его голосе не было ни капли сочувствия.

— Ты продаешь свою падчерицу. Почему?

Гарт оскалился, и в его глазах промелькнул настоящий, животный страх.

— Она мне в голову залезла, — прохрипел он, тыча в меня пальцем. — Я неделю спать не мог. Думал, сдохну. Каждую ночь видел себя в зеркале, и это отражение на меня смотрело. Как живое. Забирайте ее, пока она меня не убила!

Второй Пёс тихо усмехнулся, и от этого звука мне стало по-настоящему страшно.

Один из мужчин в серых плащах поднял руку. Это движение было таким спокойным, таким ленивым, что я сначала не поняла, что произошло. Но Гарт замолчал. Просто замолчал, как будто у него отняли голос. Он открыл рот, но оттуда не вырвалось ни звука.

— Замолчи, — сказал Пес. Голос был ровным, без эмоций. — Ты уже сказал достаточно.

Гарт побледнел. Даже сквозь хмель он понял, что лучше не спорить.

Первый Пес — тот, что стоял ближе, — откинул капюшон. Я увидела молодое лицо, жесткое, с холодными глазами. Он смотрел на меня так, как мясник смотрит на тушу: оценивающе.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

Я хотела соврать. Хотела сказать, что мне шестнадцать, что я больна, что я бесполезна. Но я чувствовала его магию — она давила на меня, как каменная плита, и я понимала: он почувствует ложь. Он маг. А значит, у меня нет шансов.

— Восемнадцать, — ответила я.

Второй Пес, который до этого молчал, наклонил голову набок, рассматривая меня. В отличие от первого, он не скрывал лица — у него была гладкая кожа, тонкие губы и глаза, которые раздевали меня взглядом.

— А если ее отмыть и приодеть, — сказал он задумчиво, — она будет очень даже ничего. Даже симпатичной. Рыжая. Редкость.

Я сжала зубы так сильно, что челюсть заныла.

— У меня нет никакого дара, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Просто моему отчиму опять не хватает денег на выпивку. Он готов продать любого, кто под руку попадется.

Первый Пес посмотрел на меня долгим взглядом. Потом усмехнулся.

— Сейчас проверим.

Он подошел ко мне. Я хотела отшатнуться, но ноги не слушались. Он остановился в шаге от меня и поднял руку. В его пальцах что-то блеснуло — маленький черный кристалл на цепочке. Он покачивался, как маятник, и я почувствовала, как от него исходит холод. Настоящий, физический холод, от которого у меня по спине поползли мурашки.

— Смотри на камень, — приказал он.

Я не хотела. Но мои глаза сами устремились к кристаллу. Он был черным, как сама ночь, но внутри него что-то двигалось, переливалось, как масло в воде. И чем дольше я смотрела, тем громче становились голоса в моей голове.

Чужие голоса.

Я услышала, как Лисса думает о кукле. Как Тэрен боится, что его снова ударят. Как мать молится, чтобы все обошлось. Как Гарт думает о деньгах, которые получит. И как Псы думают обо мне — один о том, сколько за меня дадут, второй о том, как я буду выглядеть без этой грязной одежды.

Я зажмурилась и тряхнула головой. Голоса были слишком громкими. Они давили, как стена, и я не могла их оттолкнуть. Но я должна была. Если я покажу, что слышу, они заберут меня.

— Я ничего не слышу, — прошептала я. — Я не...

Кристалл в его руке вспыхнул. Ярко, ослепительно, как молния. И в тот же миг моя рука дернулась сама собой. Я не хотела этого. Я пыталась ее остановить, но она тянулась к кристаллу, как будто он был магнитом, а я — железом. Пальцы дрожали, и я чувствовала, как от напряжения начинает гореть запястье.

— Смотрите-ка, — с удовлетворением протянул первый Пес. — Она даже не может сопротивляться.

Я хотела закричать, что это не так, что я контролирую себя. Но вместо этого мои губы сами открылись, и из моего рта вырвался чужой голос. Голос Гарта.

— Деньги... — прошептала я его мыслями. — Наконец-то я избавлюсь от этой ведьмы...

Я замолчала, прижав ладонь ко рту. Меня затрясло. Я никогда не теряла контроль над своим телом. Никогда. Я всегда могла отгородиться, закрыться, спрятаться. Но этот кристалл вывернул меня наизнанку, как мешок с зерном, и высыпал наружу все, что я так старательно прятала.

Второй Пёс засмеялся — тихо, с искренним удовольствием.

— Ох, какая прелесть. Она даже не понимает, что с ней происходит.

Первый Пес удовлетворенно кивнул. Он убрал кристалл в карман плаща и посмотрел на Гарта.

— Он не врет, — сказал он. — Дар есть. Телепатия. Редкий случай.

Второй Пес усмехнулся.

— Отлично. Заберем ее.

— Нет! — я попятилась, упираясь спиной в стену. — Нет, пожалуйста. У меня мать больная. У меня братья и сестры. Я не могу...

Я не договорила. Первый Пес шагнул вперед и схватил меня за руку. Его хватка была железной.

— Тише, — сказал он. — Не заставляй нас применять силу.

— Ровена! — Лисса закричала и бросилась ко мне, цепляясь за мое платье. — Не забирайте ее! Не забирайте!

Тэрен вскочил на ноги и тоже бросился ко мне, но второй Пес оттолкнул его. Не грубо, но достаточно, чтобы мальчик отлетел в сторону и ударился о стену.

— Тэрен! — крикнула я, пытаясь вырваться.

Мать застонала на своей постели. Она пыталась встать, но силы оставили ее.

— Ровена... — прошептала она. — Ровена, доченька...

Первый Пес потащил меня к двери. Я упиралась, хваталась за косяк, за стол, за что угодно, но он был сильнее. Второй Пес шел позади, и я чувствовала его взгляд на своей спине.

Когда мы вышли на крыльцо, первый Пес остановился. Он достал из кармана маленький кошель и бросил его под ноги Гарту. Кошель упал на пол с тяжелым звоном.

— Твоя плата, — сказал он с презрением. — И не смей больше являться к нам. Ты больше не нужен.

Гарт схватил кошель и быстро спрятал его за пазуху. Он даже не взглянул на мать.

Псы потащили меня к лошадям. Дождь усилился, и холодные капли стекали по моему лицу. Я не понимала, что происходит. Я не понимала, как это могло случиться так быстро.

— Садись, — приказал первый Пес, подталкивая меня к лошади.

Я не двигалась. Тогда он схватил меня за талию и поднял, усадив в седло. Я попыталась спрыгнуть, но он уже вскочил позади меня, и его рука обвила мою талию, как железный обруч.

— Не дергайся, — сказал он. — Иначе будет хуже.

Я обернулась. В дверях стояли Лисса и Тэрен. Они плакали, держась за руки. Мать стояла, опираясь на дверной косяк, и ее лицо было мокрым от слез. Не знаю откуда она нашла в себе силы подняться и выйти.

И тогда я увидела Кайла.

Он бежал по дороге, разбрызгивая грязь. Его рубаха была расстегнута, волосы растрепались. Он кричал что-то, но ветер уносил слова.

— Ровена! — он наконец добежал до нас, задыхаясь. — Ровена, отпустите ее!

Первый Пес даже не обернулся. Второй усмехнулся.

— Мальчик, иди домой. Пока цел.

— Я не отдам ее! — Кайл схватил поводья моей лошади. — Она не вещь! Вы не можете...

Он не договорил. Второй Пес поднял руку и сделал короткое движение. Я даже не увидела, что именно он сделал. Просто воздух вокруг Кайла потемнел, и его отбросило назад. Он упал на землю, в грязь, и замер.

— Кайл! — я закричала и попыталась спрыгнуть с лошади. Но рука первого Пса держала меня крепко.

— Он жив, — сказал он спокойно. — Пока жив. Если ты не будешь дергаться, он останется живым.

Я замерла. Просто смотрела на Кайла, который лежал в грязи и не двигался. Я видела, как Лисса и Тэрен выбежали из дома и бросились к нему. Я видела, как мать упала на колени от слабости.

Черная магия. Я знала, что это такое. И я знала, что если я сейчас не поеду с ними, они убьют кого-нибудь.

Я перестала сопротивляться.

— Хорошая девочка, — сказал первый Пес.

Лошадь тронулась с места. Я обернулась назад и увидела, как Кайл поднимается на колени. Его лицо было в грязи, но глаза горели.

— Ровена! — крикнул он. — Я найду тебя! Слышишь?! Я спасу тебя! Я люблю тебя!

Я хотела ответить. Хотела сказать, что тоже его люблю. Но я смотрела на него, на его перепачканное лицо, и чувствовала только одно: страх.

Лошади понеслись по дороге, прочь из Кейрн-Холлоу. Дождь хлестал по лицу, и я уже не понимала, где слезы, а где капли.

Я ехала в Цитадель Багрового Рассвета.

4

Дорога до Обсидиана заняла почти шесть часов. Шесть часов под холодным осенним дождем, который то стихал, то начинался снова, превращая землю под копытами лошадей в вязкое месиво. Я сидела впереди первого Пса, и его рука, обвивавшая мою талию, казалась мне железным обручем. Я не пыталась сбежать. Не пыталась кричать. Я просто смотрела на дорогу, уходящую назад, и думала о том, что каждый удар копыт отдаляет меня от Кейрн-Холлоу, от матери, от Лиссы и Тэрена, от Кайла, который остался лежать в грязи.

Я пыталась читать мысли Псов. Хотя бы для того, чтобы понять, что меня ждет. Я осторожно потянулась к разуму того, что ехал впереди, и тут же наткнулась на глухую, непроницаемую стену. Она была не как заслон сильного мага — гладкий и холодный, как стекло. Эта стена была шершавой, тяжелой, как камень. Я надавила на нее сильнее, пытаясь найти хоть щель, хоть трещину, и вдруг в голове вспыхнула такая острая, ослепляющая боль, что я зажмурилась и едва не вскрикнула. Казалось, будто я ударилась лбом о настоящую скалу. Боль пульсировала в висках, отдавала в затылок, и на глаза навернулись слезы.

Я отступила. Медленно, осторожно, как отступают от края пропасти. И поняла: они не просто закрыты. Они закрыты так, чтобы никто не мог даже попытаться. И если я буду лезть снова, они это почувствуют.

Второй Пес, тот, что ехал рядом, иногда поглядывал на меня. Его взгляд был липким, как грязь на дороге. Он ничего не говорил, но я чувствовала, о чем он думает. И от этого мне хотелось сжаться в комок.

К вечеру, когда небо стало совсем темным, вдали показались огни. Сначала я подумала, что это звезды, упавшие на землю. Но чем ближе мы подъезжали, тем яснее становилось: это город. Огромный, раскинувшийся на холмах, окруженный высокой каменной стеной. Обсидиан.

Столица Вельдрии.

Мы въехали через южные ворота, и я сразу почувствовала разницу. Если Кейрн-Холлоу пах деревней, лесом и дымом, то Обсидиан пах камнем, железом и чем-то еще — сладковатым, тяжелым, похожим на благовония, которыми пользуются богатые, чтобы скрыть запах грязи.

Окраины были грязными. Узкие улочки, застроенные покосившимися домами, где на каждом углу сидели нищие и попрошайки. Дети в лохмотьях играли в канавах, и их лица были такими же серыми, как стены. Женщины с усталыми глазами развешивали белье прямо над головами прохожих. Мужчины смотрели на нас исподлобья — на Псов, на меня, на лошадей. В их взглядах не было любопытства. Только привычная настороженность людей, которые живут там, где закон не защищает.

Но чем дальше мы ехали, тем больше город менялся. Дома становились выше, улицы шире, грязь уступала место каменным мостовым. Появились фонари — настоящие, магические, светящиеся мягким голубым светом. За стеклянными окнами виднелись занавески, статуи, картины. Люди на этих улицах были одеты в шелка и бархат, их лица были сытыми и надменными. Они не смотрели на нас. Они вообще не смотрели на тех, кто ехал по дороге. Они жили в другом мире.

Я слышала о короле Джарвисе: говорили, что он слабый правитель, а настоящая власть — у черных магов.

— Куда вы меня везете? — спросила я, когда мы проезжали очередную широкую улицу с богатыми домами. — Что со мной будет?

Первый Пес не ответил. Он даже не посмотрел на меня. Второй усмехнулся.

— Увидишь, — сказал он. — Тебе понравится. Или нет. Зависит от того, как ты будешь себя вести.

— Что это значит? — я попыталась обернуться, но рука первого Пса не дала мне этого сделать.

— Это значит, что некоторые девушки ломаются сразу, — сказал второй. — А некоторые — нет. И с теми, кто не ломается, поступают интереснее.

Это был не страх перед неизвестностью: слухи, которые я слышала в деревне, оказались правдой.

— Скажите мне, — я старалась, чтобы голос не дрожал. — Что там? В Цитадели? Что вы с нами делаете?

Первый Пес, наконец, нарушил молчание. Его голос был ровным, без эмоций.

— Тебя учат, — сказал он. — Тебя готовят. А потом продают. Всё просто.

— Продают? — я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. — Как скот?

— Как магический ресурс, — поправил он. — Ты телепат. Это редкость. За тебя хорошо заплатят.

Второй Пес засмеялся. Этот смех был похож на скрип несмазанной двери.

— Если не испортишь товар до продажи, — сказал он. — А то бывает, что девушки приходят красивыми, а уходят... ну, не очень. Хозяева не любят, когда с их собственностью что-то случается.

Я замолчала. Больше не было смысла спрашивать. Они не скажут мне правду. Или скажут, но так, что я пожалею о том, что спросила.

Город закончился внезапно. Улицы стали шире, дома — выше, а потом мы выехали на огромную площадь, и я увидела ее.

Цитадель Багрового Рассвета.

Она стояла на холме, возвышаясь над городом, как корона, надетая на голову мертвеца. Это было огромное здание из черного камня — того самого обсидиана, в честь которого был назван город. Оно было красивым. Пугающе красивым. Высокие шпили, узкие окна, стрельчатые арки. Оно было отделано золотом и серебром, и в свете магических фонарей казалось, что по его стенам текут реки крови.

Но в этой красоте не было тепла. Не было жизни. Только холод, который исходил от стен, от башен, от самого воздуха вокруг. Вороны кружили над шпилями, и их крики были единственным звуком, нарушавшим тишину.

Псы остановили лошадей у массивных ворот. Я смотрела на Цитадель и чувствовала, как внутри меня что-то сжимается. Это было не просто здание. Это была тюрьма. И я ехала в нее.

— Приехали, — сказал первый Пес. — Добро пожаловать домой.

5

Ворота Цитадели открылись с тяжелым скрежетом, словно нехотя впуская нас внутрь. Мы въехали во двор, и я на мгновение потеряла способность дышать.

Двор был огромным. Вымощенный гладким черным камнем, он казался бездонным. По периметру стояли статуи — не святых и не королей, а каких-то существ с крыльями и рогами, и их каменные глаза, казалось, следили за каждым моим движением. В центре бил фонтан, но вода в нем была темной, почти черной, и в свете магических фонарей она переливалась, как масло.

Было тихо. Слишком тихо для такого огромного места. Я видела только охрану — мужчин в темных доспехах, стоявших у стен, — и нескольких учениц. Девушки в одинаковых серых платьях шли по двору, опустив головы. Они не разговаривали. Они не смотрели по сторонам. Они просто шли, как тени, и исчезали в дверях главного здания.

Но откуда-то сверху, со второго этажа, доносились звуки. Музыка. Нежная, тягучая мелодия, которая не вязалась с этим мрачным местом. И смех. Громкий, женский смех, перебиваемый низким мужским голосом.

Первый Пес спешился и стащил меня с лошади. Я едва удержалась на ногах — они онемели от долгой езды. Я пошатнулась, но устояла. И в этот момент, невольно, подняла голову на звук.

Дверь на балконе второго этажа распахнулась, выпуская наружу волну теплого света и громкую музыку. На балкон вышел он.

Я не знала, кто он. Я не знала его имени. Но я сразу поняла: это не охрана, не педагог, не кто-то из Псов. Это было что-то другое.

Он был почти моим ровесником, не старше двадцати. Высокий, с длинными темными волосами, которые падали на плечи, как черный шелк. Его лицо было красивым — но не той красотой, которую я привыкла видеть в деревне. Это была опасная, вызывающая красота, от которой хотелось отступить на шаг. Резкие скулы, четкая линия подбородка, чувственные губы, изогнутые в ленивой усмешке. На нем была черная рубашка, расстегнутая на груди, и потертая кожаная куртка, которая выглядела так, будто он в ней спал или дрался. На шее висел кулон — синий кристалл, который мерцал в свете фонаря.

Он вышел на балкон, прижимая к себе какую-то девушку. Она смеялась, что-то говорила ему на ухо, теребила его рубашку. Он наклонился к ней, почти касаясь губами ее шеи, и его усмешка стала шире. Он не смотрел вниз. Он вообще не смотрел на двор. Его внимание было полностью поглощено ею.

Но потом, в какой-то момент — может, она что-то сказала, может, он просто повернул голову — его взгляд скользнул вниз. Случайно. Мимоходом.

И упал на меня.

Наши взгляды встретились.

И я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Не от страха. Не от холода. А от чего-то другого. Это было похоже на то, как если бы я стояла на краю обрыва и вдруг поняла, что падаю. Меня засасывало в омут — глубокий, темный, бездонный. В его глазах не было ни любопытства, ни жалости, ни даже презрения. Только холод. И что-то еще. Что-то, что я не могла назвать.

Я попыталась прочитать его мысли. Это было рефлексом, привычкой, частью меня. Но я наткнулась на стену. Гладкую, непроницаемую, как стекло. Заслон. Я не слышала его. Я не чувствовала его. Я просто смотрела на него, и он смотрел на меня, и это длилось всего несколько секунд, но мне показалось, что прошла вечность.

Я услышала, как второй Пес тихо, почти неслышно, присвистнул. А потом его голос, с той самой липкой усмешкой, которая так меня пугала:

— Ох, девочка... Зря ты привлекла его внимание. Очень зря.

Первый Пес подтолкнул меня в спину.

— Иди, — сказал он. — Не заставляй ждать.

Я отвернулась. Медленно, с трудом, как будто отрывала себя от чего-то важного. Псы повели меня к главному входу, и я шла, чувствуя спиной его взгляд. Он не отпускал меня. Он был как прикосновение, как холодная рука на затылке. Я слышала, как девушка на балконе снова засмеялась. Слышала, как он что-то сказал ей в ответ. Но я знала: он все еще смотрит на меня.

Мы вошли в главное здание. Двери закрылись за нами с глухим стуком, и я наконец выдохнула. Но ощущение его взгляда осталось. Оно было на моей коже, в моих легких, в моем сердце.

Я не знала, кто он. Но я уже понимала: этот взгляд будет сниться мне всю оставшуюся жизнь. И не как кошмар. Как обещание.

Глава 3

Глава 2

1

Псы довели меня до массивных дубовых дверей большого здания, примыкающего к основному корпусу, и остановились. Один из них постучал — коротко, три раза. Дверь открылась почти сразу, словно за ней ждали.

На пороге стояла женщина. Я сразу поняла, что она здесь не для того, чтобы утешать.

Она была высокой и костлявой, с прямой спиной, словно проглотила линейку. Ее седые волосы были стянуты в тугой пучок на затылке, и ни одна прядь не выбивалась из прически. Бледно-голубые глаза смотрели на меня так, будто я была не человеком, а грязью, которую нужно отмыть. Тонкие губы поджаты. От нее пахло каким-то лекарством, от которого немного щипало в носу. На поясе висела связка огромных железных ключей, и они звякнули, когда она шагнула вперед.

— Это она? — спросила женщина. Голос у нее был сухим, как старая бумага.

— Здравствуйте, мадам Кросс. Да. Она телепат. Нашли в деревне, её продал отчим. — Бросил первый Пёс. — Ей восемнадцать. Знания на нуле, дар она не контролирует. Но потенциал есть.

— Ясно. — Мадам Кросс оглядела меня с головы до ног, и в ее взгляде не было ни капли любопытства. Только оценка. — Директор оценит завтра утром. Заходи. Не стой на пороге.

Псы развернулись и ушли, даже не попрощавшись. Дверь за ними захлопнулась, и я осталась одна с этой женщиной.

— Слушай внимательно, — сказала она, не глядя на меня. — Я не люблю повторять. Меня зовут мадам Кросс, обращаться ко мне только так. Я комендант общежития, и здесь чётко следуют установленным мной правилам. Первое: после отбоя — ни шагу из комнаты. Если поймаю — три ночи в карцере. Без еды, без света, без магии. Второе: молчать, пока не спросят. За болтовню — розги. И не думай, что твой дар тебя спасет. Здесь дары отбирают, а не лелеют. Третье: форма — только та, что выдана. Если увижу хоть одну ленту, хоть одну побрякушку, хоть одну попытку выглядеть красиво — пеняй на себя. Ты здесь не для того, чтобы нравиться.

Я слушала ее, и внутри у меня все сжималось. Но страх странным образом смешивался с чем-то еще. С интересом. Я смотрела на эти стены, на эту женщину, на ее ключи и думала: «Это теперь мой дом. И я должна понять его правила, чтобы выжить».

— А что со мной будет? — спросила я, когда она замолчала. — Что здесь вообще происходит?

Мадам Кросс посмотрела на меня так, будто я спросила что-то неприличное.

— Завтра, — отрезала она. — Директор сам все объяснит. Он не любит, когда я вмешиваюсь в его дела. А теперь иди за мной. Не отставай.

Она повернулась и пошла к лестнице. Её ключи снова звякнули. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ней.

Лестница была каменной, узкой, с высокими ступенями. Мы поднялись на второй этаж, и я оказалась в длинном коридоре. Здесь было темно, хотя в настенных подсвечниках горели магические огни — тусклые, голубоватые, они давали мало света. Стены были голыми, без единой картины, без единого гобелена. Пол был каменным, холодным даже сквозь подошвы туфель. Где-то вдалеке капала вода.

Общежитие походило на тюрьму. Ряды одинаковых дверей, обитых темным железом. Номера, выбитые прямо на металле. Никаких украшений, никаких растений, ничего, что говорило бы о том, что здесь живут люди. Только холод и камень.

Мы прошли мимо одной из дверей, и я вдруг почувствовала что-то. Не мысль — просто эмоцию. Страх. Глухой, застарелый, как боль, к которой привыкли. Я обернулась, но дверь была закрыта. За ней кто-то был. Кто-то, кто боялся так сильно, что это выплескивалось наружу, даже через заслон.

— Не отставай, — повторила мадам Кросс, не оборачиваясь.

Я пошла быстрее. Но это чувство — чужой страх — осталось на моей коже, как прикосновение. И я поймала себя на мысли, что хочу узнать, кто там, за дверью. Хочу понять, что с ними сделали.

Это было странно. Я должна была бояться. Я боялась. Но что-то во мне, та часть, что всегда чувствовала чужие мысли, тянулась к этому месту, как рука к горячему чайнику. С интересом. С голодом, которого я раньше не знала.

Мадам Кросс остановилась у одной из дверей в самом конце коридора. Номер «семнадцать». Она достала из связки ключ и вставила его в замок.

— Твоя комната, — сказала она. — Внутри есть соседка. Морана. Она здесь дольше тебя. Слушай ее, но не доверяй слишком сильно. Здесь никому нельзя доверять.

Она открыла дверь и посторонилась.

— И вам тоже? — не сдержалась я.

Она с холодной усмешкой посмотрела на меня.

— Мне в первую очередь. — Она распахнула дверь моей комнаты.

— Заходи.

2

Я шагнула в комнату, и дверь за мной закрылась с глухим стуком. Замок щелкнул, и звук этот показался мне приговором.

Комната была маленькой. Едва ли больше каморки, в которой жила моя мать, но чище. Две узкие кровати стояли у противоположных стен, застеленные серыми шерстяными одеялами. Между ними — крошечный деревянный стол, на котором стоял таз для умывания и кувшин с водой. У дальней стены — сундук для вещей. И окно. Узкое, с толстыми железными прутьями, затянутое бычьим пузырем, как и у нас дома. Но даже сквозь него было видно, что на улице уже глубокая ночь.

Стены были голыми. Ни гобеленов, ни картин, ни даже простых рисунков. Только серый камень, холодный и безмолвный. Пахло сыростью, пылью и чем-то еще — слабым запахом лекарств, который, видимо, остался от мадам Кросс.

На одной из кроватей сидела девушка.

Морана.

Косу она перекинула на плечо, тугую, темную, почти черную, а глаза у нее были темно-карие, почти черные, и смотрели на меня внимательно и настороженно. Мы были ровесницами, может, она на год старше. Кожа такая же белая, как у меня, только без веснушек, и острые скулы делали лицо немного хищным. Над левой бровью белел тонкий шрам, с ним она казалась старше своих лет. Форма на ней была та же мышиная, что у всех, но рукав аккуратно заштопан: эту одежду она носила долго и менять не собиралась.

Она не встала. Не улыбнулась. Просто смотрела, как я стою на пороге, и оценивала меня так же, как мадам Кросс.

— Новенькая, — сказала она. Это был не вопрос. Утверждение.

— Ровена, — ответила я.

— Морана. — Она кивнула на вторую кровать. — Твоя. Не пытайся занять мою. Я здесь дольше.

Я прошла к своей кровати и села на край. Матрас был тонким, набитым соломой, и скрипел под моим весом. Одеяло казалось жестким, но чистым. Я положила руки на колени и огляделась. В комнате было тихо. Слишком тихо.

— Ты телепат, да? — спросила Морана, и в ее голосе не было любопытства. Только деловой тон.

— Да, — ответила я. — А ты?

— Провидица. — Она пожала плечами, как будто это ничего не значило. — Мне снятся сны. Иногда они сбываются. Но я пока не очень хорошо понимаю, как это работает. Только учусь.

Я кивнула. Внутри меня что-то зашевелилось. Провидица. Это редкий дар. Не такой редкий, как телепатия, но все же. И она была здесь, в этой клетке, вместе со мной.

Мой желудок вдруг громко заурчал. Я покраснела и прижала руку к животу. Я не ела с самого утра, и организм, несмотря на пережитое, напоминал об этом.

— Голодная? — спросила Морана.

— Да. Ужин уже был?

— Был. — Она кивнула на дверь. — Приносят в шесть, так что ты опоздала. Просить что-либо бесполезно, мадам Кросс скорее даст тебе умереть с голоду, чем распорядится что-то принести. Не по уставу.

К горлу подкатывало отчаяние. Голод был не самым страшным, что со мной случилось за этот день, но сейчас он казался последней каплей. Я закрыла глаза и попыталась дышать глубже.

— Эй, — тихо позвала Морана. — Не вешай нос.

Я открыла глаза. Она смотрела на меня, и в ее глазах промелькнуло что-то похожее на жалость. Или на понимание.

— Придется тебе подождать завтрака. Он будет в семь утра, а в шесть общий подъём, — сказала она медленно. — Но... — она хитро прищурилась и полезла под подушку. — Кое-что у меня есть.

Она вытащила небольшой сверток из плотной ткани и развернула его на коленях. Внутри лежали три круглых печенья, темных от специй, с вкраплениями орехов.

— Откуда это? — спросила я.

— Утащила с ужина. — Она усмехнулась, и шрам на ее брови дернулся. — Правила — это для тех, кто не умеет выживать. А я умею.

Она протянула мне одно печенье. Я взяла его, чувствуя, как тепло ее пальцев передается моим. Оно было жестким и немного черствым, но пахло так, что у меня закружилась голова.

— Спасибо, — сказала я.

— Ешь, — ответила она. — Это немного, но хоть что-то. До утра продержишься.

Я откусила кусочек. Печенье было сладким, с привкусом меда и корицы. Оно хрустело на зубах, и напряжение понемногу отпускало меня. Морана тоже взяла печенье и начала есть, глядя на меня через стол.

— Ты из деревни? — спросила она.

— Из Кейрн-Холлоу, — ответила я. — На севере.

— Не слышала. — Она пожала плечами. — Я из приюта. В Обсидиане. Меня взяли оттуда два месяца назад. Сказали, что у меня дар. И что здесь я смогу его развить.

— И как? — я откусила еще кусочек. — Развила?

— Немного. — Она задумалась, жуя. — Мне снятся сны. В них я вижу вещи, которые еще не случились. Иногда это мелочи. Кто-то упадет. Кто-то опоздает. Иногда... — она замолчала, и ее глаза стали темнее. — Иногда это что-то важное. Что-то страшное. Но я не всегда понимаю, что именно я вижу. И не всегда могу это остановить.

Я кивнула. Я знала, что это такое. Когда ты видишь что-то, чего не хочешь видеть, и не можешь закрыть глаза.

— А ты? — спросила она. — Как ты сюда попала?

Я рассказала ей. Коротко. Про отчима. Про то, как он продал меня Псам. Про Кайла, который остался лежать в грязи. Я не стала говорить о том, что чувствовала, когда меня забирали. Это было слишком личным. Слишком больным.

Морана слушала молча. Когда я закончила, она кивнула, как будто ожидала чего-то подобного.

— Здесь так у всех, — сказала она. — Ну, почти у всех. Кого-то продали родители. Кого-то, как меня, забрали из приюта. Кого-то поймали на улице. Но итог один. Мы все здесь, и мы все — товар.

— Товар, — повторила я. Слово было горьким на языке.

— Ага. — Она доела печенье и отряхнула крошки с колен. — Но это не значит, что мы должны вести себя как товар. Понимаешь?

Я не понимала. Но кивнула.

— Что здесь происходит? — спросила я. — Я слышала слухи. Но...

— Слухи — это только половина правды, — перебила меня Морана. — Не хочу тебя пугать, но на самом деле все хуже.

Она пересела на край кровати и наклонилась ко мне, понизив голос.

— Правил много, но главное одно — не попадаться, — сказала она. — Наказывают публично, чтобы видели все. А потом продают. Сразу, не после выпуска. Тому из преподавателей, кто заплатит больше. Поэтому лучше держаться тихо.

Я поежилась и вспомнила слова первого Пса: «Тебя учат. Тебя готовят. А потом продают».

— И что с ними происходит? — спросила я. — С теми, кого продали?

Морана отвернулась. Она смотрела на стену, и я видела, как напряглись ее плечи.

— Они остаются здесь, — сказала она тихо. — Но они уже не ученицы. Они... — она подбирала слово, и наконец выдохнула: — Собственность. Их учат другому. А потом хозяин либо оставляет девушку себе, либо продаёт ещё кому-то. Себе — редко.

Я не стала спрашивать, что именно она имеет в виду. Я и так поняла.

Мы помолчали. Я доела печенье, и тепло разлилось по телу. Усталость навалилась на меня, как тяжелое одеяло. Я зевнула, прикрывая рот рукой.

— Ложись, — сказала Морана, заметив это. — Завтра будет тяжелый день. Директор не любит, когда новенькие опаздывают.

Я кивнула и легла на свою кровать. Одеяло было жестким, подушка — плоской. Я уставилась в потолок, на серый камень, и попыталась расслабиться. Но сон не шел.

В моей голове снова и снова всплывало лицо.

Молодой человек на балконе. Темные волосы, падающие на плечи. Синий кристалл на шее. Он смотрел на меня. Всего секунду. Но этого хватило.

Внутри у меня все сжалось от чего-то неприятного. Как будто я снова стою на краю обрыва и падаю в темноту. Я вспомнила, как он прижимал к себе ту девушку. Как его рука лежала на ее талии. Как он наклонился к ее шее.

И я почувствовала... что? Отвращение? Страх? Я не знала. Но что-то было. Что-то, от чего мое сердце билось быстрее, а ладони становились влажными.

Я закрыла глаза и попыталась выкинуть его из головы. Но его взгляд стоял передо мной, как будто был выжжен на внутренней стороне век. Оценивающий. Холодный, но в то же время обжигающий. Странное сочетание.

Я повернулась на бок, подтянула колени к груди и натянула одеяло до подбородка. Морана уже спала, ее дыхание было ровным и глубоким. Он снова оказался передо мной: тем-

ные волосы на плечах, синий кристалл, взгляд, который длился всего секунду. Я перевернулась на другой бок. Потом опять. Сердце стучало слишком громко для человека, которому завтра вставать в шесть, и я лежала, глядя в потолок, пока серый камень не сделался чуть светлее.

3

Я проснулась от звука, который разрывал тишину, как ржавый нож ткань.

Сирена.

Она выла откуда-то из-под потолка, пронзительная, механическая, с металлическим скрежетом. Я подскочила на кровати, запутавшись в одеяле, и едва не упала на пол. Сердце колотилось.

— Какого дьявола?! — вырвалось у меня.

Морана уже сидела на своей кровати. Она выглядела так, будто не спала всю ночь — глаза красные, волосы растрепаны, но она даже не вздрогнула от этого воя. Просто смотрела на меня с кривой усмешкой.

— Доброе утро, — сказала она. — Это наша побудка. Каждое утро. В шесть.

— В шесть? — я посмотрела на окно. За затянутым бычьим пузырем было темно, как ночью. — Солнце еще даже не встало.

— Здесь оно и не встает, — ответила Морана, поднимаясь. — По крайней мере, для нас. Давай, шевелись. Если опоздаем на перекличку, мадам Кросс с нас шкуру спустит.

Я выползла из кровати, проклиная все на свете. Ноги гудели от вчерашней езды, спина ныла, а голова была тяжелой, как будто я всю ночь таскала камни. Одеяло, которое казалось мне жестким, теперь было единственным, что хотелось сохранить.

— Ненавижу это место, — пробормотала я, протянув руку к вчерашнему платью. — Ненавижу эту сирену. Ненавижу тех, кто это придумал.

— Тише ты, — шикнула Морана. Она уже натягивала свою серую форму, но двигалась быстро и ловко, как будто делала это тысячи раз. — Здесь стены имеют уши. И не только уши. Если кто-то услышит, как ты проклинаешь Цитадель, тебе не поздоровится.

— Мне уже не поздоровилось, — огрызнулась я, но все же понизила голос.

В дверь постучали. Коротко, три раза. Морана открыла, и на пороге стояла одна из служанок — бледная, молчаливая женщина в темном платье. Она протянула нам два подноса с едой и тут же исчезла, не сказав ни слова.

Завтрак был скудным: кусок черствого хлеба, несколько ломтиков сыра и кружка теплой воды, в которой плавали какие-то травы. Я взяла хлеб и начала жевать, стараясь не думать о том, что вчера ела печенье Мораны.

— Это все? — спросила я.

— Это все, — ответила Морана, садясь на кровать. — Здесь не балуют. Считай, что это еще хороший день. Иногда дают только пустую кашу.

Я вздохнула и доела все до последней крошки. Потом мы оделись окончательно — натянули форму, застегнули все пуговицы, поправили воротники. Морана подошла к тазу с водой, умылась и посмотрела на меня.

— Иди сюда, — сказала она. — Посмотри на себя.

Я подошла к маленькому зеркалу, висевшему над тазом. Оно было мутным, с трещиной в углу, но я все равно увидела себя.

Рыжие волосы, которые в деревне казались мне огнем, здесь выглядели тускло и неопрятно. Они торчали в разные стороны, и я попыталась пригладить их рукой, но они все равно не слушались. Лицо бледное, с россыпью веснушек на носу, которые здесь казались неуместными. Глаза — большие, серо-зеленые, как болотная вода — смотрели на меня устало и настороженно. Губы потрескались от холода и ветра.

А платье... Платье было ужасным. Серое, бесформенное, с длинными рукавами и высоким воротом, оно висело на мне, как мешок. Оно скрывало все — фигуру, талию, плечи. Оно делало меня похожей на мышь.

— Этот мышиный цвет просто ужасен, — заявила я, дергая подол платья. — Я выгляжу как... как...

— Как послушная ученица, — закончила за меня Морана. Она стояла позади, скрестив руки на груди. — Это и есть цель. Никто не должен выглядеть красиво. Красота здесь — это привилегия. Для тех, кто может себе ее позволить.

— И кто же может? — спросила я, оборачиваясь.

Морана посмотрела на меня, и в ее глазах промелькнуло что-то — не то жалость, не то предупреждение.

— Ты красива, Ровена, — сказала она тихо. — Даже в этой хламиде. Даже с этими волосами, которые торчат, как солома. И это... это может быть опасным.

— Опасно быть красивой?

— Здесь — да. — Она отвернулась и начала заплетать свою косу. — Здесь красота — это валюта. И если ты не хочешь, чтобы тебя купили слишком быстро, лучше быть незаметной.

Я хотела ответить что-то резкое, но вдруг вспомнила вчерашнюю девушку. Ту, что стояла на балконе с молодым человеком. Ее платье не было серым. Оно было ярким, красивым, с открытыми плечами и глубоким вырезом. И она смеялась, а не дрожала.

— Вчера, когда меня привезли, я видела на балконе девушку, — сказала я. — С молодым человеком. Она была одета совсем иначе.

Морана замерла. Ее руки остановились на полпути к косе.

— На балконе? — переспросила она. — Ты видела кого-то на балконе?

— Да, — сказала я, и мое сердце почему-то забилось быстрее. — На втором этаже. Я так понимаю, это тоже жилые корпуса, только куда шикарнее наших. Там был молодой человек. Высокий, с темными волосами. И девушка. Они смеялись, пили вино. Она была в красивом платье. Не в такой хламиде, как у нас.

Морана медленно повернулась ко мне. Ее лицо побледнело, хотя оно и так было белым. Глаза расширились.

— Ровена, — сказала она, и голос ее дрогнул. — Ты... ты уверена, что он тебя видел?

— Уверена, — ответила я, вспоминая тот момент. Его взгляд. Холодный, оценивающий. — Он посмотрел на меня. Всего секунду. Но посмотрел.

Морана открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент дверь распахнулась. На пороге стояла мадам Кросс. Ее ключи звякнули, и звук этот показался мне оглушительным.

— Ровена, — сказала она, и в ее голосе не было ни капли тепла. — Идем. Директор ждет тебя.

Я кивнула и шагнула к двери. Но перед тем, как выйти, я обернулась. Морана смотрела на меня, и в ее глазах был такой страх, что у меня внутри все похолодело.

— Морана? — тихо позвала я.

Она покачала головой. Едва заметно. Как будто говорила: «Не сейчас. Не здесь».

И тогда я вспомнила слова второго Пса, брошенные вчера во дворе. «Ох, девочка... Зря ты привлекла его внимание. Очень зря».

Что это значило? Кто он был? И почему Морана смотрит на меня так, будто я уже мертва?

Мадам Кросс подтолкнула меня в спину, и я вышла в коридор. Дверь закрылась за мной, и испуганное лицо Мораны пропало. Ключи звякали впереди, каблуки стучали по камню, и я шла за ними, повторяя про себя то, что она сказала одними губами: не сейчас, не здесь.

4

Мадам Кросс шла быстро, и ее каблуки гулко стучали по каменному полу. Я едва поспевала за ней, стараясь не отставать. Мы миновали коридор, где находилась моя комната, и свернули в другой, более широкий.

И тут я поняла, что мы попали в другое крыло.

Если общежитие было серым, холодным и голым, как тюрьма, то здесь все было иначе. Под ногами вместо холодного камня лежали ковры — толстые, темно-бордовые, с золотой каймой. Стены были увешаны гобеленами с изображениями битв и магических ритуалов. Вдоль стен стояли канделябры с магическими огнями, которые давали мягкий, теплый свет. Воздух пах благовониями и старыми книгами.

Я оглядывалась по сторонам, и во мне боролись два чувства. С одной стороны, я ненавидела эту роскошь, потому что знала, за чей счет она существует. С другой — не могла не признать, что здесь было красиво. По-настоящему красиво. И это пугало меня больше, чем убожество общежития.

Мы остановились у массивной двери из темного дерева, украшенной резьбой. Мадам Кросс постучала.

— Входите, — раздался голос изнутри. Тихий, но слышный даже сквозь дверь.

Мадам Кросс открыла дверь и посторонилась, пропуская меня вперед. Я шагнула в кабинет и остановилась.

Лорд Валериан сидел за огромным столом из черного дерева. Он поднял голову, и я увидела его лицо.

Ему было лет сорок, или около того. Темные волосы с проседью на висках были аккуратно зачесаны назад. Зеленые глаза смотрели на меня тяжело, как омут, в котором можно утонуть. Он был одет в черный камзол с серебряной вышивкой, и на его пальце блестело кольцо с рубином.

Кабинет был огромным. Стены заставлены книжными шкафами, в которых стояли фолианты в кожаных переплетах. На столе лежали бумаги, карты и какие-то артефакты. В воздухе висел запах старой бумаги и холодного воска. И магия. Я чувствовала ее — тяжелую, темную, давящую. Она исходила от него, от его кольца, от стен, от самого воздуха. Я почти физически ощущала, как она сжимает меня, словно змея.

— Ровена, — сказал он. Это был не вопрос. Он знал, кто я. — Присаживайся.

Он сказал это, но не указал на стул. И я осталась стоять. Я поняла: это проверка. Он хочет посмотреть, как я буду себя вести.

— Ты телепат, — продолжал он, не дожидаясь моего ответа. — Редкий дар. Но здесь это не имеет значения. Ты знаешь, где ты находишься?

— В Цитадели Багрового Рассвета, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Верно. И ты знаешь, зачем ты здесь?

— Меня продали. Как товар.

Он едва заметно усмехнулся.

— Ты быстро учишься. Это хорошо. — Он откинулся в кресле. — Расскажи мне о своей семье.

Я напряглась. Я не хотела рассказывать ему о матери, о младших, о Кайле. Но я понимала, что он все равно узнает. Или уже знает.

— У меня больная мать. Отчим. Младшие братья и сестры, — сказала я коротко. — Мой отец умер, когда мне было десять. Он был знахарем.

— Твой отец был травником, — поправил он. — Бедная семья. Никаких связей. Ты сама — ничто. Но у тебя есть дар. И это делает тебя ценной.

Я сжала зубы. Он говорил обо мне так, как говорят о лошади или о собаке.

— Раз уж Псы купили меня как товар, — сказала я, и в моем голосе прорезалась злость, — вам, наверное, и так все обо мне известно. Зачем спрашивать?

Лорд Валериан посмотрел на меня. В его глазах не было ни гнева, ни удивления. Только холод.

— Укороти свой язык, — сказал он тихо. — Дерзость здесь наказывается. И поверь мне, ты не захочешь узнать, как именно.

Я замолчала. Внутри меня все кипело, но я понимала, что сейчас не время для гордости.

— Ты здесь для того, чтобы учиться, — продолжал он. — Но не для того, чтобы стать великим магом. Ты здесь, чтобы стать полезной. И правила просты.

Он начал перечислять, загибая пальцы.

— Первое: беспрекословное подчинение преподавателям и охране. Второе: никаких контактов с внешним миром. Никаких писем, никаких передач, никаких попыток связаться с семьей. Третье: любое магическое воздействие, даже из желания помочь кому-то, рассматривается как нарушение. Ты не имеешь права использовать свой дар без разрешения.

Я слушала, и внутри у меня нарастал холод. Это было хуже, чем я думала.

— Что будет, если я нарушу правила? — спросила я.

— Наказание, — ответил он спокойно. — Двадцать ударов кнутом. В присутствии всех учениц, охраны и преподавателей академии. А после наказания ты будешь продана на аукционе. Любому желающему.

Я сглотнула. Двадцать ударов кнутом. Публично. А потом — продажа.

— Тогда ещё один вопрос, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Что будет со мной, когда я закончу обучение?

Лорд Валериан посмотрел на меня долгим взглядом. Потом улыбнулся — и от этой улыбки мне стало по-настоящему страшно.

— Тебя продадут, — сказал он. — Как рабыню. Какому-нибудь темному магу, которому нужны твои способности.

Внутри у меня что-то оборвалось. Но в то же время где-то в глубине души вспыхнула злость.

— Тогда какая разница? — спросила я. — Если меня все равно продадут, то зачем соблюдать правила? Меня продадут в любом случае.

Лорд Валериан наклонился вперед, и его глаза сузились.

— Разница есть, — сказал он. — И очень большая.

Он дал мне осознать его слова.

— Одно дело, когда тебя продают просто для использования твоего магического потенциала, — продолжал он. — В этом случае у тебя есть шанс. Шанс выжить. Шанс обрести свободу. Шанс возвыситься. Если ты будешь полезна, если будешь умна, если будешь знать свое место — ты сможешь стать кем-то. Многие темные маги ценят своих рабов. Некоторые даже дают им свободу.

Он помолчал.

— И совсем другое дело, — сказал он, и его голос стал тише, — когда тебя выставляют на всеобщее обозрение. Обнаженной. Выпоротой кнутом. Когда все видят твой позор. Когда ты уже сломлена — а поверь мне, не все выдерживают двадцать ударов. Некоторые теряют сознание. Некоторые умирают. А те, кто выживает... — он усмехнулся. — Тех покупают для сексуальных утех. И поверь, у черных магов порой очень... своеобразные вкусы.

Я замерла, и до меня медленно доходило, о чем он говорит.

Обнаженная. Выпоротая. Проданная для утех.

— Я вижу, ты поняла, — сказал лорд Валериан. Он откинулся в кресле и махнул рукой. — Мадам Кросс, отведите ее на занятия. У нее еще будет время все обдумать.

Мадам Кросс как будто подслушивала под дверью, потому что секунду спустя ворвалась в кабинет, схватила меня за локоть и потащила к двери. Я шла, как в тумане. В голове было пусто. Только его слова звучали снова и снова, как эхо в пустой комнате.

Двадцать ударов. Позор. Продажа.

Я не знала, что будет дальше. Но я знала одно: я не позволю им сломать меня.

5

Мадам Кросс распахнула двойные двери и буквально втолкнула меня внутрь. Я споткнулась о порог и едва удержалась на ногах.

Аудитория была огромной. Потолки терялись где-то высоко в полумраке, а стены были сложены из того же темного камня, что и весь замок. Вместо привычных парт здесь стояли длинные каменные скамьи, расположенные амфитеатром, спускающимся к большому пустому пространству в центре. По углам аудитории горели магические светильники, а посреди стояла кафедра, высеченная из цельного куска обсидиана. В воздухе пахло сыростью, пылью и почему-то железом.

Но больше всего меня напугали не стены, а взгляды.

Как только я вошла, все головы повернулись ко мне. Два десятка девушек в одинаковых серых платьях — точно таких же, как мое, — смотрели на меня с холодным любопытством, презрением или равнодушием. Под этими взглядами я чувствовала себя голой. И чужой.

И среди них я увидела ее.

Ту самую девушку с балкона.

Она сидела на верхнем ряду, одна, и глаза сами находили ее. Если мы все были серыми мышами, то она была павлином: волосы цвета спелой пшеницы, длинные и волнистые, рассыпались по плечам, скулы высокие, губы пухлые, глаза цвета зимнего неба. Красота у нее была вызывающая, почти агрессивная, и серой хламиды она не носила. На ней было темно-бордовое платье с глубоким вырезом, и оно облегало ее так, что виден был каждый изгиб.

На ее левом запястье я увидела широкий браслет. Тяжелый, из черненого серебра, с выгравированными на нем символами.

Почему-то именно он сильнее всего врезался в память.

Наши взгляды встретились. Она смотрела на меня с ленивым интересом, как на новую игрушку, которую принесли в комнату. Уголок ее губ приподнялся в полуулыбке.

— Тихо, — раздался голос с кафедры.

Я перевела взгляд на кафедру. За ней стоял худой мужчина с острым профилем; длинные пальцы он держал на обсидиане, будто не знал, чем их занять. Волосы с проседью были зачесаны назад, на пальце блестело тяжелое серебряное кольцо с черным камнем. Мантия с высоким воротом. Смотрел он на меня со скукой, будто я отняла у него время.

— Итак, у нас новенькая, — сказал он. — Ровена. Телепат. Редкий экземпляр.

По аудитории пронесся тихий шепот. В голове зашумело. Я не хотела читать их мысли. Я пыталась закрыться, но стены моего разума сейчас были слишком тонкими. Голоса врывались в меня обрывками.

«*Рыжая. Откуда она?»*

«Еще одна сломается через неделю...»

«Телепат? Значит, она видит, какие мы жалкие...»

«Интересно, сколько за нее дадут...»

— Проходи, — сказал преподаватель, указывая на свободное место на нижнем ряду. — Я магистр Корвус. Я преподаю управление стихиями. И я не люблю, когда меня задерживают.

Я заставила ноги двигаться. Чувствуя, как взгляды всех девушек сверлят мою спину, я дошла до указанного места и села, вцепившись пальцами в край каменной скамьи. Меня била мелкая дрожь.

И тут я почувствовала это. Не мысли — эмоции. Они нахлынули на меня, как грязная вода из прорванной плотины. Злость блондинки — острая, колючая, как битое стекло. Страх девушки на заднем ряду — липкий, холодный, как могильная земля. И даже скука магистра Корвуса — серая, тягучая, как болотная тина. В этом месте, пропитанном магией, мой дар

выкручивался на полную мощность, и я не могла его отключить. Я стиснула край скамьи, пытаясь отгородиться от этого хаоса, и вдруг меня осенило: это не просто «чтение мыслей». Это гораздо больше. Я чувствовала их всех. И от этого становилось страшно.

Корвус дождался, пока я сяду, и снова повернулся к аудитории.

— Итак, на чем мы остановились? Ах, да. Стихии. — Он начал медленно прохаживаться перед кафедрой, заложив руки за спину. Его голос звучал размеренно, почти скучающе, но в нем была гипнотическая сила. — Многие глупцы думают, что магия — это слова. Заклинания, шепотки, бормотание. Они думают, что можно произнести нужное слово и мир изменится.

Он усмехнулся.

— Это чушь. Магия — это не слова. Магия — это намерение. Это способность вашего разума вступать в резонанс с тем, что вас окружает.

Я подняла голову. Несмотря на страх, несмотря на все, что произошло, я почувствовала, что ловлю каждое его слово.

— Стихии — это не боги и не духи, — продолжал Корвус. — Это состояния материи. Огонь — это движение, жар, трансформация. Вода — это течение, адаптация, память. Воздух — это мысль, свобода, дыхание. Земля — это основа, воля, постоянство.

Он остановился и посмотрел на нас.

— Вы все обладаете даром, каждый своим. У кого-то он сильнее, у кого-то слабее. Но дар — это только инструмент. Все равно что молоток. Вы можете использовать его, чтобы строить, а можете — чтобы разрушать. Или можете просто бить себе по пальцам, если не умеете с ним обращаться.

Кто-то из девушек тихо хихикнул. Корвус не обратил на это внимания.

— Чтобы управлять стихией, вам нужно научиться чувствовать ее внутри себя, — сказал он. — Огонь — это не только пламя в жаровне. Это жар вашей крови, ярость, которая поднимается из глубины. Вода — это не только река. Это ваши слезы, ваши страхи, ваша способность меняться и приспосабливаться. Воздух — это ваши мысли, ваши сомнения, ваша способность видеть невидимое. Земля — это ваша воля, ваша стойкость, ваша способность стоять на ногах, даже когда весь мир рушится.

Я слушала, и во мне что-то отзывалось. Словно он говорил не о стихиях, а обо мне. О моем страхе. О моей злости. О моей воле.

— К примеру, дар телепатии, — Корвус посмотрел прямо на меня, и я вздрогнула. — Это редкий дар. Он связан с воздухом и водой. С мыслью и с памятью. Но это также и огромная уязвимость. Потому что тот, кто умеет читать мысли, часто не умеет закрывать свои.

Я опустила глаза. Он был прав. Я всегда чувствовала себя обнаженной, когда читала других. Но я никогда не думала, что кто-то может прочитать меня.

— Задача этого курса, — продолжал Корвус, — научить вас не просто управлять стихиями. Научить вас управлять собой. Потому что стихия — это зеркало вашей души. И если ваша душа в хаосе, то и стихия будет в хаосе. Если вы боитесь — вода выйдет из берегов. Если вы злитесь — огонь сожжет вас самих. Если вы сомневаетесь — земля уйдет из-под ног.

Он щелкнул пальцами, и над его ладонью вспыхнул маленький огонек. Он был ярким, ровным, почти живым. Корвус смотрел на него спокойно, как на старого друга.

— Начнем с простого, — сказал он. — Я хочу, чтобы каждая из вас попробовала почувствовать стихию внутри себя. Закройте глаза. Дышите. Найдите то, что отзывается в вас.

Я закрыла глаза. Шум в голове стих. Я больше не слышала чужих мыслей. Я слышала только его голос.

— Найдите свой огонь, — сказал он. — Найдите свою воду. Слушайте себя.

Я глубоко вдохнула, и внутри что-то отозвалось. Не страх и не злость. Тепло.

Искра.

Я открыла глаза. Аудитория больше не казалась мне такой пугающей. Я все еще боялась. Я все еще была в ловушке. Но теперь у меня было кое-что, чего не было раньше.

Я хотела учиться — не для того, чтобы стать рабыней, а чтобы выжить. И, может быть, чтобы сбежать.

— Хорошо, — сказал Корвус. — А теперь перейдем к практике.

6

Магистр Корвус отпустил нас резким взмахом руки, даже не попрощавшись. Аудитория сразу наполнилась шумом — скрипом скамеек, шелестом юбок, тихими перешептываниями. Я встала, чувствуя, как онемели ноги. В голове все еще звучал его голос: стихии, намерения. Это было странно, но занятие мне действительно понравилось. Впервые за все время, что я провела в Цитадели, я почувствовала что-то, кроме страха.

Но долго думать об этом мне не дали.

Девушки выходили из аудитории гуськом, и я оказалась прямо за той самой блондинкой. Она шла впереди, и ее темно-бордовое платье с глубоким вырезом открывало спину. Я не хотела смотреть. Я не хотела видеть. Но взгляд невольно скользнул по ее обнаженной коже.

И я замерла.

На ее спине, от лопаток до самого пояса, тянулись тонкие красные линии. Они были аккуратными, ровными, словно нарисованными чьей-то жестокой рукой. Следы от плети. Я видела такие следы в деревне — когда староста порол конокрада. Но это было другое. Эти линии были свежими, они еще не успели побледнеть, и кожа вокруг них казалась воспаленной.

Я сглотнула, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Но блондинка шла спокойно. Она даже не пыталась прикрыть спину. Она смеялась над чем-то, что говорила ей другая девушка, и ее смех был искренним, легким. Как будто эти шрамы были не на ее теле. Как будто это была не ее боль.

Я отвела взгляд, но тут же увидела еще нескольких девушек. Они шли по коридору, и их невозможно было не заметить. Они были одеты так же, как блондинка — в яркие платья с открытыми плечами и спинами. На их запястьях тускло поблескивали широкие серебряные браслеты из черненого металла. Они болтали, смеялись, некоторые шли под руку. И ни одна из них не выглядела несчастной.

Это пугало меня больше, чем все, что я видела в кабинете лорда Валериана. Впрочем, долго размышлять об этом мне не позволила проклятая сирена. После того как она наконец отзвучала, женский голос из динамиков сообщил, что наступило время обеда и все должны пройти в столовую. Очень вовремя, учитывая, что я сильно проголодалась.

Столовая была огромной. Потолки уходили вверх, в полумрак, а длинные дубовые столы ломились от простой, но сытной еды: хлеб, похлебка, куски мяса, овощи. Запах был таким густым, что у меня закружилась голова. Я нашла Морану почти сразу — она сидела в углу, подальше от всех, и жевала кусок хлеба.

— Садись, — сказала она, кивнув на место рядом с собой.

Я села и положила перед собой тарелку с похлебкой.

— Как прошло? — спросила Морана, внимательно глядя на меня.

— Страшно, — честно ответила я. — Директор объяснил мне правила. А потом я была на занятии по управлению стихиями. Магистр Корвус... он интересно рассказывал.

— Корвус — один из немногих, кто здесь не садист, — сказала Морана. — Он просто скучающий. Это тоже не сахар, но с ним хотя бы можно выжить.

Я кивнула и набрала в рот похлебки. Она была горячей, и это немного успокоило меня. Но я не могла перестать думать о том, что видела в коридоре.

— Морана, — тихо позвала я. — Те девушки. В ярких платьях. У них всех одинаковые браслеты. Кто они?

Морана перестала жевать. Она посмотрела на меня, и в ее глазах мелькнула тень.

— Это те, кого продали, — сказала она. — Я же говорила.

Я вздрогнула, вспомнив спину блондинки. Красные линии. Свежие, воспаленные. И браслет на руке. Теперь я понимала, кто она.

— Но они не выглядят несчастными, — сказала я, вспомнив вчерашнюю сцену на балконе. В моем голосе послышалось недоумение. — Они смеются. Они болтают. Как будто все в порядке.

Морана пожала плечами.

— А что им остается? Плакать? Если они будут плакать, хозяевам это надоест. А если надоест — их выбросят. Или убьют. Они научились улыбаться. Это их способ выжить.

Я опустила глаза и уставилась в тарелку. Я не могла представить, как можно улыбаться после того, как тебя выпороли. Как можно смеяться, когда у тебя на спине кровоточащие раны. Хотя, если это единственный способ выжить...

Я застыла пытаясь переварить её слова. И тут почувствовала это.

Взгляд.

Он был как прикосновение к коже. Как холодный ветер, который пробирается под одежду. Я подняла голову, и взгляд метнулся через столовую, мимо девушек, мимо длинных столов, к дальнему крылу, где сидели преподаватели.

Там было все по-другому. Столы были накрыты белыми скатертями, и на них стояли бутылки с вином, серебряные блюда с запеченным мясом, свежие фрукты. Это был другой мир. Мир, где люди не думали о том, чем им заплатить за завтрашний ужин.

И там, за этим столом, сидел он.

Вчерашний незнакомец с балкона.

Теперь я видела его лицо ясно, и оно было красивым той красотой, от которой становилось не по себе. Высокие скулы, темные волосы, падающие на плечи, чувственные губы, изогнутые в ленивой усмешке. Рубашка на нем была черная, расстегнутая на груди, в руке он держал бокал с темно-красным вином. Его глаза смотрели прямо на меня.

Он не отводил взгляда. Он смотрел так, как смотрят на добычу. Оценивающе. Голодно.

Я замерла. Не могла пошевелиться. Не могла дышать.

Рядом с ним сидела блондинка. Она наклонилась к нему, что-то говорила на ухо, ее рука лежала на его плече. Но он даже не смотрел на нее. Его глаза были прикованы ко мне. За столом сидели еще несколько молодых людей, его ровесников, и они тоже поглядывали в мою сторону, но с меньшим интересом.

— Морана, — прошептала я, не в силах отвести взгляд. — Кто это?

Морана проследила за моим взглядом. И побледнела.

— Тише, — прошипела она, хватая меня за руку. — Не смотри на него. Ради всего святого, отведи взгляд.

— Кто он? — повторила я.

— Это Эйнар, — сказала Морана, и ее голос дрогнул. — Сын лорда Валериана. Он... он не преподаватель. Он здесь живет. Он... — она замолчала, подбирая слова. — Слухи о нем ходят самые ужасные. Он жестокий. Он играет с девушками, а потом выбрасывает их. Он... — она снова замолчала. — Просто не смотри на него. Не привлекай его внимания.

— А та блондинка? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Агнес. — Морана вздохнула. — Она одна из последних его рабынь. Он купил ее после наказания. Говорят, у него их было много. Он быстро теряет интерес.

Я снова посмотрела на Эйнара. Он все еще смотрел на меня. И теперь его улыбка стала шире. Он медленно поднес бокал к губам, сделал глоток, а потом, не отрывая от меня взгляда, провел языком по нижней губе.

Это было так интимно и нагло, что у меня залило щёки. Я опустила глаза, вцепившись в край стола. Внутри меня все кипело. Дрожь во всем теле, странная, непривычная.

Я попыталась прочитать его мысли. Это было рефлексом, как и вчера. Я потянулась к его разуму, но наткнулась на стену. Черную, непроницаемую, как обсидиан. Заслон. Он не позволял мне войти.

— Ровена, — прошептала Морана, и в ее голосе был настоящий страх. — Не смотри на него. Пожалуйста.

Но я не могла отвести взгляд. И он это знал.

Эйнар откинулся на спинку стула, держа бокал в руке, и его улыбка стала еще шире. Он смотрел на меня, как на что-то, что ему принадлежит. Как на вещь, которую он собирается забрать.

7

Я сидела, вцепившись в край стола, и пыталась дышать ровно. Щеки горели, сердце колотилось где-то в горле, а взгляд Эйнара все еще был прикован ко мне, как цепь.

И вдруг я услышала его голос.

Не ушами. Внутри головы. Он звучал так четко, так близко, как будто Эйнар стоял прямо за моей спиной и шептал мне на ухо. Голос был низким, бархатистым, с ленивой усмешкой.

«*Подойди*».

Это слово вошло в меня, как ледяной клинок. Я почувствовала, как что-то чужое, холодное и тяжелое, скользнуло в мой разум, мягко отодвигая мои собственные мысли в сторону. Это было не приглашение. Это был приказ, и он пульсировал в моей голове, отдаваясь глухой болью в висках.

Я вздрогнула и замерла. Что-то внутри меня содрогнулось от этого звука. Я посмотрела на Морану, но она ничего не слышала. Она все еще что-то говорила мне, теребила мой рукав, но ее голос звучал как будто издалека, приглушенно.

«*Встань и иди сюда, Ровена».*

Я вцепилась пальцами в столешницу так, что ногти заскребли по дереву, а костяшки побелели. Нет. Я не пойду. Я пыталась выстроить в голове стену, хоть какую-то защиту, но моя магия словно онемела, скованная его волей. Я чувствовала, как по позвоночнику стекает холодный пот, а горло сжимается так, что становится трудно дышать.

— Ровена? — голос Мораны звучал обеспокоенно. — Ты побледнела. Что случилось?

Я не могла ответить. Я не могла даже повернуть голову. Все вокруг расплывалось, теряло четкость, как будто я смотрела на мир сквозь мутное стекло. Остался только его голос. И его глаза. Ярко-зеленые, неестественно яркие, как светящийся малахит. Таких глаз не бывает у обычных людей. В них была сила. Древняя, темная, пугающая. И его губы, растянутые в чувственной улыбке, которая обещала боль и удовольствие одновременно.

«*Ты слышишь меня. Хорошо. Теперь встань».*

Я почувствовала, как мышцы напряглись против воли. Это было отвратительное, тошнотворное ощущение — как будто кто-то дергал за невидимые ниточки, привязанные к моим сухожилиям. Я попыталась вжаться в скамью, стать тяжелой, как камень, но мое тело больше не принадлежало мне. Колени выпрямились сами собой, с громким скрипом отодвигая скамью. Я слышала, как где-то в глубине моего сознания бьется паника, но она была заглушена его волей, которая заполнила меня всю, не оставив места для сопротивления.

— Нет, — прошептала я, но это был не крик, а жалкий шепот.

«*Встань*».

И я встала.

Морана схватила меня за руку.

— Ровена, что ты делаешь? — прошипела она. — Сядь! Ради всего святого, сядь!

Но я не могла. Мои ноги двигались сами по себе. Я сделала шаг, чувствуя, как деревянные ноги несут меня вперед, словно я была куклой на веревках. Столовая вокруг меня расплывалась, превращаясь в серое пятно. Я слышала, как девушки за соседними столами начали

шептаться, чувствовала их взгляды на своей коже, полные презрения и жалости. Но это было неважно. Важно было только то, что я шла к нему. И не могла остановиться.

Я видела, как Эйнар откинулся на спинку стула. Его улыбка стала шире. Он смотрел на меня так, как смотрят на бабочку, которая сама летит в огонь. И это было унизительно.

«*Вот так. Хорошая девочка*».

Эти слова обожгли меня изнутри, как пощечина. Я ненавидела его. Ненавидела себя за то, что не могу сопротивляться. Я пыталась думать о Кайле, о его добрых глазах, о его нежных поцелуях, чтобы найти в этом опору. Но даже это не помогало. Голос Эйнара заглушал все, заполняя собой каждую клетку моего тела.

Я прошла половину столовой. Девушки умолкли. Даже преподаватели за своим столом обернулись, чтобы посмотреть, что происходит. Агнес смотрела на меня с любопытством, но в ее глазах было что-то еще. Злость. Яркая, ничем не прикрытая.

Оставалось два метра. Я видела его лицо так ясно, как будто он был совсем рядом. Видела его руки, лежащие на столе. Видела кулон на его шее, синий кристалл, который мерцал в свете ламп. Видела его глаза, которые не отпускали меня.

И тогда что-то внутри меня взбунтовалось.

Я собрала всю свою волю, всю свою злость, весь свой страх и швырнула это в черную стену его приказа. Будто я пыталась разжать стальные тиски голыми руками. Колени задрожали, по щекам текли слезы от невероятного напряжения, а в ушах зазвенело.

Откуда взялись силы, я не знаю — злость, страх или инстинкт самосохранения, — но я остановилась. Ноги налились свинцом, и я больше не могла сделать ни шагу.

«*Не останавливайся*».

Нет. Я не пойду. Я не буду его игрушкой.

Я развернулась. Резко, так, что чуть не упала. И побежала.

Я не помню, как добежала до двери.

Помню только, что зацепилась за ножку стола, споткнулась и полетела на пол. Колени обожгло острой болью, ладони заскользили по холодному камню, сдирая кожу. Я услышала, как ткань платья треснула где-то на плече. Но я встала. Снова. И побежала дальше, чувствуя, как из разбитой коленки сочится теплая кровь, а в ладонь впивается заноза.

А за спиной раздался смех.

Не злой. Не издевательский. А искренний, легкий, как будто он увидел что-то забавное. Как будто я была маленьким котенком, который пытается убежать от хозяина, но все равно вернется.

Этот смех был хуже любого удара.

Я выбежала из столовой и прижалась спиной к холодной стене в коридоре. Сердце колотилось так, что болело в груди. Я не могла дышать. Я не могла думать. Я просто стояла и слушала, как его смех все еще звенит у меня в ушах.

Щеки горели. Пальцы дрожали, и я спрятала их в рукава. Стыд был, и страх был, а третьего я не решалась назвать даже про себя. Я прижала ладонь к груди и стояла так, пока сердце не пошло медленнее, потом отклеилась от стены и пошла к общежитию.

8

Коридор учебного корпуса был пуст. Дневные занятия закончились, и ученицы возвращались в общежитие, оставив после себя лишь эхо шагов и запах дешевого мыла. Я шла быстро, прижимая к груди стопку выданных книг. После столовой прошло несколько часов, но мои руки все еще дрожали, а на языке оставался привкус того унижения, когда я бежала через столовую под его смех.

Я почти дошла до массивных дверей, ведущих во внутренний двор, когда из тени арки отделилась фигура.

— Куда спешим, рыжая?

Я вздрогнула и резко остановилась. Эйнар стоял прямо передо мной, прислонившись плечом к каменной колонне. Руки в карманах, черная кожаная куртка расстегнута, на шее тускло мерцал синий кристалл. В полумраке коридора его глаза светились сами собой — ярко-зеленые, слишком яркие, пронзающие насквозь.

— Пропусти меня, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Уже поздно. Мне нужно в общежитие.

— Поздно? — он лениво усмехнулся, отталкиваясь от колонны. — Для кого-то, может, и поздно. А для меня вечер только начинается.

Он сделал шаг ко мне. Я инстинктивно отступила на полшага назад, но он больше не приблизился. Просто стоял и смотрел.

— Мы уже дважды виделись, но так и не познакомились, — сказал он, и в его голосе послышалась насмешка. — Хотя я знаю о тебе все. Ровена. Восемнадцать. Телепат из Кейрн-Холлоу. Продана отчимом. — Он выждал, и его улыбка стала шире. — Знаешь, кто я?

Я сжала книги крепче.

— Ты сын директора. Эйнар.

— Значит, та крыска, что сидела с тобой рядом, уже просветила тебя. — Он усмехнулся. — И что же она сказала? Что я жестокий? Что я играю с девушками и выбрасываю их? Что от меня нужно держаться подальше?

— Что-то в этом роде, — ответила я, стараясь не показывать, как сильно колотится сердце.

— Что ж, — он пожал плечами, — она не соврала.

Он снова шагнул вперед. На этот раз я не отступила. Спиной я уже чувствовала холодную стену. Он остановился в шаге от меня, и до меня дошел запах его парфюма — что-то терпкое, пряное, смешанное с ароматом кожи и вина.

— Но она не сказала тебе главного, — продолжил он тихо. — Она не сказала, что я не люблю, когда от меня убегают. Особенно те, кто мне интересен.

— Я тебе не интересна, — сказала я.

— О, еще как интересна. — Его взгляд скользнул по моему лицу, опустился к шее, задержался на ключицах. — Я видел тебя в столовой. Ты сидела, вцепившись в стол, и смотрела на меня так, как будто я был огнем, а ты — мотыльком. Ты боялась. Но не отводила глаз.

Он протянул руку и намотал на палец прядь моих волос. Я вздрогнула.

— Рыжие волосы, — пробормотал он, пропуская прядь между пальцами. — Такие яркие. Такие... живые. В этом сером царстве ты выглядишь как факел в темноте. Неудивительно, что я тебя заметил.

Я хотела оттолкнуть его руку, но не могла пошевелиться. Его прикосновение завораживало.

— Что тебе нужно? — спросила я, и мой голос прозвучал хрипло.

— Поговорить, — ответил он, отпуская мои волосы. — Узнать тебя поближе. Ты ведь телепат. Ты читаешь мысли. Интересно, что ты видишь в моей голове?

— Ничего, — призналась я. — Ты закрыт. Как стена.

— Знаю. — Его улыбка стала шире. — Я специально закрываюсь. Когда ты столько лет читаешь людей, как открытые книги, хочется иногда побыть загадкой. Но ты... — он наклонился ближе, и его голос стал шепотом. — Хочешь попробовать разгадать?

Он снова коснулся меня. На этот раз — запястья. Его пальцы обхватили запястье, большой палец медленно прошелся по внутренней стороне, где бился пульс.

— Ты дрожишь, — заметил он.

— Это от холода, — соврала я.

— Здесь не холодно. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Это от меня. Ты боишься меня. И хочешь меня. Одновременно. И это тебя пугает больше всего.

Я отдернула руку. Слишком резко. Слишком нервно.

— Я тебя не хочу, — сказала я.

— Знаешь, это в принципе взаимно, — сказал он, проигнорировав моё «не хочу». — Пойдем со мной. Я хочу узнать, что скрывается за этой маской испуганной девочки. Хочу увидеть тебя настоящую. Без страха. Без контроля. — Он наклонил голову, и его губы почти коснулись моего уха. — Хочу услышать, как ты стонешь мое имя.

Кровь прилила к моим щекам.

— Ты больной ублюдок, — прошептала я.

— О, нет, — он усмехнулся, и в его глазах вспыхнули злые, веселые искры. — Больной ублюдок — это мой отец. А я просто... хочу попробовать то, что принадлежит мне по праву сильного.

Он внезапно шагнул вперед. Я не успела среагировать. Моя спина ударилась о холодную стену, и воздух выбило из легких. Он зажал меня в углу, поставив руки по обе стороны от моей головы, отрезая любые пути к отступлению. Книги выскользнули из моих рук и с глухим стуком упали на пол.

— Посмотри на меня, — приказал он.

Я попыталась отвернуться, но он схватил меня за подбородок. Его пальцы были горячими, почти обжигающими.

— Я сказал, посмотри на меня.

Я подняла глаза. И в тот же миг его губы накрыли мои.

Поцелуй Кайла был нежным. Это было вторжение. Его губы обрушились на мои, горячие и сухие, и в первое мгновение я почувствовала только давление — жесткое, бескомпромиссное, будто он вдавливал меня в стену одним движением рта. Он провел языком по нижней губе, медленно, влажно, от угла к углу, и только потом сунул язык мне в рот, не спрашивая разрешения.

Вкус вина — терпкий, густой, с горчинкой — заполнил мой рот. Его язык терся о мой, настойчиво, ритмично, и от этого по телу шла дрожь. Не от холода. От жара. Он был везде: во рту, на коже, в легких. Я пыталась вдохнуть, но вдыхала только его запах — кожу, дым, что-то пряное, от чего кружилась голова, — и выдыхала коротко, носом, а в груди уже начинало жечь. Я слышала, как чавкают наши губы, как слюна собирается в уголках и течет по подбородку, и от этого звука внутри становилось тесно.

Мои руки, вместо того чтобы оттолкнуть его, вцепились в куртку. Пальцы судорожно сжали грубую кожу на плече, потом на груди, нашли шов и не отпускали. Он тихо, удовлетворенно выдохнул мне в рот, и этот выдох я почувствовала на языке.

Он углубил поцелуй. Его язык двигался медленно и уверенно, проглаживая небо, поддевая мой, и он точно знал, где у меня слабее, и шел прямо туда. Зубы прихватили нижнюю губу, потянули, отпустили, снова прихватили, и внизу живота все сжималось, тянуло, пульсировало в такт. Я слышала свое дыхание короткими всхлипами через нос. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Никогда. С Кайлом это было спокойно и сухо, я не думала о том, куда девать язык. Эйнар целовал так, будто имел на это право.

Его рука отпустила подбородок и скользнула вниз, не спеша: по горлу, где под кожей бился пульс, по ключице, под ворот, вдоль талии, и ткань платья тянулась за ладонью. А потом он жестко, требовательно сжал мою грудь сквозь ткань. Пальцы впились в мягкую плоть, и я вскрикнула — прямо ему в рот. Он не отстранился, будто ждал этого.

Боль была острой, но смешивалась с таким незнакомым удовольствием, что я задохнулась и выгнулась, не успев подумать. Сосок твердел под его ладонью, натягивая грубую ткань, и от каждого движения его пальцев по телу шла волна, отдававшаяся внизу живота. Ткань под его рукой становилась влажной. Я чувствовала, как бедра сами подаются вперед, как слабеют колени и стена за спиной остается единственным, что меня держит, как между ног становится

мокро, так мокро, что я чувствую это через белье, и как клитор отзывается на каждое движение его ладони, хотя он не касался меня там. Мое тело предавало меня. Оно выгибалось ему навстречу, оно дрожало, оно требовало большего. И он это чувствовал. Он знал.

Он отстранился на мгновение, всего на дюйм, и вместе с воздухом вернулся стыд. Его дыхание было тяжелым, прерывистым, грудь поднималась и опускалась, прижимаясь к моей, и через два слоя одежды я чувствовала, как он тверд. Глаза потемнели, зрачки расширились, почти поглотив зелень радужки. На губах блестела влага — моя слюна, и он не вытирал ее. Мой рот был открыт, губы горели и саднили, на них остался вкус вина и соли.

— Ты чувствуешь это? — прошептал он, и его голос был хриплым, низким, как будто ему было трудно говорить. — Ты вся дрожишь. Я знал, что ты такая. Я видел это в твоих глазах. Ты хочешь, чтобы я взял тебя прямо здесь. И я могу. Мне стоит только захотеть.

Эти слова стали ушатом холодной воды. Нет. Это не я. Этого не может со мной.

Я собрала всю свою волю в кулак. Всю свою злость. Весь свой страх.

И толкнула.

Он не ожидал. Пошатнулся, и я, не теряя ни секунды, залепила ему пощечину. Звонкую, хлесткую. Моя ладонь обожгла его щеку, и звук удара эхом разнесся по пустому коридору.

На мгновение он замер. Я увидела, как в его глазах вспыхнула дикая, почти животная злость. Недоумение. Ярость. Он смотрел на меня так, как будто я только что нанесла ему смертельное оскорбление.

Я воспользовалась этим замешательством.

Подхватила с пола книги, прижала их к груди и бросилась бежать. Я не оглядывалась. Я просто бежала так быстро, как могли нести меня ноги, чувствуя, как его взгляд прожигает мне спину.

Только когда двери общежития захлопнулись за мной, я позволила себе прислониться к стене и сползти по ней на пол.

Мои губы горели. Грудь ныла от его хватки. А внутри меня все еще полыхало пламя, которое он разжег. И самым страшным было то, что я не знала, смогу ли я когда-нибудь его потушить.

9

Я влетела в комнату, как загнанный зверь. Дверь с грохотом ударилась о стену, и я прислонилась к ней спиной, пытаясь закрыться, спрятаться, исчезнуть. Сердце колотилось так, что звенело в ушах, руки тряслись так сильно, что я не могла даже расцепить пальцы, вцепившиеся в книги.

Морана подскочила на кровати.

— Ровена? Что случилось? — Она бросилась ко мне, но я отшатнулась, как от огня. Её взгляд быстро скользнул по мне: порванное на плече платье, содранные в кровь ладони, дрожащие колени. И припухшие, неестественно яркие губы. — Ты вся дрожишь. На тебе лица нет. Это Эйнар, да? Что он сделал?

Я открыла рот, чтобы ответить, но не смогла. Слова застряли в горле, как кость. Я не знала, что сказать. Я не знала, как объяснить то, что произошло. Потому что я сама этого не понимала.

— Ровена, — Морана говорила тише, осторожнее, как с больной. — Скажи мне. Пожалуйста. Он тебя обидел? Он тебя тронул?

Тронул.

Это слово эхом отозвалось в моей голове, и губы снова вспыхнули огнем. Я провела по ним языком и ощутила привкус — терпкий, с горчинкой. Вино. Его вино. Оно осталось на мне, как клеймо. Я посмотрела на руки — те самые руки, которые только что вцепились в его куртку, которые позволили ему прижать себя к стене. Я вспомнила Кайла. Его чистые,

невинные поцелуи, его добрые глаза. И меня захлестнула такая волна тошнотворного стыда, что я едва не согнулась пополам.

— Он... — я замолчала, потому что голос сорвался. — Он поцеловал меня.

Морана побледнела.

— О боги, — прошептала она. — Ровена, ты... Он заставил тебя?

— Да... нет... я не знаю, — всхлипнула я, и мой голос дрогнул. — Я не знаю, что со мной. Я не понимаю.

Я оттолкнулась от двери и, шатаясь, прошла к своей кровати. Ноги не слушались. Я упала на матрас, даже не сняв туфель, и уставилась в потолок. Серый камень. Холодный. Безмолвный.

Но мое тело не было безмолвным.

Я чувствовала его руки на своей талии. Чувствовала, как его пальцы сжимают мою грудь — жестко, требовательно. Я все еще ощущала это давление, эту боль, смешанную с чем-то таким острым, что от одного воспоминания у меня перехватывало дыхание. Мои соски все еще были твердыми, и ткань платья терлась о них, вызывая дрожь.

Я чувствовала, как внизу живота разливается тяжелое, тянущее тепло, и ненавидела себя за это. Это было неправильно. Это было грязно. Но мое тело отказывалось это забывать.

Губы были припухшими, влажными, и я чувствовала, как они пульсируют в такт сердцебиению. Я провела по ним пальцем и вздрогнула. Они были горячими. Как будто он все еще целовал меня. Как будто его язык все еще был у меня во рту, исследуя, пробуя, заявляя права.

Я зажмурилась и перевернулась на бок, подтянув колени к груди. Морана подошла и села рядом на край кровати. Я чувствовала ее взгляд, но не могла заставить себя посмотреть на нее.

— Ровена, — тихо сказала она. — Ты можешь мне рассказать. Что бы это ни было. Я не буду осуждать.

— Я не понимаю, — прошептала я, и голос мой был хриплым, как будто я кричала. — Я не понимаю, почему я так реагирую. Он... он грубый. Он наглый. Он пугает меня. Но когда он поцеловал меня, я... — я замолчала, потому что не могла подобрать слова. — Я никогда такого не чувствовала. Ни с кем. Ни с Кайлом.

Морана молчала. Я слышала, как она дышит — ровно, спокойно.

— Это нормально, — наконец сказала она. — Бояться и хотеть одновременно. Это... это то, что они делают. Черные маги. Они умеют играть на наших слабостях. На наших телах. Они знают, как заставить нас реагировать, даже если мы этого не хотим. К тому же он очень красивый. Это нужно признать.

— Но я не хотела, — прошептала я, и слезы наконец потекли по моим щекам. — Я не хотела. Я хотела оттолкнуть его. Я пыталась. Но мое тело...

— Твое тело — это не ты, — сказала Морана. — Твое тело — это просто тело. Оно реагирует на прикосновения. На тепло. На силу. Это не значит, что ты хочешь его. Это значит, что ты живая. Но послушай меня внимательно, Ровена. — Ее голос внезапно стал жестким, почти злым. — Он не просто играет. Он ломает. И тех, кто ему нравится, он ломает сильнее всего. Он хочет, чтобы ты хотела его. Он будет добиваться этого, пока ты сама не начнешь умолять его о пощаде. Не позволяй ему увидеть, что тебе понравилось. Никогда. Иначе он заберет это и будет использовать против тебя.

Я хотела поверить ей. Правда хотела. Но где-то в глубине души я знала, что дело не только в теле. Дело в том, как он смотрел на меня. Как он говорил со мной. Как он называл меня «рыжей». Как он сказал, что хочет увидеть меня настоящую. Без страха. Без контроля.

И самое страшное — я хотела, чтобы он это увидел. Я хотела, чтобы он увидел меня такой, какой меня не видел никто. Даже Кайл.

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок. Слезы высохли, оставив на щеках соленые дорожки. Я чувствовала себя выжатой, как тряпка. Все силы, вся злость, весь страх — все ушло.

— Морана, — позвала я. — Ты говорила, тебе снятся сны. Тебе снилось что-нибудь про меня?

Она замерла, потом села удобнее на краю кровати.

— Сегодня. Перед побудкой.

— Что?

— Вода. — Она смотрела в стену, а не на меня. — Чёрная, как чернила. Ты стоишь в ней по грудь, и вода не двигается. А над тобой кто-то держит свечу. Огонь горит ровно, и вода его не заливает.

— И что это значит?

— Не знаю. — Она помолчала. — Я в этих снах вижу, что будет, а не что это значит. — Она посмотрела на меня. — Но свечу я запомнила. И воду.

— Скажешь мне, если увидишь ещё?

— Скажу. — Морана кивнула и добавила тише: — И если увидишь чёрную воду, не стой в ней.

— Я устала, — прошептала я.

— Спи, — сказала Морана, вставая. — Я разбужу тебя, если что-то случится.

Я закрыла глаза, и сон не пришел. Руки лежали поверх одеяла, и я все еще чувствовала на талии его ладонь, а на губах — вино с горчинкой. Я повернулась лицом к стене. Морана дышала ровно и глубоко. Я лежала и думала, что ненавижу его, и что если бы он сейчас вошел, я бы не знала, кричать мне или ждать. От этой мысли стало жарко, и я зажмурилась, будто кто-то мог прочитать ее у меня на лице.

Глава 4

Глава 3

1

Зов начался под ребрами.

Это не был голос. Не было слов. Просто тянущее, ноющее чувство, будто кто-то тянул за невидимую нить, привязанную к моему сердцу. Я открыла глаза и уставилась в темный потолок. На соседней кровати ровно дышала Морана, свернувшись калачиком под жестким одеялом.

Я попыталась снова уснуть. Натянула одеяло до подбородка, закрыла глаза, начала считать удары сердца. Раз. Два. Три. Но зов не уходил. Он становился сильнее. Отчаяннее. В нем была такая боль, такое глухое, безысходное отчаяние, что у меня перехватило дыхание. Кому-то очень плохо. Кто-то нуждался во мне.

Я села на кровати. В комнате было холодно. Каменные стены отдавали сыростью, и от этого холода не спасало даже одеяло. Я накинула сверху тонкий халат, который нашла в сундуке, и сунула ноги в туфли. Морана даже не пошевелилась.

Коридор встретил меня густой, почти осязаемой темнотой. Несколько факелов в железных скобах горели тускло, отбрасывая длинные, дрожащие тени. Казалось, что стены сдвигаются, когда я прохожу мимо. Где-то капала вода — мерный, раздражающий звук, от которого хотелось зажать уши.

Я шла, не понимая, куда иду. Ноги несли меня сами. Чутье, которое всегда жило во мне, тянуло меня вперед, как веревка, натянутая между мной и тем, кто звал. Я шла мимо комнат других учениц и наконец свернула в тот самый коридор, который мы проходили вчера с мадам Кросс.

И тут я вспомнила. Та дверь. Мимо которой мы шли. От которой веяло таким страхом, что у меня мурашки пошли по коже. Тогда я только запомнила эту дверь. Но сейчас... сейчас я знала, куда иду.

Дверь с номером «33» была в самом конце коридора. Я остановилась перед ней и почувствовала, как чужая боль накрывает меня с головой. Она была такой сильной, что я прижала руку к груди. Казалось, что я задыхаюсь. Отчаяние, страх, одиночество — все это смешалось в один густой, тяжелый комок, который давил на меня со всех сторон.

Я дернула ручку. Дверь была заперта. Я надавила сильнее, плечом, но она не поддалась. Похоже, с той стороны к ней придвинули что-то тяжелое. Шкаф. Или кровать. Словно тот, кто был внутри, забаррикадировался от всего мира.

Я прижалась ладонью к холодному металлу и почувствовала, как за дверью кто-то вздрогнул. Отшатнулся от звука.

— Эй, — прошептала я, хотя понимала, что меня вряд ли слышат. — Я не сделаю тебе больно. Я просто хочу помочь.

Тишина. А потом — тихий, сорванный голос, больше похожий на выдох:

— Пожалуйста... уходи...

Голос был женским. Я хотела сказать что-то еще, хотела пообещать, что вернусь, что что-нибудь придумаю. Но в этот момент я услышала шаги.

Тяжелые, размеренные, они приближались откуда-то из глубины коридора. Я замерла. Вспомнила слова мадам Кросс: «После отбоя — ни шагу из комнаты. Если поймаю — три ночи в карцере. Без еды, без света, без магии».

Я посмотрела на номер на двери. «33». Я запомнила его. Впечатала в память, как клеймо.

А потом развернулась и побежала. Так быстро, как только могли нести меня ноги. Я слышала, как шаги охранника становятся громче, но я уже сворачивала в свой коридор. Дверь в комнату открылась бесшумно, и я юркнула внутрь, прислонившись спиной к стене и пытаясь отдышаться.

Морана все еще спала. Я легла, не снимая халата, и долго лежала без сна, прислушиваясь к шагам за дверью.

2

Сирена разорвала тишину. Я была на ногах раньше остальных: всю ночь я думала о комнате 33. И о том, кого я там оставила.

За завтраком Морана болтала без умолку, чего за ней не водилось: обычно она была скупой на слова.

— ...и мадам Кросс сказала, что если я еще раз опоздаю на перекличку, она лично выпорет меня на глазах у всех. Представляешь? За опоздание! — Морана откусила кусок хлеба и посмотрела на меня, ожидая реакции.

Я кивнула, хотя почти не слушала. Смотрела в тарелку с кашей, а перед глазами стояло лицо Эйнара: глаза, потемневшие от желания, рука, жестко сжимающая мою грудь, вкус вина на губах.

«Это было временное помутнение рассудка», — убеждала я себя. Просто шок, просто страх, тело отреагировало на насилие. Завтра я даже не вспомню об этом.

— Ровена? — Морана помахала рукой у меня перед лицом. — Ты меня слышишь?

— Да, прости. — Я тряхнула головой, отгоняя наваждение. — Просто не выспалась.

— Это из-за вчерашнего? — осторожно спросила Морана, и в ее голосе не было осуждения. Только понимание.

— Не хочу об этом говорить, — отрезала я, и она не стала настаивать. Мы снова вернулись к ничего не значащим темам: погода, расписание, новые предметы.

— Морана, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более равнодушно. — Я тут вспомнила... Когда меня вели вчера в общежитие, я заметила дверь в конце коридора. Номер тридцать три. Кто там живет?

Морана замерла. Ее рука с куском хлеба остановилась на полпути ко рту. На мгновение ее лицо стало пустым, как маска, а потом она быстро, слишком быстро, ответила:

— Никто. Там пусто.

Она откусила хлеб, но я видела, как дрогнули ее пальцы. И как она тут же потянулась за кружкой с водой, чтобы скрыть это.

— Пусто? — переспросила я. — Но я чувствовала...

— Тебе показалось, — перебила она. — Там уже давно никого нет. Мадам Кросс использует ее для хранения старой мебели. Или чего-то еще. Я не знаю. И тебе не советую совать туда нос.

Она говорила быстро и смотрела куда угодно, только не на меня.

— Морана, — тихо сказала я, наклоняясь ближе. — Я слышала голос. Кто-то был там. И этому кому-то было очень плохо.

Морана резко отодвинула тарелку. Звук получился громким, почти агрессивным.

— Я сказала, тебе показалось, — прошипела она, и в ее глазах вспыхнул настоящий страх. — Забудь об этом. Не лезь. Это не твое дело. Если тебя поймают...

Она не договорила. Просто замолчала, глядя на меня с таким отчаянием, что у меня внутри все сжалось. Она знала и боялась сказать.

Я потянулась к ней мысленно. Морана, как и все здесь, умела ставить блоки, но я была сильнее.

Я почти почувствовала ее мысли. Обрывки образов, вспышки страха. Какую-то темную комнату. Чей-то крик. Кровь...

— Мне пора, — внезапно сказала Морана, вскакивая. Ее лицо было бледным, как мел. — У меня сейчас «Теория ментальных барьеров». Мадам Вивьен не любит, когда опаздывают.

Она схватила сумку и почти побежала к выходу. Я осталась за столом.

Книги остались в комнате, и мне пришлось вернуться в общежитие. Коридор был пуст: все уже разошлись по аудиториям. Я шла быстро, пока не поравнялась с тридцать третьей.

Дверь выглядела как все остальные: тёмное железо, выбитый номер. Ни звука за ней.

Я приложила ладонь к металлу. Холод сразу забрался под кожу, и на секунду мне показалось, что я слышу дыхание. Частое, с надрывом, как у человека, который долго плакал и не может остановиться.

— Это я, — сказала я шёпотом. — Я вернусь. Слышишь? Я приду.

За дверью что-то скребнуло. Тихо, будто ногтем по доске. Потом голос, ещё более сорванный, чем ночью:

— Не надо.

— Я приду, — повторила я.

Я постояла ещё немного, слушая тишину, и ушла. На занятие я влетела последней, и мадам Вивьен посмотрела на меня поверх очков так, что я поняла: это мне запомнят.

3

Аудитория для «Теории ментальных барьеров» оказалась светлее, чем та, где мы учились управлять стихиями. Здесь было больше окон, пусть и забранных решетками, а стены украшали гобелены с изображениями сложных геометрических узоров. Пахло не сыростью, а старой бумагой и мятой.

Мадам Вивьен стояла у кафедры, сложив руки на груди. Ей было около тридцати пяти. Высокая, с идеальной осанкой, темные волосы уложены в строгую прическу, а на носу — тонкие очки в серебряной оправе. Ее глаза, серые и пронзительные, смотрели на нас без капли снисхождения.

— Ментальные барьеры — это не просто защита, — сказала она, и ее голос разнесся по аудитории. — Это ваша крепость. Ваш щит. Без него любой, кто сильнее вас, сможет войти в ваш разум и сделать с вами все, что пожелает.

Она прошлась перед нами.

— Вы думаете, что защита — это стена? — Она усмехнулась. — Стена — это грубо, стена рушится. Настоящий барьер — лабиринт: он уводит врага в его собственные мысли, пока вы готовите удар.

Я слушала, затаив дыхание. Я всегда умела читать других, но никогда не умела закрывать себя, и теперь понимала, чем это грозит.

— Ваша задача на сегодня, — продолжила Вивьен, — научиться строить первый уровень защиты. Закройте глаза. Представьте свой разум как комнату. Найдите в ней самую прочную стену. А теперь начните выкладывать кирпич за кирпичом...

Практика оказалась сложнее, чем я думала. Я пыталась представить свой разум как комнату, но вместо стен видела только клубящийся туман. Мысли разбегались, как испуганные звери. Я злилась, снова и снова пытаясь собрать их воедино.

А потом получилось. Сначала это был всего лишь тонкий слой, едва заметная дымка. Но с каждым вдохом она становилась плотнее. Я словно натягивала на себя невидимую броню.

— Неплохо, — раздался голос рядом. Я открыла глаза: на соседней скамье сидела коротко стриженная светлая девушка с добродушным лицом. — Я Элис. Для новенькой у тебя выходит быстро.

— Спасибо, — ответила я, немного смутившись. — Я Ровена.

— Знаю, — она улыбнулась. — О тебе уже все говорят. Телепат из деревни, которую заметил сам Эйнар. Он красавчик, конечно, но, говорят, его лучше обходить стороной.

Я напряглась, но Элис говорила без злобы. Скорее, с любопытством.

К нам подсела еще одна девушка — темнокожая, с длинными косами и внимательными глазами.

— Я Мира, — представилась она. — Не слушай Элис, она любит преувеличивать. Просто будь осторожна с ним. И с его отцом. Они не любят, когда кто-то играет не по их правилам.

— Спасибо, — тихо сказала я. Впервые за все время в Цитадели рядом со мной были люди, которые не смотрели на меня как на диковинное насекомое.

На перерыве мы втроем стояли у окна, и я чувствовала себя почти нормально. Даже Морана подошла, хотя после нашего утреннего разговора держалась настороженно. Она стояла чуть в стороне, но слушала.

— Говорят, у тебя вчера был разговор с самим лордом Валерианом, — сказала Мира, понизив голос. — Это правда?

— Правда, — ответила я. — Он объяснял мне правила.

— И как он тебе? — Элис передернула плечами. — Я видела его пару раз. Он такой... страшный. Даже когда улыбается. А вот сын красавчик. В жизни не видела парня красивее Эйнара, — мечтательно добавила она.

— Те, кто велись на эту красоту, плохо заканчивали, — резко сказала Морана. — А Валериан... Он не просто страшный. Он опасный. И он не забывает ничего. Ни долгов, ни ошибок.

Я хотела спросить ее, почему она так резко настроена против Эйнара. Да, я вчера сама убедилась, что он порочен и опасен, но в голосе Мораны звучала неприкрытая ненависть. Словно это было что-то личное.

Но я сдержалась. Не сейчас. Не при всех.

Следующим предметом были «Основы темной материи». Аудитория для него находилась в подвальном этаже, куда вела узкая винтовая лестница. Здесь было темно, хоть глаз выколи, и пахло землей и чем-то металлическим.

Магистр Марвейн оказался невысоким мужчиной лет пятидесяти, с седыми волосами, зачесанными назад, и короткой бородой. Носил он темную мантию и говорил тихо, почти шепотом, но слова его звучали так, будто он вбивал их молотом в наши головы.

— Темная материя, — сказал он, — это не зло. Это энергия. Такая же, как свет. Только она питается другими вещами. Болью. Страхом. Отчаянием. И если вы научитесь с ней работать, вы сможете создавать вещи, которые не под силу ни одному светлому магу.

Он поднял руку, и в воздухе перед ним возник шар. Черный, как сама ночь, но внутри него что-то двигалось, переливалось, жило.

— Попробуйте почувствовать его, — сказал Марвейн. — Не бойтесь. Он не причинит вам вреда, пока вы сами не захотите этого.

Я закрыла глаза и потянулась к шару. И почувствовала голод — не свой, его. Он тянул меня, как тянет вода утопающего, но я не испугалась. Наоборот, поняла, что могу этим управлять, направлять и использовать.

Когда я открыла глаза, шар в руке Марвейна слегка пульсировал. Он посмотрел на меня и едва заметно улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо.

Я вышла из аудитории. Впервые мне думалось не о том, как отсюда сбежать.

4

Аудитория для «Ритуальной некромантии» находилась в самом нижнем ярусе Цитадели, куда не доходил даже тусклый свет магических лампад. Здесь пахло землей, сыростью и чем-то сладковатым, от чего слегка кружилась голова. В центре зала стоял огромный каменный стол, на котором лежали странные предметы: кости, свечи из черного воска, медные чаши с темной жидкостью.

Некромантию вела женщина, которую звали Магистр Теней. Это было не прозвище: имя она взяла сама, когда отреклась от семьи. Высокая, худая, с длинными седыми волосами, заплетенными в сложную косу, она двигалась бесшумно, словно призрак. У нее были бледные, почти прозрачные глаза и голос, звучавший как шелест сухих листьев.

— Некромантия — это не поднятие мертвецов, — сказала она, и в ее устах это звучало как колыбельная. — Это разговор с теми, кто уже ушел. Это искусство слышать то, что осталось после смерти. Воспоминания. Эмоции. Боль.

Она подняла руку, и над каменным столом медленно встал скелет небольшой птицы. Его кости были соединены тонкими нитями магии, и он двигался так плавно, что казался живым.

— Смерть — это не конец, — продолжала Магистр Теней. — Это переход. И если вы научитесь видеть этот переход, вы сможете понять то, что недоступно другим.

Я завороженно смотрела на скелет, парящий в воздухе. Это было мрачно и красиво. Я вдруг поняла, что хочу этому научиться.

Но когда пришло время практики, у меня ничего не вышло. Я пыталась почувствовать остаточную энергию в костях, пыталась уловить эхо чужой жизни, но видела только пустоту. Магистр Теней подошла ко мне и положила руку на плечо.

— Не расстраивайся, — сказала она тихо. — Ты телепат. Твой дар связан с живым разумом. С мыслями, с эмоциями. Некромантия — это работа с тем, что уже ушло. Ты можешь чувствовать только живых. Это не твоя вина. Это твоя природа.

Я кивнула. В ее словах была правда: я не чувствовала мертвых, я чувствовала живых.

Последним предметом на сегодня был «Практикум по извлечению эмоций». Аудитория для него была больше похожа на кабинет лекаря: белые стены, стеклянные колбы, странные инструменты на полках. И запах: формалин и пыль, от которых меня сразу замутило.

Мистер Гримм стоял у стола, сложив руки на груди. Он был старым — лет шестидесяти, не меньше. Худой, с длинными, костлявыми пальцами и желтоватой кожей, натянутой на череп. На одном глазу у него было бельмо, а второй — водянисто-серый — смотрел на нас с таким плотоядным интересом, что мне захотелось спрятаться за спину Элис. От него пахло ещё и чем-то сладковатым, приторным, от чего сводило желудок.

— Ах, новенькая, — сказал он, и его губы растянулись в улыбке, обнажившей желтые зубы. — Ровена. Телепат. Я много о тебе слышал.

Я промолчала. Но он не сводил с меня глаз. Его взгляд скользил по моему лицу, по шее, по плечам, задерживаясь на груди. Я чувствовала его, как прикосновение грязных пальцев.

— Телепаты — очень ценный материал для моего предмета, — продолжал он, подходя ближе. — Вы умеете чувствовать эмоции. А значит, вы можете их извлекать. Вытягивать из людей. Собирать в сосуды. Использовать для заклинаний.

Он остановился прямо передо мной и наклонился, так что его дыхание коснулось моего лица.

— Я уверен, что у тебя получится, — прошептал он. — У таких, как ты, обычно... очень богатая палитра чувств. Особенно когда их доводят до предела.

Меня передернуло. Я хотела оттолкнуть его, хотела закричать, но помнила о правилах и о том, что будет со мной, если я нарушу хотя бы одно из них. Я сжала руки в кулаки и заставила себя стоять на месте.

— Простите, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мне нужно в туалет.

Я не стала ждать разрешения. Развернулась и вышла, не оглядываясь.

5

Я выскочила из аудитории мистера Гримма. Его липкий взгляд всё ещё полз по моей спине, и меня мутило. Я неслась по коридору, пока не упёрлась в тяжёлую дубовую дверь с вывеской «Уборная для учениц». Мне нужно было смыть с себя это ощущение грязи, плеснуть в лицо холодной воды.

Дверь я не толкнула — приоткрыла.

Сначала влажное, ритмичное чавканье, которое я не сразу узнала. Потом тяжёлое дыхание сквозь зубы. И тихий, довольный смех, от которого у меня мгновенно пересохло во рту. Я замерла на пороге.

Уборная была просторной, с мраморными раковинами и большими зеркалами. Но смотрела я не на убранство. В дальнем углу, у стены, стоял Эйнар, а перед ним на коленях была Агнес.

Её светлые волосы были растрёпаны, тёмно-бордовое платье сползло с одного плеча, обнажая бледную кожу. Она смотрела на него снизу вверх, с обожанием и страхом, и мне стало не по себе. Эйнар расстегнул брюки. Молния прошла вниз с резким металлическим звуком, и он достал член — твёрдый, тяжёлый, с блестящей головкой. Ждать, пока она приготовится, он не стал. Рука легла ей на затылок, пальцы зарылись в светлые пряди.

— Ты знаешь, что делать, — сказал он, и его голос был низким, вибрирующим от власти. — И не смей останавливаться, пока я не скажу.

Агнес подалась вперёд и взяла его в рот. Её губы сомкнулись на головке, слюна чавкнула между ними, она втянула щёки. Он трахал её в рот короткими, глубокими толчками, и на каждом толчке её плечи передёргивались. Её голова двигалась размеренно, подчиняясь ритму, который задавала его рука. Я видела, как напряглись мышцы на его шее, как его пальцы сжали пряди, направляя её — быстрее, глубже, жёстче. По её подбородку текла слюна, блестела на губах, капала на пол. Дыхание Эйнара стало тяжёлым, рваным, и каждый его выдох отдавался эхом в кафельных стенах.

— Вот так, — прошипел он, и в его голосе не было нежности. Только приказ. — Не смей останавливаться. Ты поняла меня? Ты будешь сосать, пока я не разрешу тебе остановиться.

Агнес издала тихий, сдавленный звук — не протест, а подтверждение. Её спина выгнулась, пальцы вцепились в его брюки. Она работала исступлённо, будто в этом для неё был весь смысл. Я чувствовала её сквозь заслон — не мысли, а страх и восторг, смешанные в одно, и к горлу подступало сильнее, чем от формалина.

А потом он ударил её. Коротко, хлёстко, по щеке. Звук пощёчины разнёсся по помещению. Агнес на мгновение замерла, и Эйнар, наклонившись, прошипел ей прямо в лицо:

— Сука, я сказал, не останавливайся. Или ты хочешь, чтобы я заставил тебя? Хочешь, чтобы я был грубее?

Она лишь улыбнулась, на её губах блестела слюна, и продолжила, ещё более страстно.

Жар начался внизу живота и растёкся по всему телу. Мои соски затвердели, натираясь о жёсткую ткань платья, а между ног стало мокро, так мокро, что влага проступила сквозь бельё. Клитор набух и отзывался на каждое движение ткани, на каждый толчок его руки в её волосах, и всё внутри тянуло и пульсировало в такт. Я смотрела на его руки, на его лицо — расслабленное, хищное, на нём было удовольствие. И я хотела быть на её месте. Хотела, чтобы он держал меня за волосы и задавал темп. Хотела, чтобы мой рот был набит им так, что нечем дышать. Хотела получить пощёчину и услышать «сука».

И тогда я, как всегда, потянулась к нему мыслью.

Стена, которая в столовой была гладкой и чёрной, теперь подалась. Не рассыпалась, а просела, как мокрая ткань, и меня втянуло внутрь.

Там не было слов. Там были картинки, быстрые и горячие, как лихорадка.

Агнес на коленях. Но не эта Агнес, а другая: запястья стянуты ремнём за спиной, подбородок задран, рот открыт.

Плеть. Тонкая, с утолщением на конце. Она ложится на ягодицы, кожа на миг белеет, потом наливается красным, и след идёт через весь бок.

Свеча. Воск стекает на грудь, капля за каплей, и на сосках застывает белыми корочками.

И я. Мои волосы намотаны на его кулак. Я стою на коленях, мне нечем дышать, и я не хочу, чтобы он отпускал.

Это длилось мгновение, а может, дольше. Я не поняла, где кончилось его и началось моё: воск на моей коже жёг по-настоящему, плеть оставила на ягодицах тёплую полосу, и между ног стало так мокро, что ткань прилипла к бёдрам. Клитор дёргался при каждом толчке его руки в её волосах, и я сжала колени, чтобы устоять.

Он думал обо мне. С Агнес на коленях, с её ртом, он думал обо мне, и в этих мыслях я уже стояла рядом с ней.

Страх и это другое смешались в один горячий ком, и я не знала, чего хочу сильнее: убежать или остаться и посмотреть, что будет дальше.

Себя я ненавидела, но не могла отвести взгляд. Я подалась вперёд, чтобы увидеть больше, и половица скрипнула у меня под ногой.

Скрип был негромким, но в тишине уборной он прозвучал как выстрел.

Эйнар мгновенно повернул голову. Его зелёные глаза, потемневшие от желания, впились в меня. На губах расцвела та ленивая, жестокая ухмылка. Он даже не оттолкнул Агнес, всё ещё держа её за волосы, и её голова не остановилась.

— О, рыжая, — протянул он, и его голос был хриплым, тяжёлым. — А ты, оказывается, любишь смотреть. Стоишь там, дрожишь, краснеешь... — Он помолчал, и его ухмылка стала шире. — Иди сюда. На колени. Я уверен, мы найдём для тебя место. Агнес не против, правда, Агнес?

Агнес не ответила. Она сильнее прижалась к нему.

Лицо горело. Я развернулась и бросилась прочь, толкнув дверь. За спиной раздался его смех — низкий, довольный, издевательский. Он звенел у меня в ушах, пока я бежала по коридору, и я ждала, что пол провалится подо мной и поглотит меня целиком.

Глава 5

Глава 4

1

Я влетела в комнату и слишком громко захлопнула дверь. Замок щёлкнул, но я всё равно прижалась спиной к створке, будто могла удержать ею то, что рвалось изнутри.

Перед глазами всё ещё стояла уборная. Эйнар. Его пальцы, зарытые в светлые волосы Агнес. Ритмичное движение её головы. Блеск слюны на его члене, когда она отстранилась на мгновение, чтобы перевести дыхание, а он дёрнул её обратно, вбиваясь ей в рот до корня.

Я слышала, как он дышал. Тяжело, с тихим рыком на выдохе. Как он сказал: «Сука, я сказал, не останавливайся».

И я хотела быть ею.

Мысль пришла не как осознание — как удар под дых. Я согнулась, упёршись ладонями в колени, и выдохнула сквозь сжатые зубы. В ушах шумело. Между ног разливалось влажным жаром, и ткань белья липла к коже, напоминая о каждой секунде, проведённой в дверях.

— Нет, — сказала я вслух. Голос прозвучал хрипло, сорванно. — Нет. Нет. Нет.

Я выпрямилась и прошла к умывальнику. Схватила кувшин, плеснула воду в таз, наклонилась и окунула лицо. Холод обжёг щёки, но не смыл картинку. Она была под веками — его руки на её затылке, её покорность, её готовность принять всё, что он даст. И самое страшное: она не выглядела сломленной. Она выглядела так, будто именно этого и ждала.

Я подняла голову и посмотрела в мутное зеркало над тазом. Из треснутого стекла на меня смотрела чужая. Глаза блестящие, зрачки расширены так, что почти не видно радужки. Щёки горят алым. Губы припухли — хотя он сегодня не касался меня, я чувствовала их так, будто он только что оторвался от моего рта.

— Что ты со мной делаешь? — прошептала я своему отражению, но знала, что вопрос не к себе.

Я закрыла глаза — и снова провалилась в его мысли.

Не мои воспоминания. Его. Те образы, что хлынули в меня, когда защита дала трещину.

Я на коленях. Пол каменный, холодный, вдавливается в кости, но я не чувствую боли. Мои руки связаны за спиной — не верёвкой, а его волей. Я смотрю на него снизу вверх, и в груди не страх, а жадное ожидание. Воск — тёплый, тягучий — стекает по моей груди, застывает на соске белой каплей, и я выгибаюсь, потому что жжёт, но жжёт именно так, как я хочу. Плеть ложится на бедро тонкой полосой, и я не отворачиваюсь — подаюсь навстречу, чтобы он ударил снова.

Я открыла глаза, будто ожог был реальным. В комнате никого не было. Только я, таз с водой и отражение, которое смотрело на меня с укором.

Я провела ладонью по лицу, стирая капли, и села на кровать. Руки дрожали. Не от холода.

Морана сказала бы: «Он ломает тех, кто ему нравится». Но это было не похоже на ломку. Это было похоже на то, что он показывал мне часть себя — ту, которую никто не видел, — и ждал, захочу ли я остаться и заглянуть глубже.

И я осталась. Я не убежала сразу. Я стояла в дверях и смотрела, пока он меня не заметил.

Если бы он сейчас вошёл, если бы он приказал мне опуститься на колени и открыть рот, — я бы не знала, что делать.

Эта мысль была страшнее любой плети. Потому что глубоко внутри я знала. Я сделаю то, что он скажет.

Желание было горячим, живым, оно билось под кожей, как второй пульс. Я ненавидела его за то, что он это разбудил. Но себя — сильнее.

Я легла на кровать, свернувшись калачиком, и уставилась в серый потолок.

Простыня подо мной была жёсткой, колючей, но я почти не чувствовала её — только жар собственного тела, который, казалось, раскалял матрас. Между ног всё ещё ныло влажным, настойчивым теплом. Я сжала бёдра, и от давления клитор отозвался острой вспышкой — такой яркой, что я закусила губу, чтобы не застонать.

Ткань белья липла к коже, въедалась в складки, и каждое движение, даже самое малое, отдавалось там, внизу, тянущим, голодным спазмом. Соски тёрлись о грубую материю платья — они затвердели до боли, и каждое касание посылало искры по позвоночнику, в самое основание живота.

Пытаясь ухватиться хоть за что-то, я накрылась одеялом. Оно было тяжёлым и грубым, но я прижала его к себе, вдавила в низ живота, и от давления стало легче ровно на секунду — а потом жар вернулся, усилившись.

Я считала удары сердца. На десятом выдохе я позволила себе признать то, от чего хотела убежать с самой первой секунды, когда увидела его на балконе.

Я хочу его. Не поцелуи Кайла, от которых на душе тепло, но тело молчит. Я хочу, чтобы он взял меня силой, запер в клетке и заставил просить ещё. Я хочу знать, каково это — быть на месте Агнес, под его руками, под его голосом.

Я хочу, чтобы он сломал меня.

И я боюсь, что это единственное, чего я сейчас хочу по-настоящему.

Сирена взвыла. Я вздрогнула, села, и в голову ударил чужой, металлический голос: «Всем ученицам немедленно собраться в Центральном зале. Явка обязательна».

Я провела дрожащими пальцами по лицу. Умылась. Заставила себя дышать ровно. И на трясущихся ногах вышла в коридор.

2

Ноги сами понесли меня к Центральному залу. Внутри всё ещё горело — жар, который я не смогла остудить водой, толкался где-то под кожей, внизу живота, в кончиках пальцев. Я сжала руки в кулаки, пряча дрожь в складках серого платья, и, войдя в зал, заставила себя смотреть прямо перед собой.

Зал был огромным. Высокие своды терялись в полумраке, и магические светильники горели тускло, отбрасывая длинные тени на каменные стены. В центре возвышался деревянный помост — тёмный, потрескавшийся, с бурыми разводами, которые я не хотела рассматривать. Вокруг него уже собрались люди.

Они стояли плотными группами: преподаватели — отдельно, в своих тёмных мантиях; охрана — вдоль стен, с непроницаемыми лицами; прислуга — в серых фартуках, сжавшись у задних колонн. И ученицы. Серые платья, опущенные головы, тихие перешёптывания.

Я сразу заметила знакомые лица. Магистр Корвус стоял у колонны, скрестив руки на груди, и смотрел на помост с выражением профессиональной скуки. Магистр Теней — чуть поодаль, бледная, неподвижная, как статуя. Мадам Вивьен поправляла очки и переговаривалась с Магистром Марвейном вполголоса.

У кафедры, в стороне от преподавателей, стоял лорд Валериан. Я узнала его сразу: чёрный камзол с серебряной вышивкой, тёмные волосы с проседью, кольцо с рубином на пальце. Вокруг него оставалось пустое место, будто толпа сама отступила на шаг. Он смотрел на зал ровно, без интереса, и от него тянуло магией, тяжёлой и холодной, как из погреба.

Мадам Кросс держалась у стены рядом с ученицами, со связкой ключей на поясе. Она не смотрела на помост. Она смотрела на нас, пересчитывая, кто где стоит, и её бледно-голубые глаза остановились на мне чуть дольше, чем на других.

И тут я увидела его.

Магистр Гримм стоял почти у самого помоста, и его бельмо неприятно поблёскивало в свете ламп. Когда я вошла, он повернул голову, и его взгляд — липкий, маслянистый —

скользнул по мне, от лица вниз, задерживаясь на груди, на бёдрах. Меня передёрнуло. Я отвернулась так резко, что едва не споткнулась о собственный подол, и ускорила шаг.

— Ровена!

Я обернулась на голос. Морана стояла у дальней стены, рядом с Элис и Мирой. Я почти побежала к ним, втискиваясь в их маленький кружок, прячась от взгляда Гримма за чужими плечами.

— Ты как? — тихо спросила Элис, касаясь моего локтя.

— Нормально, — соврала я. Голос прозвучал сипло, и я прокашлялась. — Что происходит?

— Бриэль поймали, — ответила Мира, и её голос дрогнул. — Она встречалась с женихом. Тайно. Кто-то донёс.

— Бриэль? — переспросила я, вглядываясь в лица вокруг. Я не знала этого имени. — Кто это?

— Ещё не вывели, — тихо сказала Морана, и я заметила, что она смотрит не на помост, а куда-то в сторону, в левую часть зала. — Её приведут оттуда.

Я проследила за её взглядом.

И увидела его.

Эйнар стоял в боковой нише, почти в тени, но я узнала бы его силуэт из сотни. Чёрная рубашка, распахнутый ворот, тёмные волосы, падающие на плечи. Рядом с ним, прижавшись к его боку, стояла Агнес — в том же бордовом платье, с идеальной укладкой и пустыми глазами куклы. С другой стороны, чуть поодаль, высокая брюнетка с короткой стрижкой опиралась плечом о колонну и смотрела тяжело и внимательно. Она не касалась Эйнара, но стояла так, будто имела на это право.

Через головы толпы его глаза — зелёные, яркие, хищные — нашли меня мгновенно, будто он знал, где я стою, и ждал только этого момента. Губы дрогнули в лёгкой, ленивой усмешке.

Щёки вспыхнули, и я отдёрнула взгляд, уставившись в пол. Сердце стучало громко, предательски громко.

— Ты чего? — шепнула Элис. — Горишь вся.

— Всё хорошо, — выдавила я. — Просто… душно.

Она не поверила, но промолчала.

Где-то впереди звякнул металл. Тяжёлая дверь у левой стены распахнулась, и в зал вошли двое охранников в тёмных доспехах. Между ними шла девушка.

Бриэль.

Я впервые видела её вживую, хотя в этот миг мне казалось, что я знала её всю жизнь. Пепельно-русые волосы, спутанные, падающие на лицо. Большие серые глаза, красные от слёз — но сухие сейчас, как будто она выплакала всё, что могла, и теперь в ней осталась только пустота. Кожа бледная, почти прозрачная, с россыпью веснушек на острых плечах. Она была хрупкой — такой хрупкой, что серое форменное платье висело на ней мешком, подчёркивая худобу.

Охранники подвели её к помосту и остановились. Из тени за кафедрой вышел мужчина.

Я не видела его раньше. Высокий, сухой, с лицом, которое, казалось, никогда не знало улыбки. Седина густо пробивала тёмные волосы, стянутые в низкий хвост. Одет он был в чёрную мантию с узкими рукавами, перетянутую серебряным поясом, на котором висели тяжёлый ключ и короткий кинжал в ножнах. Глаза — светлые, водянисто-голубые — смотрели на зал так, будто перед ним не люди, а статьи устава, которые нужно зачитать.

Он поднял свиток, развернул его медленно, с расчётом, и начал читать. Голос у него был скрипучим, как несмазанная дверь.

— Ученица Бриэль, девятнадцати лет, дар — слабая эмпатия, — он сделал паузу, и в зале стало тихо, так тихо, что я слышала, как где-то капает вода. — Обвиняется в нарушении правила второго. Контакты с внешним миром. В течение трёх месяцев она тайно встречалась с мужчиной по имени Леон, своим женихом, используя для этого подкуп прислуги и маскировку дара. — Он поднял глаза от свитка и обвёл зал тяжёлым взглядом. — Признана виновной.

Никто не шелохнулся. Бриэль стояла на помосте, не поднимая головы, и её плечи мелко дрожали, хотя она даже не плакала.

— Приговор, — продолжал Магистр Экзекуций, и я заметила, как его тон стал чуть громче, чуть торжественнее, будто он смаковал эти слова, — двадцать ударов плетью с последующей продажей на вечернем аукционе. Покупатель вправе использовать рабыню по своему усмотрению без ограничений, включая право распоряжаться её жизнью.

Элис рядом судорожно вздохнула. Мира опустила глаза. Морана смотрела в пол. Лорд Валериан не изменился в лице, только повернул кольцо на пальце. Мадам Кросс поджала губы ещё плотнее.

— Стоять ровно, — сказала она негромко, не поворачивая головы. — Смотреть. Кто закроет глаза, тот встанет здесь следующей.

Магистр Экзекуций свернул свиток и кивнул охране.

— Приступить.

Охранники шагнули к Бриэль. Один из них взял её за плечо, разворачивая спиной к залу.

Я замерла.

3

Охранник взялся за ворот её платья. Ткань затрещала, и он рванул вниз — одним движением, от шеи до подола. Серое полотно упало к ногам Бриэль, и она осталась стоять в одной нижней рубашке — тонкой, просвечивающей, почти не скрывающей тела. Воздух в зале был холодным. Кожа покрылась мурашками, соски затвердели под тканью и проступили острыми бугорками.

— Разденьте, — приказал Магистр Экзекуций, и голос его прозвучал буднично, как заказ обеда.

Второй охранник шагнул к Бриэль и рванул рубашку с плеч. Она дёрнулась, но её удержали. Рубашка сползла вниз, обнажая грудь — маленькую, бледную, с розовыми сосками, съёжившимися от холода. Кто-то в толпе нервно вздохнул. Бриэль стояла, закрыв глаза, и её губы шевелились в беззвучной молитве.

Охранники развернули её лицом к столбу в центре помоста. Металлические браслеты защёлкнулись на её запястьях, подняв руки над головой. Она повисла на цепях, и ступни едва касались пола. Позвоночник выгнулся, лопатки прижались друг к другу, и спина стала идеально ровной полосой бледной кожи — от шеи до поясницы.

— Двадцать ударов, — объявил Экзекутор, и голос его разнёсся под сводами. Он взял с подноса плеть — чёрную, с тонкими хвостами, оплетёнными узлами, — и стряхнул её, расправляя хвосты.

Бриэль открыла рот, но ни звука не вырвалось.

Я смотрела, не в силах отвести взгляд.

Плеть взвилась со свистом, рассекая воздух, и опустилась поперёк лопаток. Звук был мокрым, тяжёлым, как удар по воде. На коже проступила белая полоса — а через секунду красная, вздувающаяся линия. Бриэль дёрнулась, ударившись затылком о столб, из её горла вырвался сдавленный всхлип, почти вой.

Первый удар. Я вздрогнула так, словно плеть пришлась по моей спине.

Второй удар лёг чуть ниже, перекрещиваясь с первым, образуя кровавый крест на бледной спине. Бриэль закусила губу, и по подбородку потекла тонкая струйка крови — она прокусила губу насквозь.

Третий — по пояснице. Четвёртый — по ягодицам. На пятом Бриэль закричала. Я попыталась зажмуриться.

И тогда в моей голове раздался голос.

«Не закрывай глаза».

Я вздрогнула. Голос был мягким, почти ласковым, и от этого ещё более страшным. Я узнала его — бархатная хрипотца, ленивая усмешка, проступающая между слов. Эйнар.

«Смотри, — продолжал он. — Ты должна это видеть. Каждый удар. Каждую каплю крови. Это часть твоего обучения».

Я замотала головой, пытаясь стряхнуть его голос, как назойливую муху. Зажмурилась. Но голос не уходил.

«Не прячься, рыжая. Ты не можешь от меня закрыться. Ты уже пробовала. Помнишь? В уборной. Ты думала, что заглянула в мою голову сама».

Он тихо засмеялся. Этот смех отдался у меня в черепе.

«Нет. Я пустил тебя. Я хотел, чтобы ты увидела. Каждую картинку. Каждое ощущение. Ты думала, это твоя сила? Это я дал тебе её ровно настолько, чтобы ты поняла, насколько я могу быть щедрым».

Перед глазами поплыли красные круги. Я снова открыла глаза и посмотрела на помост. Седьмой удар. На спине Бриэль уже не было живого места. Кожа висела лоскутами, мышцы сокращались под разорванной плотью.

«Теперь смотри внимательнее, — голос Эйнара стал тише, интимнее. — Это наказание для тех, кто нарушает правила. Но для нас с тобой всё будет иначе. Тебе тоже будет больно. Очень больно. Но это будет приятная боль».

Я попыталась поставить блок. Собрала остатки воли и начала строить стену — кирпич за кирпичом, как учила мадам Вивьен. Я представляла её лицо, её холодный голос: *«Ваш разум — это крепость»*. Я возводила стены, одну за другой, плотно укладывая камни, замазывая щели известкой. В висках пульсировала тупая боль от напряжения, и я чувствовала, как желваки сводит судорогой.

«Ты строишь стены из мокрого песка, — услышала я, и в голосе появилась насмешка. — Я вижу каждую трещину. Каждый камень, который ты кладёшь, я могу выдавить пальцем. Хочешь, покажу?»

Я не успела ответить. Внутри черепной коробки что-то взорвалось — нет, не взорвалось, а прогнулось, как гнилая доска под тяжёлым сапогом. Моя защита треснула. Ушами я ничего не слышала, но звук прошёл по костям, от позвоночника к затылку, отдался в зубах ноющей вибрацией.

А потом он вошёл в мой разум.

Это не было похоже на чтение мыслей. Это было вторжение — горячее, чужое, скользкое. Я почувствовала его присутствие внутри головы как физическое давление: будто кто-то тяжёлый надавил изнутри на глазные яблоки, на пазухи носа, на корень языка. Вкус металла заполнил рот. В ушах зазвенело, и звон этот опускался всё ниже, в горло, в грудину, в живот, оставляя за собой дорожку из ледяных мурашек.

— Убирайся, — выдохнула я, но звук застрял в горле.

Я попробовала иначе — мысленно, собрав остатки той искры, что всегда жила во мне, и толкнула в него, как тараном.

«Ты думаешь, я буду стоять и слушать? Ты никто. Ты просто сынок своего папаши, который тешит себя властью, потому что другой у тебя нет. Ты мне противен».

Я почувствовала, как он на мгновение замер. Удивление? Нет. Скорее, ленивое любопытство, как у кота, который смотрит на мышь, решившую огрызнуться.

А потом он засмеялся. В моей голове. Этот смех был тихим, глубоким, он вибрировал где-то в затылке, и от него по спине побежали мурашки — не от страха, а от унизительного осознания, что я не могу его заткнуть.

«Какая смелая. — Его голос стал вкрадчивым, тёплым, как рука, которая гладит загривок перед тем, как сжать горло. — Мне нравится, когда ты рычишь. Знаешь, что бывает с теми, кто рычит на хищника? Это делает охоту интереснее. Я уже чувствую твой гнев — он горячий, острый, как нож. Но под ним, Ровена… под ним — страх. И желание. Сегодня ты хотела быть на месте Агнес».

— Заткнись, — прошептала я вслух, и Элис рядом со мной удивлённо покосилась.

«Ты хочешь, чтобы я заткнулся? — Его голос смягчился, стал почти ласковым. — Тогда закройся сама. Поставь блок. Настоящий. Вонзи мне в голову нож своих мыслей. Но ты не можешь. Потому что часть тебя хочет, чтобы я остался. Часть тебя ждала этого с той секунды, как увидела меня на балконе. Признай это, рыжая. Признай — и станет легче».

Я сжала кулаки так, что ногти прорвали кожу на ладонях. Тёплая влага скользнула между пальцев, но я не почувствовала боли — только глухую, тяжёлую ярость.

«Пошёл ты. — Я вложила в эти слова всю злость, на которую была способна. — Ты можешь влезть в мою голову, но ты не получишь меня. Ни сегодня, ни когда-либо. Я не стану твоей игрушкой, Эйнар. Я сдохну, но не стану».

Он замолчал. На секунду — всего на одну долгую, тягучую секунду — мне показалось, что я его достала.

А потом он рассмеялся снова. И смех был другим. Тёмным. Низким. Он отдался у меня в груди, в низу живота, между ног, и колени ослабели.

«О, рыжая, — выдохнул он, и в голосе проступила такая бархатная жестокость, что у меня перехватило дыхание. — Ты уже моя. С той секунды, как я увидел тебя во дворе. И скоро ты в этом убедишься. А пока — смотри. Смотри и запоминай. Это не просто наказание. Это прелюдия».

Его внимание переключилось. Он всё ещё был в моей голове, но смотрел он не на меня. Он смотрел на помост. Я видела это краем глаза: его ноздри раздувались в такт ударам, будто он вдыхал запах крови, как самый тонкий парфюм.

И его рука.

Она лежала на груди Агнес — не просто лежала, а сжимала, медленно, ритмично, массируя сквозь бордовый шёлк. Пальцы впивались в ткань, и я заметила, как соски Агнес затвердели под его ладонью, как сама она закусила губу, запрокинув голову. Она не смотрела на помост. Она смотрела на него, ловя каждое движение его руки, как кошка ловит свет.

Внизу живота у меня всё скрутило в тугой узел. Отвращение поднялось к горлу горькой волной — но вместе с ним пришло и другое, более глубокое, более тёмное чувство. Я представила, что его рука лежит на моей груди. Болезненно. Восхитительно сильно.

Бриэль снова закричала. Десятый удар. Одиннадцатый. Её спина превратилась в месиво — кожа висела клочьями, кровь текла по ногам, собиралась в лужицу на чёрном камне помоста.

Двенадцатый. Тринадцатый. Её голос становился тише, переходя в хрип.

Четырнадцатый. Она больше не стояла — висела, обвиснув на цепях, безжизненно, как кукла.

Бриэль потеряла сознание.

Голова упала на грудь, ноги подогнулись, и она повисла на запястьях, которые тут же побелели и начали кровоточить под тяжестью тела. Охранники подошли, равнодушно отцепили её от цепей, и она рухнула на пол в лужу собственной крови.

— Приведите её в чувство, — приказал Экзекутор, и голос его не дрогнул.

Прислужница поднесла ведро ледяной воды и вылила на лицо Бриэль. Та дёрнулась, закашлялась, открыла мутные глаза. Её подняли, снова приковали к столбу.

Экзекуция продолжалась.

Шестнадцатый. Семнадцатый. Восемнадцатый. Она уже не кричала. Только хрипела, вздрагивая при каждом ударе, как рыба на берегу.

Девятнадцатый.

Двадцатый.

Магистр Экзекуций положил плеть на поднос. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Приговор приведён в исполнение, — объявил он, вытирая руки о тряпку, которую подал помощник. — Аукцион объявлен открытым.

Кровь стекала по спине девушки и капала с пяток, растекаясь по камню. Воздух пах железом и солью.

Я стояла, вцепившись в подол платья. Колени дрожали. В ушах всё ещё звучали её крики. Но глубоко внутри, под слоем ужаса, толкалось что-то другое. Не сострадание. Не жалость.

Я опустила взгляд. Между ног стало влажно. Я стиснула бёдра, пытаясь остановить это чувство, но оно росло, разливалось теплом, настойчивым и запретным, и я с ужасом поняла, что не знаю, чем это кончится.

Где-то на периферии, на самом дне моего сознания, ещё теплился его голос — довольный, сытый, обещающий.

«Видишь, рыжая? Я же говорил. Ты уже чувствуешь. Осталось только перестать сопротивляться».

4

Магистр Экзекуций не дал ей отдышаться. Он шагнул к Бриэль, схватил её за окровавленные волосы и рванул голову назад, разворачивая лицом к залу. Она застонала — тихо, жалобно, сквозь разбитые губы, — но не открыла глаз.

— Не расслабляться, — приказал Экзекутор и кивнул охранникам.

Они отцепили её запястья от столба, развернули цепь и снова защёлкнули браслеты — теперь спереди, так что руки поднялись над головой, а грудь и живот открылись взглядам. Её тело, всё в разводах крови и пота, мелко дрожало на холодном воздухе.

Магистр Экзекуций подошёл к кафедре и развернул новый свиток — поменьше, с красной печатью.

— Перед проведением наказания, согласно уставу, был проведён медицинский осмотр ученицы Бриэль, — объявил он, и голос его разнёсся под сводами, сухой и равнодушный. — Осмотр установил, что объект утратил девственную плеву. Таким образом, товар не соответствует категории «нетронутый».

По залу пронёсся тихий гул. Кто-то из учениц всхлипнул. Кто-то, наоборот, хмыкнул с презрением. Я стояла, вцепившись пальцами в подол платья, и смотрела, как Бриэль вздрагивает от каждого слова, как по её щеке течёт слеза, смешиваясь с кровью из прокушенной губы.

— Начальная цена снижена, — продолжал Экзекутор. — Две тысячи золотых. Шаг ставки — сто золотых. Торг открыт.

Две тысячи. За человека. За живую, дышащую девушку, которая мечтала о свадьбе.

Мой желудок сжался.

И в этот момент он снова заговорил в моей голове. Ленивый, тёплый, с интимной хрипотцой.

«Хороший вопрос, рыжая. Две тысячи за ту, что уже не девочка. А ты?»

Я не шевелилась. Пальцы, вцепившиеся в подол, дрогнули. Я знала, о чём он спрашивает, и от этого знания внутри всё перевернулось.

«Пошёл ты, — ответила я мысленно, вкладывая в слова всю злость, которую смогла собрать. — Тебя это не касается».

Он усмехнулся, и его смех скользнул по моим мыслям, как тёплый язык по коже, оставляя липкий, горячий след.

«О, касается. Ещё как касается. Мне нужно знать, какой товар я собираюсь приобрести. Если ты ещё девочка — это одна цена. Если нет — другая. Но в любом случае, рыжая… — он сделал паузу, и я почувствовала, как его голос опускается ниже, тяжелеет, становится вязким, как патока, — все три твоих отверстия скоро потеряют невинность. Неважно, девственница ты или нет. Я сделаю так, чтобы ты забыла, что было до меня. Каждый раз, когда я буду входить в тебя, ты будешь чувствовать это как в первый раз».

Кровь прилила к щекам, и жар пополз по шее. Я сжала зубы так сильно, что челюсть заныла.

«Ты больной ублюдок, — выплюнула я мысленно. — Ты не прикоснешься ко мне. Никогда. Я лучше перережу себе горло, чем позволю тебе дотронуться до меня».

Он не ответил. Но я почувствовала его улыбку — широкую, хищную, предвкушающую. Она висела в моей голове, как запах дыма, и от неё нельзя было избавиться.

Я перевела дыхание и заставила себя смотреть на помост.

Торг шёл.

— Две пятьсот, — раздался голос слева.

Я повернула голову и увидела Магистра Марвейна. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на Бриэль с холодным интересом.

— Две восемьсот, — отозвался Магистр Корвус, и в его голосе не было ни капли сочувствия.

— Три тысячи, — подал голос Магистр Гримм, и его бельмо неприятно блеснуло в свете ламп. Он облизнул губы, глядя на обнажённое тело, истекающее кровью, и меня захлестнула волна тошноты.

— Три двести, — перебил его Магистр Марвейн.

Я перестала дышать. Каждая ставка звучала как пощёчина. Они торговались за неё, как за кусок мяса, и Бриэль слышала это. Её плечи вздрагивали, и по щекам текли слёзы, но она молчала. Она не просила пощады. Она просто стояла, прикованная к столбу, и ждала, когда её купят.

И тут Эйнар заговорил снова — лениво, скучающе, почти равнодушно.

«Кстати, не думай, что я участвую в этом торге. Мне эта девка не нужна».

Я вздрогнула, но не обернулась.

«Мне плевать, кто там тебе нужен», — огрызнулась я мысленно.

Он усмехнулся, и в этом смехе не было веселья.

«Я просто объясняю, почему не поднимаю руку. У неё болевой порог слишком низкий. Она отключилась уже на пятнадцатом ударе. С такой скучно работать. А я люблю, когда мучение длится долго. Чтобы девочка успела понять, кто её хозяин, и возненавидеть каждый миг этого осознания. Бриэль сломается за неделю, и в этом не будет никакого удовольствия».

Его спокойный, почти лекционный тон был хуже любой откровенной жестокости.

«Заткнись, — ответила я, и в моём голосе дрожала не только злость, но и страх. — Мне плевать на твои пристрастия. Держи их при себе».

«О, я держу, — протянул он иронично. — Просто делюсь с тобой, раз уж я всё равно у тебя в голове. Считай это авансом. Чтобы ты знала, к чему готовиться. Потому что с тобой, рыжая, я буду не спешить. Я буду смаковать каждый твой крик».

«И запомни: любые крепости берутся осадой, любые двери открываются, если подобрать верный ключ, — продолжал он, и его мысленный голос стал ниже, почти задушевным, словно он делился секретом. — И кажущиеся неприступными девчонки… они поддаются. Когда натиск правильный. Когда его ведёшь с той стороны, где не ждали: мысленно или физически. А я умею давить с обеих сторон. Ты уже пропустила меня в свою голову — осталось только войти в комнату».

В горле пересохло.

— Заткнись, — выдохнула я вслух, хотя понимала, что он меня не слышит, — но мне нужно было хоть что-то сказать.

«Ты можешь рычать сколько угодно, — ответил он, и в его голосе появилась лёгкая, почти ласковая усмешка. — Но крепости не падают от крика. Они падают от того, кто знает, куда бить. А я знаю, куда бить, Ровена. Я уже внутри. Остальное — вопрос времени и моего терпения».

В глазах потемнело от ярости и бессилия. Я хотела ответить — вгрызться в его голос словами, заставить его замолчать. Но он уже переключил внимание. Я почувствовала это — его взгляд скользнул мимо меня, к помосту, где ставки росли.

— Три пятьсот, — объявил Магистр Корвус.

— Три шестьсот, — отозвался Магистр Гримм, и его голос прозвучал почти раздражённо.

— Три восемьсот, — сказал Магистр Марвейн, и в его тоне проскользнула твёрдость, означающая, что он не намерен уступать.

Торг прекратился на ставке Корвуса в три восемьсот. В зале затихли, и я уже решила, что Бриэль достанется ему, когда тихо и спокойно сказали:

— Четыре тысячи.

Я обернулась. Магистр Вивьен стояла в стороне от остальных преподавателей — прямая, неподвижная, с идеальной осанкой. Её лицо оставалось бесстрастным, и только очки блеснули в свете ламп, когда она подняла руку с маленькой монетой, которую положила на край стола.

Магистр Экзекуций поднял бровь.

— Четыре тысячи от Магистра Вивьен. Есть желающие поднять ставку?

Тишина. Никто не ответил. Даже Магистр Гримм нехотя отвёл взгляд, пряча разочарование.

— Продано, — объявил Экзекутор, и его голос прозвучал с лёгким оттенком скуки. — Ученица Бриэль переходит в собственность Магистра Вивьен.

Он кивнул охранникам. Те отцепили цепи, и Бриэль рухнула на пол, не в силах стоять на ногах. Кровь закапала быстрее, растекаясь по чёрному камню. Двое прислужниц подхватили её под руки и потащили к выходу, волоча босые ступни по мокрому полу.

Я смотрела, как её уносят, и не могла отвести взгляд. Её спина была сплошной раной. Капли срывались с её пальцев, оставляя на камне тёмный пунктир.

В моей голове снова зазвучал голос. Теперь он был насмешливым, довольным, как у кота, который наелся сметаны.

«Между прочим, ей повезло, — лениво протянул Эйнар. — Она попала к Вивьен».

Я напряглась.

«Что это значит?»

«Только то, что Вивьен классическая лесбиянка. Она питает слабость к хорошеньким девочкам. Так что Бриэль не изнасилуют и не забьют до смерти в первую же ночь. По крайней мере, не сегодня. Вивьен умеет ждать. Она будет лечить её спину, поить чаем и делать комплименты её волосам, пока Бриэль не забудет, кто она и где находится. А потом — недели через две, когда спина заживёт, — она пригласит её в свою спальню. И Бриэль, скорее всего, пойдёт сама. Потому что к тому моменту Вивьен станет единственным человеком в этом мире, который был к ней добр».

Он рассказывал это так, будто желал ей добра.

«Ты садист», — сказала я.

«Нет, — поправил он. — Я реалист. Разницу поймёшь, когда проживёшь здесь подольше».

Бриэль скрылась за дверью. Я проводила её взглядом. В груди тяжелело. Воздух в зале всё ещё пах кровью и железом.

Магистр Экзекуций поднял руку, привлекая внимание.

— Аукцион окончен, — объявил он. — Ученицам разойтись по своим делам.

Он развернулся и ушёл за кафедру, даже не взглянув на лужу крови, оставшуюся на помосте.

Толпа начала расходиться. Ученицы — опустив головы, приглушённо перешёптываясь. Преподаватели — кто с равнодушным лицом, кто с лёгкой улыбкой удовлетворения. Магистр Гримм прошёл мимо меня, и я почувствовала его взгляд — тяжёлый, скользящий по моему телу, как грязная рука. Я отвернулась, пытаясь подавить приступ тошноты.

— Ты как? — тихо спросила Элис, касаясь моего локтя. — На тебе лица нет.

— Нормально, — выдавила я.

— Пойдём отсюда, — сказала Мира и взяла меня за руку. — Пойдём. Всё кончено.

Я позволила увести себя.

Но голос в голове не утихал. Он держался на краю сознания, тихий, довольный, обещающий:

«До скорого, рыжая. Скоро мы с тобой поговорим… более предметно».

5

Вечер спустился на Цитадель серой, промозглой мглой. За окном моросил дождь, и капли барабанили по бычьему пузырю, натянутому на раму, создавая монотонный, усыпляющий ритм. В комнате горела единственная свеча — тусклый огонёк метался от сквозняка, отбрасывая на стены длинные, дрожащие тени.

Я сидела на своей кровати, подтянув колени к груди, и смотрела в одну точку на стене. Перед глазами всё ещё стояла Бриэль — её спина, исполосованная плетью, беззвучные слёзы, глаза, пустые и мёртвые. И голос Эйнара, который до сих пор гудел в голове, как назойливая муха, которую нельзя прихлопнуть.

Я почти забыла, что Морана сидит напротив и внимательно смотрит на меня.

— Ровена.

Я вздрогнула и подняла голову. Морана сидела на своей кровати, скрестив ноги, и в её глазах не было обычной настороженности. Только холодное, пристальное внимание.

— Ты сегодня в зале говорила вслух, — сказала она без предисловий. — Я слышала. Ты сказала «заткнись» и «пошёл ты». Кому?

Я отвернулась, уставившись в стену.

— Никому. Просто говорила сама с собой.

— Да-да. Ты говорила сама с собой в мужском роде. Ровена, — её голос стал жёстче. — Я не слепая. И не глупая. Ты смотрела в пустоту, твои губы шевелились, и ты несколько раз отчётливо произнесла слова, обращённые к кому-то. Я хочу знать, к кому.

Я молчала. Пальцы теребили край одеяла, скручивая ткань в тугой жгут.

— Это Эйнар, — наконец сказала я, и голос мой прозвучал глухо, как из бочки. — Он снова залез ко мне в голову. Говорил со мной. Всё время, пока длилось наказание. И после тоже.

Морана побледнела. Её руки, лежащие на коленях, сжались в кулаки.

— Мне показалось, что получилось поставить блок, — горько добавила я. — Ненадолго. Он сломал его. Просто… вошёл, как в пустую комнату. Моя защита трещала, и я не могла ничего сделать.

Морана покачала головой, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

— Ровена, это почти невозможно. Эйнар — сильнейший телепат, которого я знаю. Возможно, даже сильнее своего отца. Если он решит остаться в твоей голове — он останется. Ты не сможешь его выгнать, пока он сам не захочет уйти. Обычные блоки на него не действуют.

— Я заметила, — сухо ответила я.

Морана помолчала. Её взгляд сверлил меня, пытаясь проникнуть глубже, чем я позволяла.

— Что он тебе говорил? — спросила она тихо. — В зале. Я видела, как ты менялась в лице. Ты была в ярости, а потом…

— А потом что? — резко перебила я, поднимая на неё глаза. — Что ты хочешь услышать, Морана? Что я ему нужна, и он меня получит, хочу я того или нет? Что он говорит мне вещи, от которых кровь стынет в жилах, а что-то во мне вместо того, чтобы сопротивляться, отвечает?

Я выпалила это на одном дыхании, и в комнате повисла тишина. Свеча мигнула, и тени на стенах качнулись, как живые.

Морана молчала. Её лицо было бледным, неподвижным, как маска.

— Но это не всё, — сказала я, глядя ей прямо в глаза. — Ты хочешь знать, что я ему ответила? Хочешь знать, что он сделал с моей защитой? Я расскажу, если ты сначала скажешь мне правду.

— О чём? — В её голосе появилась настороженность.

— О комнате тридцать три.

Морана дёрнулась, как от удара. Спина выпрямилась, глаза расширились, и она на мгновение примерзла к месту.

— Там никого нет, — сказала она, но голос её предательски дрогнул. — Я же говорила тебе. Там старая мебель. Мадам Кросс…

— Перестань врать, — перебила я. Голос мой прозвучал резче, чем хотела, но я не могла остановиться. — Я слышала голос, Морана. Я чувствовала чужую боль. Кто-то заперт в этой комнате, и этому кому-то очень плохо. Я хочу знать, кто это. И я хочу знать, почему ты врёшь мне в лицо.

Морана молчала. Долго. Так долго, что я уже решила, что она не ответит. Свеча догорала, и комнату заполнял полумрак, сгущая тени по углам.

А потом я увидела это.

Слёзы выступили у неё на ресницах, задрожали и покатились по щекам, оставляя мокрые дорожки. Она не всхлипывала. Смотрела на меня, и в её взгляде была такая боль, что я опустила глаза.

— Тот, кто за дверью… — сказала она, и голос её сорвался. — Ей уже нельзя помочь. И она ни в чём не нуждается, Ровена. Потому что её больше нет.

Я перестала дышать.

— Что значит — нет?

— То и значит. Когда дверь открылась в последний раз, оттуда вынесли тело. Это было три месяца назад. Но комната осталась запертой. И люди предпочитают делать вид, что не существует ни её, ни той, кто там жила.

— Кто она? — прошептала я.

Морана покачала головой.

— Не спрашивай. Ровена, пожалуйста, не спрашивай. Тебе нельзя туда соваться. Ты не поможешь мёртвым, а живые не простят тебе любопытства. Держись подальше от тридцать третьей комнаты. Обещай мне.

— Морана…

— Обещай! — Её голос сорвался на крик, и я впервые увидела в её глазах настоящий, животный страх. — Ты не знаешь этого места, Ровена. Ты не знаешь, на что они способны. Если ты сунешь нос туда, куда не следует, тебя ждёт та же участь, что и её. Или ещё хуже.

Она резко встала, вытерла слёзы тыльной стороной ладони и отошла к своей кровати.

— Ложись спать, — сказала она уже спокойнее, но в голосе всё ещё дрожала боль. — Завтра тяжёлый день. И держись подальше от этой двери. Забудь о ней.

Она легла, натянув одеяло до подбородка, и повернулась лицом к стене, давая понять, что разговор окончен.

Я осталась сидеть на своей кровати.

Дождь за окном усилился. Он сливался в однообразный шум, в котором тонули все мысли. Но одна — острая, как заноза, — не уходила.

«*Любые двери открываются, если подобрать верный ключ*».

Слова Эйнара, сказанные мне в зале, звучали в голове. Они возвращались снова и снова, и где-то внутри закипало глухое, опасное любопытство.

Я посмотрела на дверь нашей комнаты. За ней был коридор. А в конце коридора — тридцать третья комната. Запертая. Молчащая.

Морана сказала, что там никого нет. Что та, кто там жила, мертва.

Но я слышала голос. Я чувствовала боль. Та, кто там находилась, была жива. Магистр Теней прямо сказала, что телепаты контактируют только с живой материей.

Морана сказала правду. Но не до конца.

Свеча погасла, и комнату поглотила тьма. Я легла, но долго ещё лежала с открытыми глазами, глядя в потолок, и слушала, как дождь стучит по стеклу, как где-то далеко, в глубине Цитадели, скрипит дверь, которую не должны открывать.

Глава 6

Глава 5.

1

Я лежала на спине, уставившись в серый камень потолка, и знала, что не усну. Тело ныло от усталости — веки слипались, мышцы гудели, — но внутри, под рёбрами, сидело что-то живое и не давало провалиться в сон. Оно билось в такт сердцу, напоминая о себе глухой, настойчивой вибрацией.

Я перевернулась на бок, натянула одеяло до подбородка, закрыла глаза. Дыхание Мораны напротив было ровным и глубоким — она уснула сразу, едва голова коснулась подушки. Через минуту я открыла глаза снова. В комнате было темно, только из-под двери пробивался тусклый свет факелов из коридора. Тени на стенах дрожали, и я смотрела на них так долго, что они начали складываться в знакомые очертания.

Лицо Бриэль.

Рот, раскрытый в беззвучном крике. Кровь, стекающая по спине. Запах железа, который въелся в ноздри и остался там до сих пор — я чувствовала его, даже лёжа здесь, в чистой постели.

Я зажмурилась, пытаясь стряхнуть картинку, но вместо неё пришла другая.

Агнес на коленях. Ритм. Блеск слюны. Рука Эйнара у неё на затылке, пальцы, сжавшие светлые волосы. И мой собственный взгляд, прикованный к этой сцене — жадный, неотрывный, голодный.

Я снова открыла глаза, и в темноте надо мной, как отсвет на потолке, проступило его лицо. Ярко-зелёные глаза, ленивая усмешка, тёмные волосы, падающие на плечи. Он смотрел на меня сверху, и в его взгляде было то самое обещание — боль пополам с удовольствием, от которого внутри всё сжимается и разжимается одновременно.

Я сжала пальцы в кулаки, впиваясь ногтями в ладони, и попыталась выдохнуть. Не вышло. Воздух застревал где-то в горле, и приходилось глотать его маленькими, быстрыми глотками, будто я пила воду через узкое горлышко.

Я снова перевернулась — на спину, на бок, на живот, — и поняла, что тело не слушается. Стоило закрыть глаза, как под веками вспыхивали его руки на груди Агнес, и я чувствовала их на своей коже — воображаемые, чужие, болезненно-желанные.

Я ненавидела себя за это. Но правда была горче: я хотела, чтобы он вошёл прямо сейчас. Чтобы отодвинул засов, перешагнул через Морану и остановился у моей кровати. Я хотела, чтобы он доказал, что его слова — не пустая угроза, а обещание, которое он сдержит.

Я сжала бёдра так сильно, что заныли мышцы, и попыталась думать о другом. О побеге. О Кайле. О матери. О младших, которые остались без меня в сыром доме.

Но мысли текли мимо, как вода сквозь пальцы, оставляя в руках только одно — его голос. Он засел в голове, как заноза, и я не могла её вытащить.

Тогда я попробовала зацепиться за злость. Собрала остатки той ярости, что толкнула меня на пощёчину в коридоре, и раздула её, как угли в остывшем очаге. Ты никто. Ты сынок своего папаши. Ты мне противен. Я повторяла это про себя, слово за словом, пока они не превратились в мантру.

Но мантра не работала. Ярость остывала слишком быстро, оставляя после себя липкий, горячий осадок, который не смыть никакой злостью.

Я села на кровати и посмотрела в сторону двери. Свеча давно погасла, и комната утонула в сером сумраке. За окном моросил дождь, и его шум заполнял тишину, делая её почти осязаемой.

И тут я вспомнила.

Морана, сидящая напротив. Её лицо, бледное и неподвижное. Её слёзы. Её слова, оброненные с той интонацией, которая не терпит сомнений: «Та, кто за дверью… её больше нет. Когда дверь открылась в последний раз, оттуда вынесли тело».

Но я слышала.

Я слышала голос. Живой, полный боли, обращённый ко мне. Чужой страх, который толкнулся в мою грудь той ночью и не дал пройти мимо. Магистр Теней сказала на занятии: телепаты чувствуют только живое. Мёртвое не оставляет следа в эфире — ни мыслей, ни эмоций, ни крика.

Значит, то, что я слышала, было живым.

Морана сказала правду — но не всю. Она замолчала, когда я спросила, кто та за дверью, и смотрела сквозь меня, будто видела что-то, чего не хотела показывать.

Я свесила ноги с кровати. Босые ступни коснулись холодного каменного пола, и холод пополз вверх по щиколоткам, пробирая до костей. Я сидела так, глядя в темноту, и внутри поднималось глухое, опасное любопытство.

— Это не моё дело, — прошептала я в пустоту. — Я не должна туда соваться. Морана предупредила. Мадам Кросс предупредила. Правила предупреждают. Ты сама видела, что бывает с теми, кто нарушает правила.

Я попыталась лечь обратно, но тело не слушалось.

Потому что где-то глубоко, под слоем страха и здравого смысла, сидело другое чувство — настойчивое, голодное, не терпящее возражений. Я должна проверить. Своими руками, своими глазами. Убедиться, что мне не почудилось, что голос был настоящим, что за дверью — не пустота.

Я встала. Накинула тонкий халат, который забрала из сундука в первый день. Подошла к двери и прислушалась.

Тишина. Только дождь.

Я повернула ручку медленно, стараясь не шуметь. Дверь поддалась без звука. За ней был коридор — длинный, тёмный, подсвеченный редкими факелами. Метрах в двадцати, в самом конце, была она.

Комната тридцать три.

Я сделала шаг. Остановилась. Прислушалась к себе — и не услышала ничего, кроме стука собственного сердца, которое билось где-то в горле, перекрывая дыхание.

— Я только проверю, — сказала я себе. — Только дотронусь и уйду.

Сделала ещё шаг. И ещё.

Коридор тянулся, и я шла по нему босиком, чувствуя каждой клеткой, как стынет кожа, как воздух становится тяжелее с каждым метром. Где-то капала вода. Где-то скрипнула дверь. Я шла, и в голове снова и снова звучало одно и то же:

«Любые двери открываются, если подобрать верный ключ».

Я не знала, какой ключ подойдёт к этой двери. Но я знала, что если не проверю сейчас — никогда себе этого не прощу.

Я дошла до конца коридора и остановилась перед дверью с выбитым номером. Тридцать три.

Сердце колотилось так, что я слышала его в ушах.

Я протянула руку. Медленно, неуверенно, кончиками пальцев коснулась холодного металла. Прислушалась. За дверью была тишина — глубокая, давящая, как в могиле.

Но я знала: внутри есть кто-то. И я должна была найти способ войти.

2

Я стояла перед дверью с номером тридцать три и не чувствовала ничего.

Боли не было, страха тоже. Одна пустота, такая плотная, что её можно было резать ножом. Я прижалась лбом к холодному металлу, коснулась пальцами трещин в дереве — тишина. Ни единой мысли, ни тени эмоций. Только моё дыхание в этой пустоте.

Я позвала мысленно. Осторожно, как учат на практике: тонкий импульс, касание, без давления.

Ничего.

Я толкнула сильнее — веером, прощупывая пространство за дверью.

Пусто.

Я повторила попытку ещё два раза, меняя угол и глубину. Сначала ровный, спокойный зов, потом настойчивее — с именем, которого у меня не было, просто с образом «ты, кто там». Тишина. Ни следа, ни эха. Только глухая, мёртвая стена, уходящая в никуда.

Я отступила на шаг и выдохнула. Может, Морана права. Может, в ту ночь мне почудилось, а усталость и страх дорисовали остальное. Может, я просто хотела, чтобы за этой дверью была хоть какая-то жизнь, потому что вокруг одна смерть.

Я уже почти развернулась, чтобы уйти, когда это произошло.

Голос пришёл не как звук — как дрожь внутри черепа. Тонкий, слабый, надломленный, будто его обладательница лежала без сил и говорила сквозь вату.

«Пожалуйста… уйди».

Я замерла. Пальцы, уже отпустившие дверь, снова впились в металл.

— Ты жива, — сказала я вслух. Глупо, но голос не слушался. — Я знала. Кто ты? Что случилось? Я телепат, я хочу помочь.

Пауза. Тишина за дверью была живой — тяжёлой, колеблющейся.

«Пожалуйста. Не надо. Уходи. Они услышат».

Я прижалась щекой к щели между дверью и косяком и заговорила шёпотом, почти касаясь губами дерева.

— Кто они? Кто тебя здесь держит? Скажи мне, и я вернусь. Я найду способ открыть эту дверь.

Тишина. Долгая, неровная. Я уже решила, что она замолчала навсегда, когда голос вернулся — ещё слабее, чем прежде, но различимый.

«Лилиан. Я была Лилиан».

Её имя.

Я вслух повторила его, пробуя на вкус.

— Лилиан. Сколько ты здесь? Кто это сделал?

Голос дрогнул и поплыл.

«Я… я не знаю… я… я просто здесь и там…» — слова ломались, рвались, как нитки на старой ткани. Я чувствовала, как она напрягается, пытаясь вытолкнуть их наружу, с каждой секундой — слабее.

— Лилиан, постой, что значит здесь и там? Что ты хочешь сказать?

Тишина. Я стояла, затаив дыхание, и ждала. Секунда. Две. Три.

А потом связь оборвалась.

Резко, сухо, будто кто-то перерезал нить, по которой шёл голос. Я толкнулась мыслью в дверь — пустота. Я позвала по имени — ни ответа, только камень и тишина, будто говорила со стеной.

— Лилиан!

Ничего.

Я билась в дверь ещё несколько минут, пробуя все углы и частоты, которые знала. Глухо. Она ушла, или её заткнули, или она сама закрылась, — но доступа больше не было.

Я отступила от двери на шаг, потом на два, чувствуя, как холодеет спина. Руки тряслись.

Я медленно пошла обратно по коридору. Каждый шаг отдавался в висках, и я считала их, чтобы не сорваться на бег.

Когда дверь нашей комнаты закрылась за мной, я прислонилась спиной к стене и сползла на пол, глядя в тёмный потолок.

— Я знаю, что там кто-то есть, — сказала я в пустоту.

Я знала, что найду способ открыть эту дверь. И тогда, что бы ни ждало меня за ней, я сделаю то, зачем пришла — помогу ей.

3

Новый день в Цитадели как обычно начался с сирены, и я проснулась с чувством, будто не спала вовсе. Морана рядом уже натягивала форму, и я машинально повторила её движения, не думая о том, что делаю. Мысли были заняты другим — Лилиан, её голос, оборванная фраза, пустота после оборванной связи.

Морана несколько минут молча смотрела на меня, потом выскочила в коридор и через пару минут вернулась с кружкой в руках и протянула её мне.

— На, выпей. Отвар мадам Кросс. Говорят, от головной боли помогает, хотя на вкус как болотная жижа.

Я сделала глоток. Травяная горечь осела на корне языка, и я отставила кружку.

— Ведьмин корень, пустырник и полынь, — пояснила Морана, глядя на мою скривившуюся физиономию. — Если добавить мёд, можно пить. Вкус, правда, останется таким же противным.

Мы обменялись взглядами и вернулись к еде.

Первым занятием была «Теория ментальных барьеров» Магистра Вивьен. Я сидела на задней скамье и старательно смотрела в конспект, но перед глазами стоял не её учебник, а серая дверь с номером тридцать три.

— Ещё раз, — сказала Магистр Вивьен, прохаживаясь между рядами. — Барьер — это лабиринт. Стена рушится, лабиринт ведёт глубже. Вы не отгораживаетесь — вы уводите противника за собой.

Элис наклонилась ко мне:

— Я вчера пробовала заснуть — и вместо сна пять раз перестраивала лабиринт. Ты как?

— У меня пока одна стена, — призналась я. — И ту он сломал за секунду.

— Эйнар? — она произнесла это шёпотом, и я только кивнула.

— Знаю. — Она помолчала и добавила тише: — Мне Агнес сказала, что с ним даже не пробуют ставить блок. Просто открывают голову и ждут, когда он закончит.

— Умные, я смотрю. — Стало тошно, но я заставила себя улыбнуться.

На «Основах тёмной материи» Магистр Марвейн работал с чёрным шаром — тем самым, что я пробовала почувствовать в первый день. Я смотрела на него и вспоминала, как он сказал: «Тёмная материя — это не зло. Это энергия. Боль. Страх. Отчаяние. Всё это и есть ключи».

В перерыве Элис и Мира потащили меня во внутренний двор, подышать воздухом. Мы стояли у колодца, глядя на серое небо, и я слушала, как Элис рассказывала о своей семье, оставшейся на юге, а Мира держалась за локоть и молчала, задумчиво глядя в сторону крыла преподавателей.

— Как думаешь, — спросила вдруг Мира, — есть способ выбраться отсюда, не будучи проданной? Или это единственный выход?

— Всегда есть выход, — ответила я, понимая, что говорю это не столько ей, сколько себе.

После обеда началась «Ритуальная некромантия». Аудитория была в подвальном ярусе, пахла сырой землёй и чёрным воском. В центре зала стоял знакомый каменный стол, и Магистр Теней ждала нас, сложив руки на груди.

Сегодня она работала с остаточной энергией — с тем, что остаётся после смерти, если не успеть развеять или запечатать душу. Я сидела на корточках перед костяной чашей и смотрела, как дым над ней закручивается в спираль, сгущается и тает, не долетев до потолка.

— Смерть — это не конец, — говорила Магистр Теней, обходя учениц. — Это переход. Медиум слышит тех, кто ушёл. Некромант поднимает тех, кто ещё не ушёл. Телепат — он слышит только живых. Не потому, что он слабее, а потому, что его дар настроен на дыхание, а не на тишину.

Значит, Лилиан жива, а Морана соврала мне? Почему? Ответа у меня не было. Но чувствовала, что не успокоюсь, пока не узнаю.

Когда занятие окончилось и все начали расходиться, я, набравшись смелости, подошла к Магистру Теней.

— Позволите вопрос?

Она остановилась, чуть наклонив голову, и дала знак рукой продолжать.

— Вы говорите, что телепат не может устанавливать связь с умершим. Исключений не бывает?

— Нет. — Она сказала это без тени сомнения. — Телепатия работает с живой материей — с мыслью, эмоцией, намерением, которые существуют здесь и сейчас. Труп не мыслит. Призрак не чувствует. Телепат и некромант работают с разными слоями реальности. Их инструменты не пересекаются.

— А если человек не умер, а застрял между жизнью и смертью — тогда возможен контакт?

Магистр Теней помолчала. Её взгляд стал чуть тяжелее, точно она решала, стоит ли углубляться.

— Теоретически — да, — ответила она. — Если сознание живо, пусть даже заперто в теле, которое не отвечает, — телепат может его коснуться. Но я не слышала, чтобы в стенах Цитадели кто-то практиковал такое. И я бы на твоём месте не искала подтверждений сама.

— А можно ли запереть дверь магическим заклинанием? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — И если да, то можно ли подобрать к такой двери ключ с помощью телепатии? Я интересуюсь чисто теоретически, просто у нас в Кейрн-Холлоу был старый заброшенный дом, и дверь в него не открывалась ни одним ключом. И теперь я думаю, что эта дверь была запечатана магией, — соврала я, надеясь, что ложь звучит убедительно.

Магистр Теней посмотрела на меня дольше, чем в прошлый раз, будто взвешивая, сколько можно сказать.

— Телепатия не открывает замки. Она открывает сознания. Но если ты сможешь найти отпечаток того, кто накладывал заклинание, и воспроизвести его мысленный слепок — теоретически ты сможешь убедить замок, что ты его хозяин. Это сложная, опасная работа. Требует высокой концентрации и знания структуры заклинания.

Я хотела спросить ещё, но она уже повернулась к столу.

— Если тебе интересна тема магических замков — в библиотеке есть старые фолианты. В них ты найдёшь всё, что касается запирающих заклинаний и способов их обхода. Я бы посоветовала начать с раздела «Прикладная теория запечатывания» — он на нижней полке левого крыла.

Я поблагодарила и вышла из аудитории, чувствуя, как колотится сердце. Библиотека. Значит, мой следующий шаг — туда.

4

Библиотека Цитадели оказалась огромным залом с высокими сводами, где пахло пылью, старым пергаментом и сухими травами. Свет сюда проникал только через узкие стрельчатые окна под потолком, и даже днём здесь царил серый полумрак, который разгоняли лишь редкие магические огни в настенных подсвечниках.

Я пришла сюда сразу после некромантии, едва успев перекусить всухомятку. Внутри горело нетерпение, смешанное со страхом: если я не найду способ открыть дверь, Лилиан так и останется там — ни живая, ни мёртвая, теряющая себя.

За высокой конторкой у входа сидела мадам Элиан — так её звали в Цитадели. Женщина лет сорока двух, в тёмно-синем платье с высоким воротом, с седыми волосами, зачёсанными в тугой пучок. Пока я шла от двери, она переложила стопку книг, что-то записала в журнал и поправила круглые очки, и деревянные чётки на её поясе постукивали в такт движениям, ровно и негромко. Головы она не подняла, пока я не остановилась у конторки.

Тогда она посмотрела на меня поверх очков: серые глаза, спокойные, без любопытства, тонкие поджатые губы. Так смотрят на человека, от которого ждут, чтобы он назвал своё дело и не задерживался дольше нужного.

— Добрый вечер, — сказала я, стараясь говорить ровно. — Меня зовут Ровена, я ученица с третьего яруса. Магистр Теней направила меня в библиотеку для подготовки реферата по теме магических запечатываний и способов их обхода. Не могли бы вы подсказать, с чего начать поиск?

Она не ответила сразу. Её взгляд задержался на мне, будто она решала, стоит ли верить моим словам.

— Раздел «Прикладная теория запечатывания» в левом крыле, на нижней полке, — ответила она ровным, чуть хрипловатым голосом. — Там ты найдёшь базовые труды по структуре замков и принципам их работы. Если понадобится что-то более специфическое — обращайся.

— Благодарю вас, — кивнула я и направилась к нужному стеллажу.

Первые два часа я методично обходила ряды, сверяясь с её подсказкой. Но книги, которые я находила на нижней полке, были посвящены тому, как создавать магические замки, — их истории, классификации, принципам действия. О том, как их открывать, не говорилось ни слова. Я перебирала фолиант за фолиантом, вглядываясь в выцветшие чернила, пытаясь уловить хоть намёк на обратный процесс.

Я уже хотела снова подойти к мадам Элиан, но постеснялась признаться, что ничего не нашла — решила, что она заподозрит неладное, если я слишком настойчиво интересуюсь не просто теорией, а именно взломом. Лучше покажусь усердной ученицей и поищу сама ещё немного.

К третьему часу глаза начали слезиться, а в висках застучала боль. Я сидела на корточках у самого дальнего стеллажа, почти в полной темноте, и перелистывала страницы очередного трактата о защитных контурах, когда почувствовала, что ещё немного — и я просто усну здесь, уткнувшись лицом в пыльный переплёт.

— Последняя попытка, — сказала я вслух, хотя рядом никого не было. — Если сейчас ничего не найду — вернусь завтра.

Я поднялась, разминая затекшие ноги, и побрела вдоль ряда, почти наугад, просто чтобы успокоить совесть. Взгляд скользил по корешкам, не задерживаясь, пока я не остановилась у самого верхнего яруса, куда можно было дотянуться только встав на цыпочки. Там, втиснутый между двумя одинаковыми томами в потёртой коже, стоял тонкий том.

Книга была тёмной, почти чёрной, с выцветшим золотым тиснением на корешке. Я потянулась к ней, и в тот момент, когда мои пальцы коснулись переплёта, она соскользнула с полки, ударила меня по плечу и с грохотом упала на каменный пол.

Я чертыхнулась, потирая ушиб, и нагнулась, чтобы поднять её. На обложке, выведенное старинным шрифтом, читалось название: «Clavium et Animae: О ключах и душах. Записки мастера-запечатника».

Я открыла книгу наугад — и едва не рассмеялась вслух от неожиданности. Фолиант раскрылся ровно на той странице, где начинался раздел «О способах снятия чужого запечатывания без разрушения контура».

Я присела прямо там, на пол, и принялась читать, водя пальцем по строчкам. Чем дальше, тем сильнее колотилось сердце.

Способ, описанный в книге, назывался «Ментальная отмычка». Он требовал от телепата трёх вещей: концентрации, физического контакта с замком и точного знания, как выглядит «слепок» сознания того, кто накладывал заклинание.

«Мастер-запечатник, — говорилось в книге, — оставляет в каждом замке частицу своей воли — отпечаток, который держит створки закрытыми. Достаточно найти этот отпечаток, коснуться его собственным разумом и временно подделать чужой мысленный „почерк“, чтобы замок „узнал“ в вас хозяина и открылся».

Я перечитала абзац три раза, вбивая каждое слово в память.

— Найти отпечаток. Подделать почерк. Убедить замок, что я — это он.

Я закрыла книгу и прижала её к груди, чувствуя, как под пальцами теплеет старая кожа. Теперь у меня был не просто план. У меня был ключ.

Я подошла к мадам Элиан, поблагодарила её за помощь и сказала, что нашла подходящий источник для реферата. Она лишь кивнула, не проявив лишнего интереса, и я выскользнула за дверь, чувствуя, как найденный способ жжёт руки.

В голове уже выстраивался вечерний маршрут: дождаться, пока коридоры опустеют, встать перед дверью с номером тридцать три, приложить ладони к холодному металлу и попробовать.

Всё остальное решится после.

5

Я вылетела из библиотеки, прижимая фолиант к себе, и почти бегом направилась к лестнице. Книга грела руки через потёртую кожу переплёта — внутри неё лежал ответ, который я искала, и я хотела как можно скорее добраться до своей комнаты, чтобы перечитать раздел ещё раз, пока не вызубрю наизусть.

Я неслась не глядя по сторонам и на повороте в коридор врезалась в него.

Удар был глухим, коротким — я налетела грудью на твёрдую, горячую стену его тела, и книга выскользнула из рук и шлёпнулась на каменный пол. Я отшатнулась, поднимая голову, и увидела знакомые зелёные глаза, смотрящие на меня сверху вниз с ленивым, сытым интересом.

Эйнар.

Он стоял, расставив ноги, заложив руки в карманы брюк, и на его губах расплылась усмешка. Чёрная рубашка была расстёгнута на две пуговицы, открывая шею и ключицы, и от него пахло дымом, кожей и чем-то пряным, тяжёлым.

— Рыжая, — протянул он с явным удовольствием. — Я уже начал думать, что ты меня избегаешь.

Я отступила на шаг и попыталась обойти его, но он плавно переместился, перекрывая дорогу.

— Пропусти.

— Пока что не хочу. — Он наклонил голову, изучая меня взглядом, от которого по коже шли мурашки. — Ты что-то уронила.

Он медленно, не отрывая от меня взгляда, нагнулся и поднял книгу. Провёл пальцами по корешку, прочитал название вслух, смакуя каждый слог:

— «Clavium et Animae». Серьёзная литература для девочки, которая должна готовиться к продаже. Ищешь способ открыть то, что заперто?

Я выхватила книгу у него из рук и прижала к себе так, будто она могла защитить меня от его взгляда.

— Реферат. Магистр Теней задала.

— Реферат, — повторил он, и в голосе его звучала такая густая, издевательская нежность, что мне захотелось ударить его. — Ну конечно. А то, что ты вчера ночью стояла под дверью тридцать третьей комнаты, — это тоже часть реферата?

Я замерла. Он знал. Он всё знал.

— Следил за мной?

— Не нужно следить, рыжая. Ты оставляешь следы, как улитка — слизь. Я чувствую твоё любопытство за три коридора.

Он шагнул вперёд, сокращая расстояние между нами до одного короткого вдоха. Я попятилась, упёрлась спиной в стену, и он навис надо мной, поставив руки по обе стороны от моей головы.

— Ты думаешь, я позволю тебе совать нос в дела, которые тебя не касаются?

— А ты думаешь, я буду стоять и слушать, что ты мне позволишь, а что нет?

Он усмехнулся, и от этого у меня внутри всё сжалось.

— Любишь рычать. Мне нравится. Но рычанием ты ничего не решишь.

— Пусти меня, Эйнар. — Я положила ладони ему на грудь, пытаясь оттолкнуть, но он даже не качнулся.

— Не пущу.

— Пусти.

— Нет. Ты думаешь, я дам тебе сбежать?

— Если ты сейчас же не отойдёшь, я закричу.

— Обязательно закричишь. — Он наклонился почти вплотную, так, что его дыхание касалось моего рта. — Сначала от боли. Потом от удовольствия. Потом и от того и от другого.

Я сжала зубы до скрипа.

— Если ты думаешь, что я позволю тебе уйти просто так, — он провёл пальцем по моей скуле, медленно, собственнически, — ты ошибаешься.

— Отойди.

— Нет.

Я ударила его по лицу. Хлёстко, звонко. Ладонь обожгло.

Он моргнул. Облизнул губу. Посмотрел на меня потемневшими глазами, и на миг мне показалось, что сейчас он меня ударит.

— Зря. — Голос его стал ниже, почти на октаву. — Зря ты это сделала. Теперь придётся тебя наказать.

И он набросился на мой рот, как зверь.

Поцелуй был жёстким, даже жестоким — никакой нежности, никакой попытки угадать мои желания. Он просто взял, вдавил меня в стену своим телом и впился в губы, кусая и засасывая, не давая ни секунды передышки. Я упёрлась руками ему в плечи, пытаясь оттолкнуть, но он даже не заметил — его торс казался каменным, а мои ладони только скользили по мышцам, напряжённым под рубашкой.

Я царапнула его по шее, оставляя красные полосы от ногтей. Он перехватил мои запястья одной рукой и завёл их над головой, пришпиливая к стене. Движение было резким, до хруста, и я взвизгнула от боли.

— Тише, — выдохнул он мне в губы, и язык его, горячий и настойчивый, снова ворвался в мой рот.

Я стискивала зубы, пытаясь не пускать его, но он сжимал мою челюсть пальцами, заставляя разжать зубы, и я почувствовала вкус вина на его слюне — терпкий, душный, чужой.

Я застонала — не от боли, а от унижения. Потому что моё тело, вопреки воле, начинало поддаваться. Колени слабели, внизу живота разливалось горячее, тянущее тепло, и я чувствовала, как между ног становится влажно — предательски, постыдно влажно. Соски затвердели и тёрлись о нижнее бельё, посылая искры в живот.

Он почувствовал это.

— Вот, — выдохнул он, вжимаясь бёдрами мне в живот, чтобы и я ощутила твёрдость его члена через одежду. — Вот она, настоящая Ровена. Та, которая хочет, чтобы её взяли силой, потому что боится признаться, что хочет этого сама.

— Заткнись, — прохрипела я, но голос мой сорвался.

Он засмеялся, не разжимая губ.

— Я думал о тебе весь день. Как ты стояла в зале, сжимая подол, и смотрела на Бриэль так, будто каждый удар приходился по твоей спине. Я знаю, что ты чувствовала. Я был в твоей голове. Не только страх. Не только отвращение.

— Ты лжёшь.

— Я никогда не лгу. Я просто говорю то, что другие боятся сказать.

Он перехватил мои руки одной рукой, свободной ладонью толкнул меня в бок, разворачивая, и потащил к столу, стоящему у стены. Я упиралась пятками, цеплялась за ручку двери, но он оторвал меня и, почти не напрягаясь, усадил на столешницу.

Дерево было холодным, и я вздрогнула, когда ягодицы коснулись гладкой поверхности. Он раздвинул мои колени — резко, болезненно, и втиснулся между ними, упёршись бёдрами в край стола.

— Не надо, — сказала я, но голос мой прозвучал как комариный писк, и он проигнорировал его.

Он снова поцеловал меня — на этот раз медленнее, глубже, изучая языком нёбо и зубы, будто запоминал мой рот на вкус. Я пыталась отвернуться, но он держал мой подбородок пальцами, не давая двинуться, и я подчинилась.

Его рука скользнула вниз, по шее, по ключице, к груди. Ткань платья натянулась, и он сжал мою грудь — жёстко, собственнически, сминая плоть так, что я вскрикнула ему в рот. Он не ослабил хватку. Наоборот, сжал сильнее, почти до боли, и я выгнулась, пытаясь сбросить его руку, но он только приблизил лицо к моему уху и прошептал, обжигая дыханием кожу:

— Тише, девочка. Ты знаешь, что это тебе нравится.

— Нет, — выдохнула я, но сама не поверила.

Его пальцы нашли сосок сквозь ткань и сжали его, проворачивая, — грубо, на грани боли, и я закусила губу, чтобы не застонать. Когда он сжал второй, так же сильно, я дёрнулась всем телом, и из горла вырвался короткий, сдавленный звук.

— Мокрая уже? — спросил он, скатываясь губами к моей шее и втягивая кожу, оставляя засос на самом видном месте. — Я чувствую запах твоего возбуждения.

— Пошёл ты.

— Обязательно. Но сначала — я хочу убедиться, что моя собственность в хорошем состоянии.

Он задрал подол платья выше колен, оголяя бёдра. Холодный воздух ударил по разгорячённой коже, и меня бросило в дрожь. Он провёл ладонью по внутренней стороне бедра, и от его прикосновения по коже бежали мурашки, собираясь там, где было жарче всего.

— Шире, — приказал он, раздвигая мои ноги коленом, и я подчинилась, потому что та часть меня, которая хотела сопротивляться, вдруг уснула.

Он нашёл рукой промежность. Ткань трусиков, тонкая и влажная, натянулась под его пальцами. Он надавил по центру, и я дёрнулась, чувствуя, как его палец скользит по складке, нащупывая клитор через мокрую материю.

— О, — протянул он, наклоняясь, чтобы лучше видеть моё лицо. — А ты действительно хочешь этого. Я чувствую, как бьётся твой пульс. Вся дрожишь.

Да, я хотела. Я хотела его так сильно, что это было почти физической болью. Но я ненавидела себя за это. Я ненавидела его за то, что он увидел это раньше, чем я успела спрятаться.

— Отпусти меня, — выдавила я, но голос мой звучал не как просьба, а как последний рубеж обороны, который я возводила из слов.

— Нет.

Он надавил сильнее, и я почувствовала, как его палец прорисовывает контур моего клитора, нажимает и отпускает, заставляя меня выгибаться на столе, ища его руку бёдрами. Я стиснула зубы, глядя в потолок, но дыхание срывалось на стоны, короткие, частые, которые я пыталась задавить, но они вырывались всё равно, смешиваясь с его тихим, довольным смехом.

Он оттянул край трусов в сторону, оголяя влажные складки, и я почувствовала, как прохладный воздух коснулся самого чувствительного места.

— Посмотри на меня, — приказал он, и я, против воли, подчинилась.

Он стоял между моих ног, глядя в глаза, и медленно провёл кончиком пальца по всей длине моей щели, снизу вверх, останавливаясь на клиторе. Круг за кругом, ровно и не ускоряясь, он вырисовывал на нём узор, пока низ живота не сжался в тугой узел, и я не застонала в голос, уже не пытаясь сдерживаться.

— Вот так, — сказал он, и голос его сел до почти ласкового шёпота. — Когда ты перестаёшь притворяться, ты становишься такой красивой.

Он наклонился и прикусил мочку уха, дёрнув её зубами, и от этого я вздрогнула.

— Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя прямо здесь?

— Нет, — ответила я, и сама не знала, вру я или нет.

— Врёшь. — Он провёл пальцем по моим губам и тут же погрузил его в мой рот, давая попробовать собственный вкус. — Чувствуешь? Это ты. Я хочу, чтобы ты запомнила этот вкус, когда будешь лежать одна ночью.

Я лизнула его палец, сама не зная, зачем я это делаю — потому что он приказал или потому что сама хотела. Он усмехнулся и перехватил мои бёдра, широко разводя их в стороны, и я почувствовала, как головка его члена через ткань брюк упирается в мою разгорячённую плоть, разделённую лишь тонким слоем трусиков.

— Ты ещё можешь сказать «нет», — прошептал он мне в губы, глядя прямо в глаза. — Скажи — и я остановлюсь. Но если не скажешь — я возьму тебя прямо здесь.

Я смотрела в его глаза, видела своё отражение в зрачках, чувствовала, как его руки сжимают мои бёдра, и понимала, что не скажу «нет» не потому, что боюсь, а потому, что хочу этого. Хочу, чтобы он взял меня, грубо и жадно, и чтобы после этого между нами не осталось ничего, кроме этого голого, животного желания.

Я разжала пальцы, которые всё ещё сжимали край стола, и потянулась к нему, когда за моей спиной раздался резкий, визгливый голос:

— А ну стоять! Что здесь происходит?!

Я вздрогнула, обернулась, и в дверях, ведущих в рекреацию, увидела Магистра Гримма. Он стоял, сжав кулаки, и его бельмо неприятно блестело в свете ламп. За спиной у него маячила пара учениц, которые замерли, разинув рты.

б

Магистр Гримм стоял в дверях, раздуваясь от возмущения, и его бельмо поблёскивало в тусклом свете коридора. Обе ученицы по-прежнему стояли за его спиной, я видела их серые платья, но лица расплывались в полумраке.

— Разврат! — взвизгнул он, тыча в меня пальцем. — В стенах Цитадели! Прямо в коридоре! Вы хоть понимаете, что это нарушение всех уставов?! А ну марш оба к директору!

Я машинально попятилась, и щёки залило алым от унижения. Гримм перевёл на меня взгляд, сальный, тяжёлый, и я ощутила, как он раздевает меня глазами.

— Ты, — процедил он, и в голосе его дрожала не столько злость, сколько подавленная похоть. — Соблазняешь сына директора школы? Думаешь, он заступится за тебя, когда тебя

выставят на аукцион? Думаешь, он тебя купит? Да ты просто дешёвая шлюха, которую любой может взять.

Слова Гримма били не больно, а грязно — как мокрой тряпкой по лицу. Я стиснула зубы и опустила глаза, потому что смотреть на него было невыносимо.

— Магистр Гримм, — раздался вдруг спокойный, ровный голос Эйнара. — Вы закончили?

Гримм дёрнулся, будто его огрели плетью, но повернулся к Эйнару с выражением напускной строгости.

— Я требую, чтобы эта девчонка была наказана! Она развращает учениц и порочит честь заведения!

— Она не развращает, — ответил Эйнар, и в его голосе проступила скука. — Она делает то, что я ей приказываю. А если вам кажется, что вы можете вмешиваться в мои дела, — он сделал паузу и посмотрел на Гримма с высоты своего роста, — вы ошибаетесь.

Гримм поперхнулся, закашлялся и попытался возразить, но Эйнар уже повернулся к ученицам, стоящим за спиной Гримма. Я не видела его лица, когда он смотрел на них, но через секунду обе девушки моргнули, развернулись и молча ушли в разные стороны, не оглядываясь.

Гримм проводил их взглядом и побледнел.

— Вы не имеете права приказывать моим ученицам!

— Имею, — спокойно ответил Эйнар. — И они уже забыли то, что видели. Вопрос в том, насколько долго будете помнить вы.

Он шагнул к Гримму, и тот отступил, уткнувшись спиной в дверной косяк. Я видела, как дрогнули уголки его губ, как он сглотнул и часто заморгал.

— Вы будете молчать, — сказал Эйнар, и голос его стал тихим, почти ласковым. — Потому что если вы скажете хоть слово моему отцу, я сделаю так, что вы пожалеете, что вообще родились на свет. Мне не нужно объяснять, как именно. Достаточно того, что вы знаете — я умею держать слово.

Гримм кивнул и перевёл взгляд на меня.

Страх перед Эйнаром не убил в нём ту мерзкую, жадную тягу, с которой он смотрел на меня. Он продолжал скользить взглядом по моему телу, по ногам, по груди, облизывая губы, и я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

— Идите, — бросил Эйнар Гримму, даже не глядя на него, и тот, пятясь, исчез в коридоре.

Я осталась стоять, прижимая книгу к себе. Эйнар повернулся ко мне, и в его глазах танцевали ироничные искры, которые я начинала ненавидеть больше всего.

— Вали отсюда, — сказал он, и я выдохнула, думая, что всё кончилось.

Я шагнула в сторону лестницы, но не успела сделать и трёх шагов, как в моей голове раздался его голос — насмешливый, липкий, как тот взгляд, от которого я только что сбежала:

«И всё-таки, рыжая… у тебя появился поклонник. Старикашка с бельмом, похоже, воспылал к тебе такой страстью, что готов рискнуть карьерой. Ты польщена?»

Я остановилась на лестнице, вцепившись в перила побелевшими пальцами. Ответить ему я не могла — не хотела тратить на него ни слова. Я просто сжала кулаки и пошла дальше, чувствуя, как закипает внутри глухая, тяжёлая ярость. И унижение, от которого не отмыться.

И тогда, на середине лестницы, когда вокруг никого не было, я позволила себе вспомнить. Всё.

Он поцеловал меня — грубо, жадно, и этот поцелуй не был нежным, не то что поцелуи Кайла. Язык, ворвавшийся в мой рот, металлический привкус слюны, смешанный с вином, его зубы, прикусывающие мою нижнюю губу, — я чувствовала это всё снова, и под языком собиралась слюна, а в груди колотился пульс, который не замедлялся.

Его рука на моей груди. Пальцы, сжавшие сосок сквозь ткань и проворачивающие его так сильно, что я выгнулась — не от боли, а от того, как боль перетекала в удовольствие. Он не спрашивал. Он просто брал, сминал, выкручивал, и моё тело, вместо того чтобы окаменеть от отвращения, таяло, как воск, под его ладонью. Я помнила, как закусила губу, чтобы не застонать, и как стон всё равно вырвался — короткий, влажный, сдавленный. И он услышал. И улыбнулся.

А потом его рука скользнула ниже — по животу, под подол, к тому месту, где ткань трусиков уже набухла от влаги. Я помнила, как он надавил ладонью на промежность через бельё, и от этого давления у меня подогнулись колени. Он водил пальцами по складке, нащупывая клитор, и я кусала губы до крови, но тело само подавалось бёдрами навстречу его руке, ища большего давления, большего трения.

Я помнила, как он раздвинул мои ноги коленом, широко, почти до боли, и встал между ними. Через ткань его брюк я чувствовала его член — твёрдый, горячий, упирающийся мне в бедро, и между ним и моей кожей было только тонкое бельё. Я знала, что если он сдвинет трусы в сторону — он войдёт. Я знала, потому что была мокрой настолько, что влага уже выступила на внутренней стороне бёдер. И я хотела этого. Я сидела на столе, и низ живота сводило спазмами впустую, и я хотела, чтобы он заполнил меня, грубо и глубоко, без подготовки, без прелюдии.

Я сама потянулась к нему — и в тот момент перестала врать себе. Я хотела, чтобы он трахнул меня, даже если после этого я возненавижу себя ещё сильнее. Я хотела чувствовать, как он входит, как растягивает стенки, как наполняет. Я хотела кончить от его толчков, и чтобы он при этом шептал мне в ухо грязные слова, которые потом будут жечь меня изнутри.

А потом появился Гримм. Его визгливый голос оборвал всё, и когда я сползала со стола, поправляя платье, ткань неприятно липла к влажной коже, и пульсация между ног не затихала, а становилась только сильнее от унижения.

Хуже всего было то, что Гримм смотрел на меня так же, как Эйнар, — как на вещь. Но Эйнар хотя бы не скрывал, что он хищник. Гримм же пожирал меня глазами, прячась за маской возмущения, и я видела, как он облизывается, глядя на мои ноги. И я знала, что если бы Эйнара не было рядом, он бы не стал кричать — он бы попробовал воспользоваться ситуацией.

Я влетела в свою комнату, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной. Колени дрожали.

И знала, что если бы он сейчас вошёл за мной, я бы не стала ждать, пока он меня тронет. Я бы встала на колени сама. И закрыла глаза. Потому что этот страх и это желание — они уже стали мной.

7

Я дождалась, пока часы в главном коридоре пробили одиннадцать, и мадам Кросс обошла этаж в последний раз. Шаги затихли, ключи звякнули где-то в дальнем конце этажа, и Цитадель погрузилась в ту тяжёлую, вязкую тишину, которая бывает только глубокой ночью.

Морана спала, повернувшись лицом к стене, и дышала ровно, не просыпаясь. Я встала, сунула ноги в холодные туфли, накинула тот же тёмный халат, что и в прошлый раз, и выскользнула за дверь, стараясь, чтобы замок щёлкнул как можно тише.

В коридоре горели только дежурные огни — тусклые магические шары в настенных креплениях, — и я двигалась вдоль стены, сливаясь с тенями. Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах, когда я проходила мимо комнат других учениц, но никто не вышел, ни одна дверь не скрипнула.

Когда я добралась до тридцать третьей, я остановилась и прислушалась.

Ничего. Только пустота, ни мысли, ни отзвука боли. Я толкнулась мыслью в дверь, попробовала позвать Лилиан по имени — тишина. Камень и холод, как будто за этой дверью никогда ничего не было.

Я перевела дыхание и вытащила книгу из складок халата. «Clavium et Animae» лежала в руках тяжёлой, тёплой, и я раскрыла её на нужной странице. Я водила пальцами по строкам и проговаривала про себя каждый шаг ритуала: «Найти отпечаток. Коснуться его разумом. Подделать мысленный почерк мастера».

Я прижала ладони к холодному металлу двери и закрыла глаза. Дышать ровно, расслабить мозг, растопырить сознание паутиной, искать малейшее сопротивление — так учила Магистр Вивьен. Я поплыла сквозь тёплую пустоту, как сквозь густую воду, пока не нащупала какой-то шов — тонкую трещину в магическом монолите.

Я потянулась туда, и через секунду меня словно затянуло внутрь.

Я наткнулась на неё — не на след заклинания, а на сознание. Лилиан. Она была не за дверью — она была внутри замка. Её разум, истончённый, почти стёртый, вплели в структуру заклинания, сделав живым ключом, удерживающим створку закрытой. Она не просто была заперта в комнате — она и была замком. И её воля держала дверь запечатанной.

Меня захлестнула волна отчаяния и слабости — истаивание, почти безмолвное, как у свечи, из которой вышел весь воздух.

— Лилиан, — прошептала я, прикасаясь пальцами к её образу в магии. — Я здесь. Я знаю, что ты внутри.

Ответа не было. Только тонкая, почти неслышная вибрация, как струна, которая вот-вот лопнет.

Я вынырнула наружу и открыла глаза. Руки дрожали. Теперь я знала, что делать — нужно было не просто подделать отпечаток того, кто накладывал заклинание. Нужно было аккуратно выдернуть сознание Лилиан из этой ловушки, разорвать петлю и заставить замок открыться, не повредив её.

Я начала, методично раскручивая нити одну за другой. Со лба стекал пот, мышцы спины затекли от напряжения. В какой-то момент я почти потеряла концентрацию — ноги онемели, и я присела прямо на пол, прислонившись спиной к холодной стене, переводя дух.

— Давай, — прошептала я себе. — Ты можешь.

Я снова встала и прижалась лбом к металлу. Ещё круг, ещё узел. С каждым распутанным витком магия рассеивалась, и замок вздыхал свободнее — как человек, с которого сняли удавку. Я перешла к самой сердцевине, к тому, что удерживало Лилиан на месте. Здесь пришлось работать особенно аккуратно и медленно, чтобы не оборвать её тонкую нить окончательно.

И в какой-то момент замок щёлкнул.

Я отдёрнула руки. Дрожь прошла по всему телу. Дверь медленно, со старческим скрипом, приоткрылась внутрь. Я стояла перед ней, держась за косяк, и из комнаты пахнуло сыростью и холодом — как из склепа.

Секунду я колебалась, готовая отступить и закрыть дверь обратно. Но знала: если отступлю сейчас, уже никогда не решусь вернуться.

Я шагнула в темноту.

8

Дверь мягко затворилась за моей спиной.

В комнате было тихо — так тихо, что я слышала только собственное дыхание и стук сердца, отдающийся в висках. Воздух стоял тяжёлый, неподвижный, пахнущий пылью, сыростью и чем-то ещё — сладковатым, приторным, от чего слегка кружилась голова. Света не было никакого — ни факелов, ни магических огней, ни лампады. Только мрак, плотный как слой ваты.

Я сделала шаг, второй, третий, выставив руки перед собой, чтобы не наткнуться на стену. Пальцы скользили по пустоте, не встречая препятствий. В комнате не было мебели — ни кро-

вати, ни стола, ни стула, ни даже тюфяка на полу. Только каменные стены, пол и потолок — голая коробка, сложенная из тёсаного камня.

Глаза начали привыкать. Я различила очертания дальней стены, потом влажное пятно на потолке, потом…

Я застыла.

В правом углу, там, где стены сходились, образуя тень гуще, чем в остальной комнате, сидела фигура. Она не двигалась, не издавала ни звука, и я не сразу поняла, что это человек.

Я шагнула ближе, и из темноты начало проступать лицо.

Девушка. Ровесница, может, на год младше. Длинные рыжие волосы, того же оттенка, что у меня, той же длины, падали на лицо спутанными прядями и лежали на плечах. Черты тонкие, почти прозрачные; кожа отливала бледностью, и под ней угадывался зеленоватый подтон — нездоровый, неживой. Под грязной рубахой проступали рёбра, ключицы торчали острыми краями.

От правого запястья к стене тянулась цепь — тяжёлая, ржавая, прикованная к кольцу, вбитому в каменную кладку. Девушка сидела на полу, скрестив ноги, и её руки лежали на коленях, скованные металлом; цепь провисала между ними и стеной.

Я смотрела на неё, и внутри поднимался холод. Глаза у неё были открыты, светлые и прозрачные, но смотрели сквозь меня, мимо, внутрь себя. Она была похожа на меня — не чертами, а чем-то другим. Тем, как держала голову. Тем, как падали волосы. Тем, как эти пустые глаза не видели меня, пока я медленно подходила.

Она заговорила первой. Голос был сухим, шуршащим, как лист пергамента, сложенный в несколько раз.

— Зачем ты пришла?

Я сглотнула. Горло пересохло, и я ответила:

— Я услышала тебя. Ты звала. Я пришла помочь.

Девушка медленно покачала головой, и в её голосе проступила странная, пустая интонация, будто она говорила сама с собой, а не со мной.

— Нет. Я никого не звала. Ты ошиблась. И помочь мне нельзя.

Я шагнула ближе, опускаясь на корточки рядом с ней. Мой голос дрогнул:

— Лилиан, я телепат. Я хочу вытащить тебя отсюда. Я открыла дверь.

Девушка подняла на меня взгляд — впервые за весь разговор. Её глаза, светлые, почти прозрачные, смотрели с неожиданной ясностью.

— Открыла дверь… — повторила она. — Зачем? Разве ты не знаешь, что запертое должно оставаться запертым? Здесь нет ничего, что можно спасти.

— Лилиан, — сказала я, протягивая руку к её запястью. — Позволь мне помочь тебе.

Мои пальцы коснулись её кисти, холодной и хрупкой, как птичья кость.

И в этот миг её лицо изменилось.

Кожа пошла морщинами, будто под ней что-то двигалось, вздувая плоть изнутри. Черты исказились, сместились — глаза расширились и выцвели до белесого оттенка, рот раскрылся шире, чем позволяла человеческая челюсть, обнажая дёсны и зубы, которые заострились на глазах. Тело, секунду назад казавшееся почти бесплотным, вдруг налилось чужой, неестественной силой. Она рванулась вперёд, и цепь лязгнула, натянувшись до предела.

Я не успела отшатнуться.

Её пальцы — ледяные, неестественно твёрдые — сомкнулись на моём горле. Хватка была мгновенной и безжалостной. Воздух перекрыло, и в глазах потемнело. Я вцепилась ногтями в её запястья, пытаясь разжать хватку, но её пальцы казались железными. Она не дышала. Она не моргала. Она смотрела на меня пустыми глазами, и мне показалось, что там уже никого не осталось — только голый инстинкт, который сработал, когда я пересекла черту.

— Глупая, — прошелестел её голос, искажённый, будто шёл сразу с нескольких сторон. — Тебя предупреждали.

В ушах зазвенело. Сознание начало меркнуть. Я хватала ртом воздух, но лёгкие не наполнялись. У меня не осталось даже сил, чтобы бороться — только глухая пульсация боли в сдавленной шее. Краски темнели, и я почти уже провалилась в тёмную яму, когда за моей спиной, из коридора, раздался голос.

— Локхарт.

Голос был резким, твёрдым, произносящим слово на языке, которого я не знала — гортанные, рубленые звуки, звучащие приказом, как щелчок кнута. Я узнала его. Эйнар.

В тот же миг пальцы на моей шее разжались. Цепь звякнула, девушка обмякла и осела на пол, закрыв глаза, и комната погрузилась в ту же мёртвую тишину, что встречала меня на пороге. Я упала на колени и закашлялась, чувствуя, как горло саднит от удушья.

— Ты большая идиотка, — сказал Эйнар, входя в тусклый свет, падающий из проёма. — Ты решила, что если найдёшь в книге инструкцию, то сможешь её применить без подготовки? Ты хоть понимаешь, что она такое? — Он кивнул в сторону неподвижного тела. — У неё нет ни воли, ни рассудка. Пока дверь заперта — она спит. Как только срабатывает замок — она просыпается и убивает всё, что движется.

— Кто она? — прохрипела я. — Что с ней случилось?

— А разве крыска не рассказала тебе? — усмехнулся он в своей привычной, язвительной манере, но мне показалось, что перед этим в его глазах что-то промелькнуло. Не веселье, точно. — Спроси у неё, если, конечно, после того, что ты натворила, у тебя будет такая возможность.

— Откуда ты знал, что я приду сюда? У тебя что, метка на мне?

— Зачем ставить маячок, если я могу просто читать твои мысли?

Я молчала, глядя в пол. В горле всё ещё саднило, перед глазами плавали круги, и я чувствовала себя полной дурой — не потому, что меня чуть не убили, а потому, что он оказался прав. Я не продумала план дальше первой страницы.

— Зачем ты спас меня? — выдавила я. — Мог бы дать ей доделать начатое.

— А веселье? — усмехнулся он.

Я поднялась на ноги. Колени подкашивались. Эйнар стоял в дверях, загораживая выход, и я поняла, что ловушка захлопнулась.

— Ты нарушила первое правило Цитадели, Ровена. — Он произнёс это с расстановкой, как зачитывает приговор судья. — Статья первая: любое магическое воздействие вне занятий, без присутствия преподавателя — наказывается двадцатью ударами плетью с последующей продажей на ближайшем аукционе. Цена снижается, если товар не девственница. А ты использовала телепатию, чтобы вскрыть магический замок. Украла книгу из библиотеки. Это серьёзно.

Я смотрела в его глаза. Он стоял надо мной, улыбаясь, и говорил так спокойно, будто уже всё решил.

— У тебя есть одна ночь, — сказал он тихо, глядя мне в глаза. — Завтра утром я доложу отцу. Если только… — Он сделал паузу, и его улыбка стала шире. — Если только мы не договоримся.

Глава 7

Глава 6

1

— За мной.

Голос Эйнара прозвучал коротко, как щелчок затвора, и не терпел возражений. Я стояла, прижимая книгу к груди, и чувствовала, как саднит шея после её хватки. Комната тридцать три осталась за спиной, дверь была открыта, и из коридора тянуло сквозняком.

Он шагнул к двери, повернулся и, глядя мне в глаза, произнёс несколько слов на том же гортанном наречии, которым останавливал Лилиан. Звук был резким, рубленым, как треск сухой ветки. Дверь за моей спиной дрогнула и с лёгким шипением закрылась, запечатываясь снова.

Я выдохнула. Он взглянул на меня через плечо.

— Не думай, что это конец. Идём.

Он двинулся по коридору, не оглядываясь, уверенный, что я пойду за ним. И я пошла — не потому, что хотела, а потому, что не могла остановиться, пока лихорадочно пыталась придумать, что делать дальше.

Мы миновали главную лестницу, пересекли переход, ведущий в преподавательское крыло, и поднялись на этаж, где я ещё не была.

Эйнар остановился перед высокой дверью из тёмного дерева, украшенной резьбой — переплетённые ветви и фигуры, которые при тусклом свете казались то ли змеями, то ли обнажёнными женскими телами. Толкнул створку, пропуская меня вперёд, и я переступила порог.

Я остановилась, едва войдя.

Просторная комната тонула в полумраке, который разгоняли лишь редкие магические огни в настенных бра. Высокие окна задрапированы тёмно-бордовым бархатом, перехваченным золотыми шнурами. Пол устилал толстый ковёр, мягкий, как мох, — тёмно-вишнёвый, с узором, в котором угадывались извивающиеся линии. В углу — низкий диван, обитый чёрной кожей, и столик с бутылкой вина и двумя бокалами.

Но главное, что бросилось в глаза, была кровать.

Огромная, под балдахином из тёмного шёлка, с подушками и скомканным покрывалом. И на этом покрывале, в изножье, небрежно поблёскивали наручники. Тяжёлые, стальные, с короткой цепью между кольцами. Они лежали открыто, на виду, на тёмной ткани, как экспонат, будто их только что сняли или, наоборот, приготовили для следующего раза. Металл тускло отражал свет огней, и я не могла отвести взгляд.

Я смотрела на них слишком долго. В голове сама собой возникла картинка: мои запястья в этих кольцах, цепь, натянутая над головой, прикрученная к спинке кровати. Я лежу на спине, и руки зафиксированы так, что не могу ни прикрыться, ни сопротивляться. Он стоит рядом, медленно расстёгивает рубашку, глядя сверху вниз с этой своей усмешкой. Я дёргаюсь — металл впивается в кожу, но не поддаётся. Я в ловушке. Полностью, без остатка.

От этого образа по спине пробежал холодок, и внутри что-то дрогнуло — не страх, а предвкушение, такое острое, что я зажмурилась на секунду, пытаясь стряхнуть его.

Эйнар заметил мой взгляд. Усмехнулся, прошёл мимо меня к столику и налил вино в бокал, не сводя с меня глаз.

— Нравится? — спросил он, кивнув в сторону кровати. — Могу дать примерить, если хочешь.

Я промолчала, но щёки залило краской.

— Садись, — сказал он уже серьёзнее, указывая на диван. — Выпей со мной.

Я не двинулась с места, по-прежнему сжимая книгу.

— Я не хочу пить.

Он взял свой бокал, поднёс к губам и сделал глоток, не сводя с меня взгляда.

— Трясёт? — спросил он. — Нервы? Сядь. Я не кусаюсь. Пока.

Я села на самое ребро дивана, готовая вскочить в любую секунду. Эйнар сел напротив, в кресло, и откинулся, глядя на меня с тем же ленивым выражением, которое я начинала ненавидеть до глубины души.

— Ты знаешь, что я видел всё, что ты делала сегодня ночью? — спросил он.

Я промолчала.

— Думаю, тебе стоит посмотреть на это своими глазами. — Он взмахнул рукой, и воздух между нами пошёл рябью. Передо мной поплыла картина, объёмная и чёткая, как сцена в театре теней.

Я стояла на коленях перед дверью тридцать три, выставив руки вперёд, сосредоточенная, с закрытыми глазами. Вокруг моих ладоней дрожало голубоватое свечение — моя телепатия, моя магия, применённая без разрешения. Пальцы дрожали от напряжения, я кусала губы, и книга лежала рядом раскрытая.

Я смотрела на этот призрак, на саму себя со стороны, и мне стало зябко. Он запечатлел это. Снял отпечаток с реальности и сейчас показывал мне, как улику.

— Как ты это делаешь? — спросила я, не в силах скрыть изумление.

— У каждого свои секреты, — ответил он, отпив ещё глоток вина. — Важно не то, как я это делаю, а то, что я могу в любой момент явить это отцу.

Я посмотрела на него. В его глазах не было злости. Только холодное, спокойное знание своей власти.

Он отставил бокал, сел на диван рядом со мной, ближе, чем хотелось бы.

— У меня есть предложение. — Он помолчал, давая мне время осознать. — Ты проводишь со мной ночь. В этой комнате. На этой кровати. — Он кивнул в сторону наручников, которые всё ещё лежали на покрывале. — Завтра утром я уничтожаю эту запись, и никто никогда не узнает, что ты влезла в комнату тридцать три.

Я смотрела в пол. Пальцы вцепились в ткань платья. Сердце колотилось, и во рту пересохло.

— А что будет с Лилиан?

— У неё своего срока нет. Она уже никуда не денется. Считай, что это первая плата за твою ошибку.

Он встал, подошёл ко мне сзади и положил руки мне на плечи. Пальцы скользнули под ворот халата, отодвигая ткань, и начали массировать напряжённые мышцы — медленно, сильно, разминая узлы, набитые за день. Прикосновение было горячим, почти профессиональным, и на секунду голова сама качнулась назад, поддаваясь давлению.

— Мне придется наказать тебя, — сказал он, склонившись к моему уху; его шёпот был тёплым и влажным. — Но я сделаю это по-своему. Будет больно и очень приятно, как я и обещал. Всего одна ночь. Потом сама прибежишь просить ещё.

Его пальцы скользнули ниже, по ключицам, к верхней части груди, и тело само выгнулось навстречу. Соски затвердели, и я почувствовала предательскую тяжесть между ног — пульсацию, от которой хотелось сжать бёдра.

Всё внутри кричало: сдайся. Сделай это. Тебе понравится.

Но в тот миг, когда я открыла рот, чтобы согласиться, перед глазами встала она.

Лилиан. Её бледное лицо, пустые глаза, рыжие волосы. Она стояла за плечом Эйнара — не призрак, а скорее отражение в мутном стекле — и медленно качала головой. Из стороны в сторону. Без слов, без звука. Просто «нет».

Я моргнула, и видение исчезло, но рот захлопнулся сам собой. Слова застряли в горле невысказанными.

— Нет. — Голос прозвучал хрипло, но твёрдо. — Я не буду с тобой спать.

Эйнар застыл. Его пальцы, массировавшие плечи, остановились. Он отступил на полшага и посмотрел на меня с выражением, какого я у него ещё не видела — не насмешка, не злость, а искреннее, почти обиженное удивление.

— Ты понимаешь, что тебя ждёт? Завтра эта старая сучка Кросс приведёт тебя в медицинское крыло. Тебя осмотрит Провизор Плоти — еще одна старая сучка с инструментами, которые видели больше, чем следует. Она задаст тебе вопросы: принимала ли ты когда-нибудь член в рот? В зад? Позволяла ли кому-нибудь трогать тебя между ног? Она раздвинет тебе ноги металлическим расширителем и заглянет внутрь, проверяя, цела ли твоя плева. Ты хоть и идиотка, но кажешься гордой. Неужели хочешь, чтобы тебя так опустили?

Он говорил спокойно, будто диктовал меню.

— Ты же видела, как это было с Бриэль. Но если у тебя отшибло память, напомню детали. Тебя выведут в главный зал. Разденут догола. Прикуют к столбу и выпорют на глазах у всех учениц и преподавателей. Двадцать ударов плетью. Если потеряешь сознание — обольют водой и продолжат. Потом — аукцион. Тебя будут продавать, как вещь. И к тому моменту, когда ты окажешься в чьих-то руках, ты будешь так сломана, что согласишься на всё, лишь бы тебя забили до смерти.

Я смотрела на него, не отводя взгляда.

— Ты хоть понимаешь? — повторил он. — Я предлагаю тебе избежать всего этого. В обмен всего на одну ночь.

— Понимаю. — Я сглотнула, чувствуя, как в глазах защипало. — И всё равно — нет.

Эйнар отступил ещё на шаг. В уголках его губ дрогнула усмешка, но глаза остались холодными.

— Я мог бы изнасиловать тебя прямо здесь и сейчас. Ты знаешь это. И тебе бы это понравилось. Твоё тело знает это — оно уже предало тебя, и ты не можешь этого контролировать. Но, знаешь, я передумал. Если ты настолько глупа, чтобы выбрать позор и боль, — ты не заслуживаешь даже удовольствия быть взятой силой.

Он вынул из кармана платок, вытер пальцы, будто испачкался, и бросил его на столик.

— Убирайся. В свою комнату, к своей крысе. Завтра у тебя будет очень интересный день. Я позабочусь об этом.

Я поднялась. Ноги дрожали. Книгу я прижимала к себе так, будто она могла защитить меня от всего, что будет завтра. Сделала шаг к двери, потом другой, чувствуя, как его взгляд прожигает спину.

— И не пытайся сбежать, — донеслось уже в спину. — Цитадель не выпустит тебя без моего ведома. Завтра полюбуюсь на тебя в зале. Обещаю быть в первом ряду.

Я вышла в коридор. Дверь за мной закрылась с мягким, сытым щелчком. Я стояла в полумраке, прижимая книгу, и слёзы наконец потекли — горячие, быстрые, бессильные.

2

Я влетела в комнату, и дверь с грохотом ударилась о стену. Слёзы текли по лицу, я задыхалась, и внутри колотилась такая смесь страха, стыда и злости, что я не могла вдохнуть полной грудью.

— Ровена?!

Морана сидела на кровати, не спала. Она вскочила и бросилась ко мне, схватив за плечи, вглядываясь в лицо.

— Что случилось? Ты вся дрожишь! Где ты была? Я проснулась — тебя нет!

Я попыталась ответить, но из горла вырвался только всхлип. Морана притянула меня к себе и обняла крепко, как не обнимала ни разу за всё время, что мы делили комнату.

— Тише, — сказала она, гладя меня по спине. — Тише. Ты здесь. Ты в безопасности. Дыши.

Я уткнулась лицом ей в плечо и плакала, пока не кончились слёзы. Плечи тряслись. Её руки гладили меня по голове, по спине, и она ждала, пока я выговорюсь.

Когда дыхание выровнялось, я отстранилась, вытерла лицо рукавом и села на свою кровать. Морана села напротив, не отпуская мою руку.

— Рассказывай, — сказала она тихо.

И я рассказала.

Про то, как я пришла к тридцать третьей, про голос, про книгу, про взломанный замок. Про Лилиан, которая напала на меня, и про Эйнара, который остановил её. Про то, как он привёл меня в свою комнату, показал ментальную запись, сделал предложение. И про то, как я отказалась.

Морана слушала молча, не перебивая. Когда я закончила, она закрыла глаза и несколько секунд сидела неподвижно, собираясь с мыслями.

— Я предупреждала тебя, — сказала она наконец. Голос её звучал устало, без злости. — Я говорила тебе: не суйся туда. Ты не знаешь этого места. Но ты не послушала.

— Я знаю. — Я сжала пальцами край одеяла. — Прости.

— Дело не в прощении. — Морана открыла глаза и посмотрела на меня в упор. — Дело в том, что ты попалась в ловушку, которую он, скорее всего, расставил специально.

— Остановись, — сказала я, выставляя руку. — Подожди.

Я смотрела в стену, и внутри меня кусочки мозаики вставали на место, один за другим, с той отчётливостью, от которой кровь стынет в жилах.

«Любые двери открываются, если подобрать верный ключ». Тогда я думала, что это угроза. Теперь я понимала: он не просто угрожал — он вложил мне эту мысль в голову, как зерно, которое должно было прорасти. Он заставил меня поверить, что я сама нашла решение, и я повелась, как слепой щенок, который бежит за голосом хозяина, потому что не знает другого пути.

Я сглотнула. Во рту пересохло.

— Книга, — выдавила я. — Я думала, это случайность — что она упала сверху, раскрытая на нужной странице. Книга, которую никто не брал годами, вдруг сама скользнула мне в руки. Он мог подсунуть её туда. Или, что ещё страшнее, внушить мне, что я её нашла.

Морана молчала, давая мне договорить.

— Я не знаю, где кончается моя воля и начинается его. — Голос дрогнул. — Что, если зов, который я слышала в первую ночь, принадлежал не Лилиан? Что, если он сам позвал меня, просто чтобы заманить в ловушку?

Я перевела взгляд на дверь, за которой осталась комната тридцать три. Внутри всё похолодело.

— Лилиан сказала мне, что не звала меня, — тихо добавила я. — Я думала, она не помнит. А она говорила правду.

Морана тяжело вздохнула. Этот вздох был глубже, чем просто усталость — он шёл откуда-то изнутри, из того места, где хранятся старые раны.

— Лилиан не могла тебя позвать, — сказала она. — Потому что она уже не в себе. Не знаю, помнит ли она что-то, знает ли, где находится. Но звать — нет, на это у неё просто нет сил.

Я посмотрела на неё. В её голосе была та интонация, какой я у неё ещё не слышала — тихая, надломленная, будто она говорила о чём-то, что носила в себе долгие месяцы молчания.

— Ты знала её, — сказала я. Это был не вопрос.

Морана отвела взгляд и посмотрела в стену.

— Она была моей сестрой, — тихо сказала она. — Нас вместе забрали из приюта. Лилиан была младше меня на год. Сильный эмпат — редкий дар. Мы думали, что нам повезло. Мы ошибались.

Она помолчала, собираясь.

— Она встретила его здесь. Эйнара. Он заметил её, приблизил к себе. Она была красивой, светлой, с рыжими волосами, как у тебя. И она влюбилась в него. По-настоящему. Безумно. Она думала, что он её тоже любит. Глупая.

Она снова замолчала.

— Он пользовался ею несколько месяцев. Брал, когда хотел, развлекался с ней как с игрушкой. А потом она ему надоела — он нашёл новую забаву и выбросил её, как старую тряпку. Сказал, что она ему больше не нужна, и запретил появляться на его этаже.

— Лилиан не смогла с этим жить?

— Она пыталась убить себя. — Морана произнесла это без паузы, будто давно переварила эти слова. — Три месяца назад. Наглоталась яда. Я нашла её вовремя, ей успели влить противоядие. Лучше бы я этого не делала, Ровена. Потому что Лилиан, которую я знала, умерла в тот день. Только её тело осталось жить.

Она замолчала. В комнате стало тихо — только дождь за окном шуршал по стеклу.

— Когда она очнулась, разум был повреждён. Но маги Цитадели нашли другое применение её состоянию. Они не дали ей умереть и не дали оправиться. Её заперли в тридцать третьей, превратив в живой замок. Она не может умереть, но и жить не может.

Я молчала. Слова не шли.

— Мне сказали, что её больше нет, — тихо добавила Морана. — Это правда. Та Лилиан, которая смеялась и мечтала о побеге, — её нет. Осталась только оболочка, которую они используют как механизм. Мне каждый раз говорят, что это наказание для тех, кто нарушает правила. Для тех, кто посмел полюбить того, кого нельзя любить.

Я смотрела на свои руки, не в силах произнести ни слова. Потом подняла глаза.

— Когда он сегодня сделал мне предложение… — начала я, но голос сорвался. — Я чуть не согласилась. Уже открыла рот, чтобы сказать „да“. А потом я увидела её. Лилиан стояла за его плечом и качала головой. Без слов. Просто „нет“.

Морана не ответила. Она придвинулась ближе и положила руку мне на плечо. Мы сидели в темноте, и только дождь заполнял тишину — ровный, монотонный, как дыхание спящего города. Минута проходила за минутой, и слова больше не были нужны.

Её ладонь гладила мои волосы, и это было единственным тёплым прикосновением в этом мире. Я закрыла глаза и слышала только дождь, своё дыхание и то, как под моей щекой медленно поднимается и опускается её плечо.

Завтра настанет. Но сейчас — только темнота, шум воды, и мы вдвоём.

3

Я не спала. Я лежала на спине, глядя в потолок, и слушала дождь, пока не рассвело. Сирена взвыла раньше обычного — резко, пронзительно, обрывая безрадостные мысли.

Когда вой стих, в коридоре раздались шаги. Тяжёлые, размеренные, с металлическим постукиванием ключей. Я узнала их ещё до того, как они остановились у нашей двери.

Мадам Кросс вошла без стука.

— Ровена. — Голос её был сухим, как старая бумага. — Одевайся. Идёшь со мной.

Я поднялась с кровати, не глядя на неё. Руки двигались сами — натянуть форму, застегнуть пуговицы, заправить волосы. Морана тоже встала. Она подошла ко мне, обхватила за плечи и прижала к себе. Грудь её дрожала, но голос оставался твёрдым.

— Держись, — сказала она тихо, глядя мне в глаза. — Что бы ни было — не ломайся. Ты сильнее, чем они думают.

Я кивнула, хотя внутри всё сжималось от страха.

Мадам Кросс ждала у двери, нетерпеливо постукивая пальцем по связке ключей. Не оглядываясь, я вышла в коридор, и она заперла дверь за мной с коротким, деловитым щелчком.

Мы прошли через знакомые переходы, мимо зала, где совсем недавно наказывали Бриэль, и остановились перед высокой дверью из тёмного дерева с бронзовой табличкой. Кабинет лорда Валериана.

Мадам Кросс постучала, приоткрыла дверь и впустила меня внутрь, сама оставшись в коридоре.

Кабинет был таким же, как в первый раз: массивный стол, книжные шкафы, запах старой бумаги и холодного воска. За столом сидел лорд Валериан — тёмный камзол, серебряная вышивка, кольцо с рубином на пальце, тяжёлый взгляд.

Рядом с ним, чуть поодаль, опираясь плечом на книжный шкаф, стоял Эйнар. Руки сложены на груди, чёрная рубашка расстёгнута у ворота, на лице — то самое выражение ленивой, сытой усмешки, которое я научилась ненавидеть.

— Ровена, — начал лорд Валериан, не тратя времени на приветствия. — Ты знаешь, зачем ты здесь.

— Догадываюсь, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он взял со стола лист бумаги с гербовой печатью и принялся зачитывать вслух ровным, бесстрастным тоном:

— Обвинение первое: применение магического воздействия вне занятий и без присутствия преподавателя. Обвинение второе: проникновение в запертое помещение с использованием магии, без разрешения администрации. Обвинение третье: нарушение правил внутреннего распорядка, выразившееся в самовольном оставлении комнаты в ночное время.

Он поднял взгляд от бумаги.

— Ты признаёшь себя виновной?

Я открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент вмешался Эйнар. Его голос прозвучал мягко, почти лениво, но я сразу узнала в нём насмешку:

— Может, сначала покажем ей улику? Чтобы у неё не осталось сомнений, что отпираться бесполезно. Я подготовил кое-что наглядное.

Лорд Валериан кивнул, и Эйнар щёлкнул пальцами. В воздухе между нами снова всплыла та же живая картина: я, стоящая на коленях перед тридцать третьей дверью, выставив руки, с голубоватым свечением вокруг ладоней. Книга рядом, страница раскрыта, моё лицо сосредоточено. Я смотрела на это со стороны, и меня передёрнуло.

— Красиво, — сказал Эйнар, разглядывая проекцию, как картину в галерее. — Особенно этот момент, когда ты поняла, что замок поддаётся. У тебя глаза загорелись. Я даже залюбовался, честно.

Я сжала кулаки, но промолчала.

— Думаю, доказательств достаточно, — сказал лорд Валериан, откладывая лист в сторону. — Ровена, ты подтверждаешь, что всё это — твои действия?

Я смотрела в пол. Возражать было бесполезно: запись я видела, знала, что это правда, и отрицать что-либо значило только продлить унижение.

— Подтверждаю, — ответила я тихо.

— Ну хоть здесь без глупостей, — тут же вставил Эйнар. — Приятно видеть, что ты умеешь признавать свои ошибки. Жаль, что научилась этому только сейчас, в день, когда тебя выпорют при всех. И продадут.

Я медленно подняла голову и посмотрела прямо на него. Все слова, которые я копила внутри, вдруг нашли выход.

— Знаешь, Эйнар, — сказала я ровно, почти спокойно, — ты прав, я ошиблась. Я думала, что запертая дверь хранит тайну, которую можно раскрыть. Но теперь я вижу, что единственная

тайна в этой комнате — это размер твоей неуверенности, которую ты компенсируешь количеством девочек, посаженных на цепь.

В кабинете стало тихо.

Лорд Валериан, который до этого смотрел на меня с тем же выражением, что на провинившуюся прислугу, вдруг издал короткий, сухой смешок. Смех прозвучал так неожиданно в этой обстановке, что я на мгновение забыла, где нахожусь. Он покачал головой и, всё ещё улыбаясь одними уголками губ, произнёс:

— Ну надо же. А она с характером. Редкость в этих стенах. — Он перевёл взгляд на сына, и в его голосе проскользнула почти незаметная усмешка. — Слышишь? Она тебя раскусила.

Эйнар дёрнул щекой, но улыбка его не исчезла. Она стала чуть шире, чуть жестче.

— Характер — это прекрасно, — ответил он, не сводя с меня глаз. — Но характер не смягчает удары плети. А с размером у меня всё в порядке, можешь не сомневаться. Удачи на осмотре, рыжая. Надеюсь, Провизор будет с тобой нежнее, чем был бы я.

Лорд Валериан кивнул на дверь, и мадам Кросс снова появилась на пороге.

— Уведите её к Провизору Плоти, — распорядился он, возвращаясь к бумагам на столе, словно меня уже не было в комнате.

Мадам Кросс взяла меня под локоть и вывела в коридор. Я шла, не видя дороги, и под рёбрами разрастался глухой, тяжёлый страх. Но на губах всё ещё оставался привкус той короткой победы — когда старый лорд рассмеялся. Этого у меня никто не отнимет, что бы ни случилось дальше.

4

Мадам Кросс привела меня в комнату, которая ничем не напоминала кабинет лекаря — скорее, камеру для допросов, переоборудованную под медицинские нужды. Белые стены, металлический стол, стеклянные шкафы с инструментами. Длинные щипцы, расширители, блестящие зонды. В углу — кресло с кожаными ремнями на подлокотниках.

В центре комнаты стояла она.

Женщина лет пятидесяти. Короткие седые волосы, зачёсанные назад, ни одного лишнего волоска. Лицо острое, как лезвие, и глаза под ним такие же: без тепла, без любопытства, без раздражения даже. Она смотрела на меня так, как смотрят на строку в описи.

Тёмно-серый халат был перетянут на талии кожаным поясом; с пояса свисали ножницы и маленькие щипцы, и металл чуть слышно звякал, когда она поворачивалась. На кожаном шнурке висела подвеска — стеклянный шар, в котором что-то тёмное перекатывалось, как густая жидкость. От неё пахло карболкой, металлом и сухими травами.

— Провизор Плоти, — представила её мадам Кросс и вышла, закрыв за собой дверь.

Я осталась одна с этой женщиной.

— Раздевайся, — сказала она, не тратя времени на вступления. Голос у неё был низким, спокойным, безэмоциональным. — Полностью. Бельё тоже.

Я не двинулась. Пальцы, сжатые в кулаки, мелко дрожали.

— Я сказала, раздевайся, — повторила она, и в голосе проступила тень нетерпения. — Я не собираюсь возиться с тобой целый день. Чем быстрее мы закончим, тем быстрее ты уйдёшь готовиться к наказанию. Выбор за тобой.

Я заставила себя расстегнуть пуговицы. Форма упала на пол серой лужей. Я стянула бельё и осталась стоять, глядя в стену, чувствуя, как холодный воздух оседает на коже. Соски затвердели от холода, и я обхватила себя руками, пытаясь прикрыться.

— Руки вдоль тела, — приказала Провизор. — Не трать моё время, прикрываясь. Мне нужно провести осмотр.

Я опустила руки.

Она подошла ближе. Её взгляд скользнул по мне без тени интереса — так смотрят на кусок мяса, который нужно проверить на пригодность.

— Ложись на кресло, ноги на подставки.

Кресло было холодным, кожаным, с металлическими подставками для ног. Я забралась на него, чувствуя, как подрагивают колени. Провизор подошла сбоку, надела перчатки — тонкие, плотные, с лёгким хлопком.

— Раздвинь ноги шире.

Я выполнила команду, и лицо залило краской. Она наклонилась, и холодный металл коснулся внутренней стороны бедра — расширитель скользнул внутрь меня. Я зажмурилась, сжала подлокотники и постаралась не думать, куда именно он проникает. Осмотр длился недолго, но каждая секунда тянулась бесконечно.

— Девственница, — констатировала Провизор, выпрямляясь. Извлекла инструмент, отложила его в лоток. — Плева цела. Это хорошо. Нетронутый товар стоит дороже.

Она сняла перчатки, бросила их в урну и взяла дощечку с зажатым листом бумаги.

— Теперь вопросы. Отвечать коротко и честно. Пытаться врать бесполезно — я всё равно пойму.

Она подняла взгляд от планшета.

— Ты когда-нибудь принимала член в рот?

Я вздрогнула. Вопрос прозвучал настолько прямо, что я не сразу нашлась с ответом.

— Я… что?

— Член. Во рту, — повторила она. — Мужской половой орган. Ты когда-нибудь его сосала? Удовлетворяла парня ртом? Это называется оральным сексом, или фелляцией. Обычно практикуют на коленях, перед мужчиной, когда он стоит, а она опускается перед ним на колени или на корточки. Иногда она лежит на спине, а он стоит над ней и вставляет член ей в рот, контролируя глубину.

В моей голове всплыла картина. Уборная. Белый кафель. Эйнар, стоящий у стены. Агнес на коленях перед ним. Её голова, двигающаяся в ритме его руки. Слюна, текущая по её подбородку, блестящая на губах. Звук — влажный, ритмичный, с хлюпаньем. Её руки, вцепившиеся в его бедра. И его голос, низкий и властный: «Не смей останавливаться, пока я не скажу».

Я моргнула, прогоняя видение.

— Так был опыт? — переспросила Провизор.

— Нет, — выдавила я, чувствуя, как горят уши. — Никогда.

— Принимала член в зад? Анальный контакт?

— Нет.

— Позволяла кому-нибудь трогать тебя между ног? Пальцами, языком, чем угодно?

— Нет. — Мой голос звучал всё тише.

Провизор поставила галочку в списке и отложила дощечку в сторону. На её губах мелькнула ухмылка — не злая, а скорее профессионально-циничная.

— Что ж, после аукциона у тебя обязательно появится этот опыт, — сказала она, оглядывая меня с ног до головы. — И поверь мне, не у всех покупателей одинаковые вкусы. Некоторые предпочитают начинать с орального, чтобы проверить покорность. Если будешь сжимать зубы или отворачиваться — получишь по лицу, с первого же раза. Проще сразу расслабить челюсть и дышать носом. Когда привыкнешь — станет легче. Анальный контакт болезненнее для неподготовленной. Некоторые покупатели смазывают, некоторые — нет. Если будет больно — не терпи, а попроси паузу. Если покупатель адекватный — даст. Если нет — зажмурься и перетерпи.

Она говорила это деловито, поправляя инструменты в лотке, будто обсуждала расписание занятий. Я стояла, чувствуя, как пол уходит из-под ног, и изумление боролось в голове с тем странным, запретным трепетом, который эти слова вызывали где-то внизу живота. Я ненавидела себя за эту реакцию, но ничего не могла с ней поделать.

— А теперь иди в ванную. — Провизор кивнула на дверь в углу комнаты. — Удали все волосы с лобка. Чтобы было гладко. Там есть бритва и вода.

— Я не буду этого делать, — сказала я.

Провизор даже не моргнула.

— Это не просьба. Либо ты делаешь это сама, сейчас, либо заходят двое моих помощников и делают это за тебя, держа тебя за руки и за ноги. Они не будут нежны.

Я посмотрела ей в глаза. Она не шутила.

Я медленно вышла из кабинета в соседнюю комнату. Там была ванная — маленькая, с голыми стенами. На краю раковины лежали бритва и кусок мыла. Я взяла её дрожащими руками и заставила себя выполнить приказ, стараясь не думать о том, зачем это нужно и кто будет видеть результат.

Когда я вышла, Провизор окинула меня коротким взглядом, кивнула и сделала пометку в списке.

— Чисто. Можешь одеваться. Тебя проводят в зал для наказания.

5

Меня ввели в Главный зал те же двое охранников, что несколько дней назад вели Бриэль. Я узнала их по одинаковым тёмным доспехам и отсутствующим лицам. Каждый шаг отдавался в груди глухой пульсацией, и зал вырастал передо мной всё огромнее, всё безжалостнее.

Сегодня он был полон. Ученицы — белые, серые пятна лиц, застывших в одинаковом выражении напряжённого внимания. Преподаватели — у кафедры, группами, как на смотре. Магистр Вивьен, магистр Корвус, магистр Марвейн, магистр Теней — все те, у кого я училась, все те, кто видел меня на занятиях.

Я мельком заметила в толпе Элис — её светлая голова была опущена, она смотрела в пол, и у меня сжалось сердце. Мира стояла рядом, бледная, с побелевшими губами. Я не позволила себе искать Морану. Я не позволила себе смотреть на них слишком долго — боялась, что разревусь прямо на помосте.

Мадам Кросс стояла у стены рядом с первой скамьей. Магистр Экзекуций уже поднялся на кафедру и раскладывал свитки.

А в первом ряду, прямо напротив столба, в кресле с высокой спинкой, сидел он.

Эйнар. Чёрная рубашка, запястья закинуты на подлокотники, нога на ногу, на лице — выражение скучающего зрителя, который пришёл поглазеть. Сегодня он был один. Без Агнес, без брюнетки, без свиты.

При виде него в груди кольнуло едва ли не больнее предстоящих ударов.

Магистр Экзекуций поднял свиток и начал читать. Голос у него был сухой, скрипучий, как мельничные жернова, которые перетирают камень.

— Ученица Ровена, восемнадцати лет, дар — телепатия. — Он сделал паузу, обводя взглядом притихший зал. — Обвиняется в совершении трёх нарушений. Первое: применение магического воздействия вне занятий и без присутствия преподавателя. Второе: проникновение в запертое помещение с использованием магии. Третье: самовольное оставление комнаты в ночное время.

Каждое слово падало в тишину, как камень в воду.

— Приговор — двадцать ударов плетью с последующей продажей на аукционе. Приступить.

Он кивнул охранникам.

Двое шагнули ко мне. Один взялся за ворот платья, рванул вниз — от шеи до подола. Серое полотно распалось с лёгким треском, упав на пол, и я осталась в одной нижней рубашке.

— Разденьте, — приказал Экзекутор.

Рубашку с меня содрали в два движения. Ткань, ещё хранившая тепло тела, полетела в сторону, и я осталась стоять перед сотней глаз совершенно голая, ощущая себя так, будто с меня заживо сняли кожу.

Холодный воздух зала ударил по всему телу. Кожа покрылась мурашками — не столько от холода, сколько от того, что я чувствовала на себе каждый взгляд. Я стояла, опустив руки, не зная, куда их деть, и щёки залило краской унижения. Я не могла заставить себя поднять глаза. Если я встречусь взглядом хоть с кем-то из знакомых, я сломаюсь.

Охранники развернули меня лицом к столбу. Металлические браслеты защёлкнулись на запястьях, подняв руки над головой. Цепи натянулись, приподнимая меня на цыпочки, и позвоночник выгнулся, открывая спину от шеи до поясницы — идеально ровную линию для удара.

Я упёрлась лбом в холодное дерево и зажмурилась.

Экзекутор подошёл к подносу, взял плеть — длинную, с несколькими хвостами, оплетёнными узлами, — и стряхнул её, расправляя, чтобы все видели орудие.

Первый удар.

Плеть взвилась со свистом, рассекла воздух и опустилась поперёк лопаток. Звук был глухим и мокрым — не треск, а удар по открытому телу, от которого по спине разлилось белое пламя.

Я не закричала.

Я вцепилась зубами в нижнюю губу, до крови, и повисла на цепях, чувствуя, как мышцы спины сводит судорогой. На коже проступила белая полоса, налилась красным, запульсировала жаром, и я считала про себя, чтобы не сойти с ума: раз.

Второй удар лёг чуть ниже, перекрещиваясь с первым, и я почувствовала, как по спине стекает что-то тёплое — первая кровь.

Два.

На третьем ударе я заскрипела зубами. Боль была такой, что перед глазами поплыли белые точки. Спина горела, как ошпаренная, и каждый вдох резал грудь. Я стиснула челюсти так, что свело желваки, и заставила себя не кричать.

— Молчит, — послышалось из зала удивлённое перешёптывание, но я не обращала на это внимания.

На пятом ударе я прокусила губу насквозь, и по подбородку потекла струйка крови.

Шестой. Седьмой. Восьмой. Кожа на спине превращалась в месиво — каждый новый удар ложился на уже разорванную плоть, и боль становилась глухой, ровной, как вибрирующая струна.

И тогда я услышала его.

Голос пришёл не из зала — он зазвучал внутри головы, как и в прошлый раз.

«Молчишь. — Голос Эйнара был тихим, почти одобрительным, с оттенком удивления. — Я смотрел на Бриэль — она орала на пятом. А ты терпишь. Мне это нравится, рыжая. У тебя очень неплохой болевой порог».

Я сжала зубы до скрипа. Мысли смешались от боли, но где-то на краю сознания оставалась злость — та самая, которая не давала мне сломаться.

«Заткнись, — выплюнула я мысленно, вкладывая в слова всю уцелевшую злость. — Ты последний, от кого я хочу слышать похвалу. Это ты меня сюда привёл. Ты и твой папаша — наслаждайтесь представлением.»

В ответ — короткая волна мысленного смеха, тёплая и довольная.

«О, она ещё и огрызается. Даже когда у неё кожа висит лоскутами. Это редкий дар, Ровена. У тебя язык острый — жаль, что завтра он будет занят другим. Но я смотрю на тебя иначе, чем на Бриэль. Ты не ломаешься. Ты гнёшься, но не ломаешься. Мне это по-настоящему нравится».

Я не ответила. Я просто уткнулась лбом в столб и позволила боли занять всё пространство, чтобы не слышать больше его голоса.

Девятый. Десятый.

На десятом ударе я перестала чувствовать спину как часть тела. Она стала просто фоном, на котором пульсировала глухая горячая боль, накрывавшая меня волнами.

Одиннадцатый. Двенадцатый. Тринадцатый.

По ногам стекала кровь — я чувствовала её тёплые струйки, бегущие по ягодицам, по бёдрам, собирающиеся в лужицу на чёрном камне под ногами.

Четырнадцатый. Пятнадцатый. Шестнадцатый.

Семнадцатый.

Я не кричала.

Я не знала, откуда берутся силы. Может, от злости. Может, от желания не дать ему увидеть мою слабость. Я вцепилась зубами в губу, упёрлась лбом в столб и считала до двадцати.

«Ты молодец, — снова раздалось в голове, на этот раз почти шёпотом, интимным и тихим, будто мы были в комнате вдвоём. — Я не думал, что ты выдержишь. Ты превзошла мои ожидания».

«Пошёл ты», — одними губами выдохнула я, без голоса.

«Обязательно. Но позже. Сначала — аукцион. А пока — смотри, я не свожу с тебя глаз».

Я не поднимала головы, но чувствовала его взгляд на себе.

Восемнадцатый.

Спина превратилась в сплошное полотно боли. Кровь уже не просто капала — она стекала струйками, разрисовывая чёрный камень красными дорожками.

Девятнадцатый.

Перед глазами поплыли тёмные круги. Я зажмурилась и сжала зубы так, что они заскрипели. Всё внутри кричало, но я молчала.

Двадцатый.

Последний удар опустился на спину — поперёк уже разорванной плоти. Я дёрнулась, ударившись лбом о столб, но не издала ни звука.

Экзекутор положил плеть на поднос. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Приговор приведён в исполнение, — объявил он, и его голос разнёсся под сводами. — Двадцать ударов.

Он вытер руки о тряпку, отдал её помощнику и отошёл от кафедры.

В зале повисла тишина.

Я висела на цепях, чувствуя, как кровь стекает по спине и капает на пол. Где-то далеко, за гранью сознания, теплился его голос — тихий, довольный, шепчущий:

«Хорошо. Ты прошла первое испытание. Теперь посмотрим, что будет дальше.»

6

Каждая струйка оставляла на камне тёмный след. Боль пульсировала ровно, как второе сердце, и я цеплялась за неё, чтобы не провалиться в темноту.

Магистр Экзекуций снова поднялся на кафедру.

— Аукцион открыт, — объявил он, разворачивая новый лист. — Перед началом торгов оглашаю результаты медицинского осмотра.

Он поднял глаза от бумаги и обвёл зал своим водянистым взглядом.

— Установлено, что объект является девственницей. Плева цела. Анальных и оральных контактов не зафиксировано. Телесных повреждений, препятствующих использованию, не выявлено.

Он сделал паузу, давая залу переварить информацию.

— В связи с тем, что товар соответствует категории «нетронутый», начальная цена устанавливается в шесть тысяч золотых. Шаг ставки — пятьсот золотых.

Он кивнул охранникам, и те отцепили мои запястья от столба, чтобы приковать меня лицом к залу. Грубая сталь снова защёлкнулась на руках, и меня развернули так, чтобы все могли видеть моё лицо, грудь, живот — всё, что ещё оставалось нетронутым плетью.

Шесть тысяч. За меня.

Где-то в толпе кто-то шепнул: «Первый раз за полгода» — и я не поняла, хвалят меня или осуждают.

Первым поднял руку магистр Марвейн. Он стоял у колонны, и его голос прозвучал спокойно и ровно:

— Шесть тысяч.

— Шесть пятьсот, — отозвался магистр Корвус со своего места, и в его тоне проскользнула деловая заинтересованность.

— Семь тысяч, — подал голос магистр Гримм.

Я вздрогнула, услышав этот голос — скользкий, маслянистый, почти торжествующий. Я знала этот взгляд. Он смотрел на меня так, будто уже примерял, что будет делать, когда я окажусь в его комнате.

— Семь пятьсот, — перебил его магистр Марвейн.

— Восемь тысяч, — тут же ответил Гримм, повышая голос.

Магистр Корвус выбыл на этом этапе, опустив руку. Остались трое: Марвейн, Гримм и магистр Теней, которая хранила молчание, не поднимая руки. Наши взгляды не встречались, но я знала: если она заговорит, я почувствую это раньше, чем услышу голос.

— Девять тысяч, — сказал магистр Марвейн, и я увидела, как он сжал переносицу, будто принимая решение, которое ему не по душе.

— Девять пятьсот, — выкрикнул Гримм, и в его голосе появилось почти истеричное нетерпение. — Она моя! Я заплачу любую цену!

Магистр Марвейн помедлил, взвешивая, и опустил руку.

Гримм победно обвёл зал взглядом и повернулся ко мне. Я видела, как его губы растянулись в улыбку, влажную и предвкушающую, как он облизнулся, как раздевал меня взглядом, уже празднуя победу. Он поправил воротник мантии, выпятил грудь и бросил взгляд в сторону Эйнара — короткий, наглый, будто говорил: «Смотри, я выиграл».

Магистр Экзекуций поднял молоток.

— Девять пятьсот от магистра Гримма, — объявил он. — Есть желающие поднять ставку? Девять пятьсот — раз…

Тишина.

— Девять пятьсот — два…

Я закрыла глаза. Я знала, что на «три» молоток опустится, но во рту уже стоял привкус желчи от того, что моим хозяином станет Гримм. Слизь, потные ладони, его сальные взгляды. Я представила его руки на своём теле, и меня замутило.

— Девять пятьсот…

И в этот момент, когда тишина уже готова была стать приговором, послышался знакомый голос.

— Восемнадцать тысяч.

Я узнала его раньше, чем повернула голову.

Эйнар.

Он не встал с места. Руки его были всё так же закинуты на подлокотники, и он смотрел прямо перед собой, не на меня. Голос прозвучал ровно, без напряжения, будто он называл цену за обед.

В зале пронёсся гул. Гримм дёрнулся, будто его ударили под дых. Лицо его налилось багровым, он обернулся на голос и, увидев, кто сказал «восемнадцать тысяч», на мгновение потерял дар речи. Он набрал воздуха, чтобы возразить, но из горла вырвался только сиплый, сдавленный звук.

— Ты… — выдавил он, заикаясь от ярости.

— Я, — спокойно подтвердил Эйнар, не поворачивая головы, будто Гримма для него не существовало.

Магистр Экзекуций поднял бровь, перевёл взгляд на Гримма, но тот молчал. В зале раздались смешки — кто-то из учениц не сдержался, и я увидела, как Гримм стиснул челюсти, буравя взглядом спину Эйнара. Его бельмо блестело — в нём пульсировала такая ненависть, что я на мгновение почти пожалела его.

— Магистр Гримм, вы повышаете ставку? — спросил Экзекутор, и в его голосе проскользнула казённая вежливость.

Гримм побагровел ещё сильнее. Он сжал и разжал кулаки, озираясь по сторонам, ища поддержки, но никто не вмешался. Даже лорд Валериан, сидящий в первом ряду, не шелохнулся — только чуть повернул голову, скользнул взглядом по сыну и снова уставился в стол.

— Магистр Гримм? — повторил Экзекутор.

— Нет, — выплюнул Гримм, и голос его дрожал от сдерживаемой ярости. — Я не повышаю.

— Продано, — объявил магистр Экзекуций. — Восемнадцать тысяч — раз, два, три.

Молоток опустился.

Гримм рванулся вперёд, будто собираясь остановить сделку в последнюю секунду, но замер на полшаге, наткнувшись на взгляд Эйнара. Тот даже не повернулся к нему — просто сидел с лёгкой улыбкой на губах, и от этого спокойствия ярость Гримма становилась только бессильнее.

— Ученица Ровена переходит в собственность Эйнара Валериана, — объявил Экзекутор. — Поздравляю с приобретением.

Гримм резко развернулся и, не глядя на зал, вышел через боковую дверь. Его шаги были тяжёлыми, он почти бежал, и я видела, как его спина исчезает за створкой, оставляя после себя только запах проигранной злости.

Меня отцепили от столба. Ноги подкосились, и я рухнула на колени, не в силах стоять. Кровь всё ещё капала на пол.

Эйнар поднялся со своего места и медленно, не спеша, подошёл ко мне. Он остановился в двух шагах и смотрел на меня сверху вниз, сложив руки в замок на поясе.

Я подняла на него взгляд. В глазах двоилось, перед ними плыли круги, а боль в спине пульсировала в такт сердцу. Я хотела сказать что-то — может, проклятие, может, мольбу, — но язык не слушался.

— Поздравляю, рыжая, — сказал он тихо, с глазу на глаз, так, чтобы слышала только я. — Ты пережила этот день. Теперь ты моя.

Я смотрела на его лицо — спокойное, довольное, с лёгкой тенью насмешки в уголках губ. Вокруг шумел зал, ученицы перешёптывались, кто-то из моих подруг, кажется, всхлипывал, но я уже не различала лиц.

— Заберите её, — бросил Эйнар охранникам. — В мои покои.

Я попыталась встать, но ноги подкосились окончательно. Краски потекли вниз, и я перестала видеть.

Последнее, что я помнила, — его голос, пробивающийся сквозь шум в ушах: «Отнесите её. Живой. Мне она нужна живой».

Я провалилась в темноту.

Глава 8

Глава 8.

1

Сознание возвращалось не рывком, а медленно, как вода, выталкивающая тонущего наверх: нехотя, толчками, сквозь вату, которая забила уши и горло.

Первым пришёл звук. Тиканье часов — ровное, глухое, где-то справа. Свет просачивался сквозь веки тусклым, маслянистым пятном, и я не могла понять, день сейчас или ночь. Потом запах — дым, дерево, воск и что-то ещё, тяжёлое, пряное, чужое.

Я попыталась открыть глаза. Веки не слушались. Я попыталась пошевелить рукой — пальцы не отозвались. Я не чувствовала тела. Оно было где-то далеко, за слоем ваты, которым меня накрыли, и я не могла пробиться сквозь него, чтобы понять, жива ли я вообще, или мне только кажется, что я ещё мыслю.

— Очнулась?

Голос прозвучал справа — низкий, насмешливый, и я узнала его раньше, чем смогла повернуть голову.

Эйнар.

Он сидел в кресле у камина, нога на ногу, с бокалом в руке, и смотрел на меня с тем же ленивым выражением, с каким разглядывал товар на аукционе. Я лежала на кровати — не на той, где были наручники, а на другой, поменьше, застеленной белым бельём, — и не могла даже приподнять голову, чтобы посмотреть на него в ответ.

— Что ты со мной сделал? — выдохнула я. Голос вырвался хриплым, сдавленным, будто я говорила сквозь слой земли.

— Обезболивающее заклинание, — ответил он, отпив глоток. — Ты не чувствуешь тела, потому что я не хочу, чтобы ты чувствовала спину, пока она заживает. Ты не умрёшь, не истечёшь кровью и не сойдёшь с ума от боли. Можешь даже сказать „спасибо“. Я подожду.

— Пошёл ты.

Голос сорвался — сначала хрип, потом сиплый выдох. Но злость в нём была настоящей, тлеющей, готовой рвануть, если я найду силы.

Он усмехнулся, не обидевшись. Отпил ещё глоток, глядя на меня поверх бокала.

— Остроумно. Прямо в яблочко. Я запишу где-нибудь, чтобы потом перечитать. Но, рыжая, не забывай, кто вытащил тебя с того света. Я спас тебя от Гримма, от смерти, от заражения крови, и вот благодарность. Скромная, но я привык.

— Ты меня купил. — Я сглотнула, в горле пересохло. — Это не спасение. Ты просто забрал меня себе.

— Купил, — повторил он, пробуя слово на вкус. — Звучит как про товар. А я заплатил целое состояние. Восемнадцать тысяч, если ты забыла. Ты теперь моя инвестиция. Так что будь добра, окупайся.

Я попыталась двинуть рукой — пальцы только дрогнули, и я почувствовала, как перехватывает горло от собственного бессилия. Он смотрел, как я бьюсь, и не вмешивался.

— Ты купил меня… как скотину на базаре… — выдохнула я, чувствуя, как голос срывается.

— Обижаешь. — Он сделал ещё глоток, не сводя с меня взгляда. — Скотину не украшают браслетами и не лечат обезболивающими. Тебя я собираюсь использовать по высшему разряду.

— Я тебя ненавижу, — прошептала я, и это прозвучало почти как молитва.

Он улыбнулся — медленно, лениво, как кот, наевшийся сметаны.

— Ненависть — это уже чувство. Значит, я тебя задел. Прогресс. Обычно на это уходит неделя, а ты уже на втором дне. Я начинаю верить, что не зря заплатил восемнадцать тысяч.

— Ты сдохнешь один, и я буду смеяться, когда это случится, — выдохнула я, чувствуя, как слёзы бессилия обжигают глаза.

Он коротко засмеялся.

— Возможно. Но ты этого не увидишь — ты будешь слишком занята тем, чтобы развлекать меня до самого конца. А теперь хватит. Ты утомилась.

— Нет… не смей… — Я попыталась дотянуться до него рукой, но тело не слушалось.

— Ты ещё слаба, — сказал он, глядя, как мои глаза закрываются. — Я дам тебе отдохнуть. Завтра поговорим, когда ты сможешь хотя бы сидеть. А пока — спи.

Я провалилась обратно в беспамятство — без снов, без мыслей, только пульс в ушах. Последнее, что я слышала, был его голос, уже издалека:

— Поправляйся. Ты мне нужна живой и в сознании. Это приказ.

2

Второе пробуждение было не таким, как первое. На этот раз я не проваливалась в темноту — я вынырнула из неё рывком, как из глубокой воды, и несколько секунд просто лежала, глядя в незнакомый потолок и пытаясь собрать мысли в кучу.

В комнате было тихо. Свет пробивался сквозь узкое окно с толстыми решётками, падая на пол длинной серой полосой. Я медленно приподняла голову — получилось. Тело всё ещё казалось чужим, но уже не ватным. Я чувствовала боль. Она пульсировала в спине глухой, ровной волной, но не острой — как тяжёлый синяк, который ноет при каждом движении.

Я села, опираясь на руки, и перевела дыхание. И тут я заметила это.

На правом запястье, чуть выше кисти, лежал широкий серебряный браслет. Гладкий, холодный, плотно облегающий кожу. Я провела по нему пальцами, и внутри меня оборвалось что-то важное.

Я смотрела на него, и меня захлестнуло узнавание. Такие же браслеты я видела на запястьях других рабынь. Тогда я смотрела на них с ужасом и облегчением — не я, не я, не я. Теперь он был на мне. Он сидел так плотно, что под него не просунуть и палец, и я поняла, что это не украшение. Это ошейник, только на руке. Знак того, что я больше не принадлежу себе.

Я попыталась сдвинуть его — бесполезно. Дёрнула сильнее — металл только глубже впился в кожу, вызывая ощущение тошноты и клаустрофобии.

— Теперь ты моя, — прошептала я, и эти слова оказались горше любой боли, что я пережила в этом месте.

Комната вокруг была не той роскошной спальней, где Эйнар предложил мне свою „сделку века“. Обстановка здесь была проще: узкая кровать, деревянный стул у стены, платяной шкаф, пустой камин. Дверь — тяжёлая, дубовая, без ручки с внутренней стороны. Более скромная, почти спартанская. Видимо, место, где держат рабынь, когда хозяин не развлекается.

Я спустила ноги с кровати и попробовала встать. Спина отозвалась болью — зубы сжались, но ноги выдержали. Я сделала несколько шагов к двери, чувствуя, как под ступнями холодит камень. Дверь не поддалась. Я толкнула её плечом — ни щелчка, ни люфта. Заперто.

Я перевела взгляд на окно. Подошла ближе и вгляделась в стекло.

Снаружи кипела работа. Строили новую пристройку к Цитадели — я узнала очертания западного крыла, где поднимали новые стены. Рабочие сновали с вёдрами камня, таскали доски, кто-то кричал команды сверху. Пыль стояла столбом.

Я рассеянно наблюдала за ними, просто чтобы отвлечься хоть на что-то, как вдруг среди этих фигур я заметила одного.

Он стоял у лесов, чуть в стороне от остальных, с доской на плече. Светлая макушка, знакомая походка, разворот плеч — моё сердце пропустило удар. Я отодвинула занавеску и прильнула к стеклу, пытаясь разглядеть его лицо сквозь пыль и потёки.

И в этот момент он поднял голову.

Остановился, выпрямился и посмотрел прямо на окно, за которым стояла я. На секунду мне показалось, что он меня заметил — что его взгляд встретился с моим сквозь мутное стекло, и он узнал меня. Я слышала собственный пульс и стояла, боясь дышать.

Но в этот момент за моей спиной раздался щелчок замка.

— Проснулась, я смотрю. Хорошо. Значит, спина заживает.

Я дёрнулась, отпуская занавеску, и повернулась к нему.

Эйнар стоял на пороге и смотрел на меня с той же ленивой, сытой усмешкой.

Сомнение осталось висеть в воздухе — я не успела убедиться, точно ли это был Кайл, и заметил ли Эйнар, куда я смотрела. Но внутри уже билась надежда, которую я боялась признать даже себе.

3

— Как себя чувствуешь? — спросил он, остановившись в шаге от меня. В голосе не было заботы — только дежурное любопытство хозяина, проверяющего состояние вещи.

— Прекрасно, — ответила я, глядя в стену. — Лежу у тебя в комнате, на руке рабский браслет, спина горит. Всё просто замечательно.

— Я не про спину спрашиваю, — сказал он ровно. — Ты сама выбрала этот путь.

Я развернулась к нему.

— Я не выбирала. Я не хотела, чтобы меня пороли и продавали, как скотину.

— Ты отказалась от сделки, — напомнил он спокойно, глядя на меня без тени сомнения. — Я предлагал тебе ночь взамен на молчание. Ты послала меня. И вот результат.

— Я не проститутка, Эйнар.

— Я и не говорил, что ты проститутка, — поправил он, чуть склонив голову. — Платить я тебе точно не собирался. Я предлагал тебе выбор. Ты выбрала плеть. Я не заставлял тебя идти на экзекуцию. Я не тащил тебя в зал силой. Ты сама пошла. Ты отказалась от единственного способа избежать этого. Так что не надо рассказывать мне, что ты жертва обстоятельств. Твоя гордость дорого тебе стоила.

— Я не желаю с тобой спать! — выкрикнула я, чувствуя, как в голосе прорезаются слёзы злости. — Ни сегодня, ни завтра, ни в обмен на что-либо.

— Спать? — Он усмехнулся коротко, одними губами. — Я тебе и не предлагал спать. Если хочешь точных формулировок — я предлагал тебе трахаться. Я бы получил что хотел, кончил и на следующий день забыл бы о твоём существовании. Но ты отказалась. И вот результат. На будущее знай, я никогда не угрожаю попусту.

— Ты — чудовище, — выдавила я, чувствуя, как от его слов сводит горло.

— Я лишь предложил тебе сделку, — поправил он. — Ты бы сейчас сидела в своей комнате, целая и невредимая, если бы сказала „да“. Но ты сказала „нет“. Твоё упрямство стоило тебе спины, свободы и права распоряжаться собой. Если хочешь кого-то винить — вини своё упрямство.

— Заткнись! — выкрикнула я, чувствуя, как подступают слёзы бессилия.

— Наговорилась? — холодно спросил он, выдержав паузу. — Теперь — ложись на кровать. Я должен осмотреть твою спину.

— Не прикасайся ко мне.

Он вздохнул — коротко, с лёгким раздражением — и щёлкнул пальцами.

Браслет на моём запястье дёрнулся. Металл, секунду назад сидевший неподвижно, вдруг сжался, впиваясь в кожу, и по руке от запястья до локтя ударила резкая, обжигающая боль — будто по кости провели раскалённой иглой. Я вскрикнула и согнулась, хватая запястье здоровой рукой.

— Первое и последнее предупреждение, — сказал он, глядя на меня сверху вниз. — Ты думала, эти браслеты только для красоты? Нет, рыжая. Они для того, чтобы рабыни помнили,

что их воля ничего не стоит. Ты можешь рычать, царапаться и кусаться, но в любой момент я могу напомнить тебе, кто здесь хозяин. Ложись на кровать. Сейчас.

Боль в запястье отдавала в плечо. Я стиснула зубы, но тело уже слушалось его, а не меня. Я легла на живот, уткнувшись лицом в подушку, и зажмурилась, стараясь не думать о его руках на своей спине.

Он сел на край кровати, и я почувствовала, как его пальцы коснулись моего плеча — прохладные, уверенные, без лишней нежности. Он отодвинул ткань ночной сорочки, обнажая спину от шеи до поясницы.

— Синяки глубокие, — сказал он, скорее себе, чем мне. — Но швы не разошлись. Кожа вокруг чистая. Повезло, что у тебя хорошая свёртываемость.

Его пальцы скользили вдоль позвоночника, касаясь самых чувствительных мест, и вдруг я почувствовала тепло. Не жар от боли, а мягкое, глубокое, расходящееся от его ладоней по всей спине. Мышцы, скованные болью, начали расслабляться, и я невольно выдохнула — тихо, сквозь зубы, чтобы он не услышал.

Я повернула голову и скосила глаза в сторону трюмо, стоящего в углу. В мутном стекле я увидела отражение: кончики его пальцев светились синими искрами. Они потрескивали, как крошечные молнии, разбегаясь по коже.

— Что ты делаешь? — спросила я, не скрывая настороженности.

— Ускоренное заживление, — ответил он, вжимая пальцы в самую глубокую рану. — Через пару дней на твоей спине не останется и следа. Через неделю никто не поверит, что тебя пороли.

— Надо же, — усмехнулась я. — Ты не только лазаешь по чужим головам, но ещё и целитель. Хоть какая-то польза.

— Я бы не назвал это целительством, но если тебе ближе эта формулировка, называй так. А вообще у меня много талантов. И о некоторых из них ты узнаешь совсем скоро.

— Скромность в их число явно не входит, — проворчала я.

Он фыркнул и продолжал водить руками по спине, неторопливо, методично. Тепло расходилось по коже, снимая боль, расслабляя мышцы, унося напряжение. Это было успокаивающе — настолько, что я почти забыла, чьи руки это делают.

Но через минуту он наклонился ближе и тихо, почти интимно, добавил мне в ухо:

— Знаешь, в чём разница между мной и Экзекутором? Он — дилетант. Он бьёт, чтобы причинить боль, и останавливается, когда она становится невыносимой. А я, когда буду тебя пороть — а я буду, — буду растягивать каждое мгновение так, чтобы ты чувствовала не просто боль, а её предвкушение. Страх перед следующим ударом. Полную потерю контроля. И твои мысли будут заняты только тем, когда это кончится. А я буду решать, когда это кончится. Полный контроль — вот что я люблю в наказании. Сначала ты будешь бояться, потом тебе понравится, а потом будешь просить ещё.

Я вздрогнула и попыталась встать, но он тут же прижал меня к кровати ладонью, надавив на поясницу.

— Лежать. Я ещё не закончил.

Я уткнулась лицом в подушку, сжав её руками, чтобы заглушить рвущийся наружу крик. Тело била дрожь, но освободиться не получалось — он держал крепко.

Эйнар продолжил водить руками по спине, но теперь каждое его прикосновение отдавалось не только в мышцах — внизу живота разливался горячий, тягучий спазм. Я ненавидела себя за эту реакцию, но ничего не могла с ней поделать: моё собственное тело предавало меня, откликаясь на его прикосновения, и он знал это.

4

Он закончил водить руками по спине, и на мгновение я почувствовала облегчение — думала, что всё кончилось. Но он не убрал ладони. Он скользнул ими по бокам вниз, к талии, и вдруг резко перевернул меня на спину.

Я не успела среагировать. Лопатки коснулись простыни, и он тут же навалился сверху, вжимаясь бёдрами в мои, придавливая весом тела к кровати. Я оказалась зажата между его грудью и матрасом, и воздуха стало резко не хватать.

— Отпусти меня, — прошипела я, упираясь ладонями ему в грудь.

Он даже не качнулся.

— Нет.

Я рванулась, пытаясь выскользнуть, но он держал крепко. Я брыкнулась ногой — он перехватил лодыжку и прижал коленом к постели. Я попыталась ударить его свободной рукой — он перехватил запястье и завёл мне за голову, фиксируя.

— Трахаться я с тобой пока не собираюсь, — сказал он, нависая надо мной. — Но ты должна понять одну вещь, и прямо сейчас. Ты больше не принадлежишь себе. Твоя жизнь, твоё тело, твои мысли — с сегодняшнего дня всё это моё. Я купил тебя за восемнадцать тысяч золотых, и я вправе делать с тобой всё, что захочу. И если я захочу выебать тебя прямо сейчас — я сделаю это. И никто, ни одна живая душа в Цитадели, даже не шелохнётся, чтобы тебя защитить. Ты поняла это?

— Пошёл ты, — выдохнула я, пытаясь вырвать запястье.

— Упрямая, — он почти восхищённо покачал головой. — У тебя есть именно то, что я в тебе купил. Ладно, посмотрим, научила ли тебя жизнь хоть чему-то. У тебя есть два варианта: либо ты сдаёшься прямо сейчас, либо получаешь отсрочку — сорок восемь часов, а на третий день сама приходишь ко мне. Не придёшь — я трахаю тебя сейчас, а когда закончу, отдаю охране. И пусть они повеселятся. Если выживешь — продам Гримму со скидкой, конечно, потому что девственницей ты уже не будешь.

Он говорил это спокойно, почти буднично, и от этой спокойной интонации мне становилось страшнее, чем если бы он кричал.

Я замерла. Слова не шли. Злость всё ещё кипела, но где-то внутри, под ней, разрастался холодный, липкий страх.

— Мне нужна живая, а не мёртвая рабыня, — добавил он, чуть ослабляя хватку. — Но я прекрасно переживу, если ты будешь сломана. Двадцать ударов плетью я тебе обеспечил, а сейчас я даю тебе альтернативу снова. Смотри, как я щедр. Отсрочка выглядит так: я оставляю тебя в покое ровно на сорок восемь часов. За это время твоя спина заживёт. А на третий день, вечером, ты сама приходишь в мою спальню и делаешь всё, что я скажу. Без сопротивления, без „нет“, без криков.

— А если я не приду?

— Если не придёшь — я исполню свою угрозу. Гримм будет рад получить тебя даже выебанную во все дырки. Даю слово.

Он говорил это так, будто обсуждал погоду, и в каждом его слове звучала уверенность, что я не посмею ослушаться.

Я молчала. Где-то внутри, под слоем злости и омерзения, я понимала, что он не блефует. Он сделает это. Изнасилует прямо сейчас, отдаст охране, а потом продаст Гримму.

— Хорошо, — выдавила я, глядя в стену. — Я согласна на отсрочку. Я приду к тебе.

Он не усмехнулся, не выказал удовольствия. Только прищурился и чуть отодвинулся, освобождая мне пространство.

— Рад, что у тебя осталась хоть капля мозгов. Но я должен убедиться, что ты не лжёшь. Мне нужно доказательство твоей покорности. Сейчас.

Я посмотрела на него, не понимая, о чём он.

— Что ты имеешь в виду?

Он выдержал паузу, давая мне осознать, а затем сказал ровно, не повышая голоса:

— Ты встанешь на колени и сделаешь мне минет. Будешь сосать мой член, пока я не кончу тебе в рот. И проглотишь всё, не проронив ни капли. Это будет твоё первое доказательство того, что ты приняла мои условия.

Я застыла. Смотрела на его лицо, надеясь, что неправильно расслышала, хотя знала: он сказал то, что сказал. И у меня не было выхода.

5

Я стояла на коленях, и каменный пол холодил кожу сквозь тонкую ткань рубашки. Эйнар стоял передо мной. Я смотрела на него и не могла пошевелиться.

— Я не умею, — выдавила я, чувствуя, как голос дрожит.

— Вот и отлично, — ответил он, расстёгивая ремень. — Начнём обучение, тебе придется часто это делать, так что привыкай. Ты будешь учиться сосать, пока не научишься или пока не захлебнёшься. Мне оба варианта подходят.

Он медленно вытащил член из брюк — твёрдый, набухший, с тёмно-розовой головкой, блестящей от предэякулята. Кожа на стволе была натянута, прожилки вздулись, и от него исходил тёплый, мускусный запах, тяжелый и пряный. Головка смотрела прямо мне в лицо, и на её кончике выступила прозрачная капля смазки.

— Открой рот, — приказал он. — И не вздумай сжать зубы. Если я почувствую хоть один зуб — получишь по лицу, и начнём заново.

— Он не поместится, — прошептала я, глядя на его член. Он был толстым, длинным, с выступающими венами, и я физически не представляла, как смогу взять его в рот.

— Поместится, — сказал он, беря себя в руку и проводя головкой по моим губам. Вкус смазки попал на язык — солоноватый, с лёгкой горчинкой. — Соси давай, шлюха. Я не спрашиваю. Открой рот.

Я разжала челюсти. Головка скользнула внутрь, заполняя рот, упираясь в нёбо. Он вошёл слишком резко, и я дёрнулась, пытаясь отстраниться, но его рука уже легла мне на затылок, пальцы зарылись в волосы, фиксируя голову.

— Соси, — приказал он, подаваясь бёдрами вперёд. — Работай языком, дрянь. Если я не кончу через десять минут — начну тебя трахать в рот так, что ты забудешь, как дышать. Не смей останавливаться.

Я попыталась дышать носом, но он заполнял весь рот, и мне показалось, что я вот-вот захлебнусь. Член скользил по языку, ударяя в нёбо, и я чувствовала, как он пульсирует, как набухает с каждым толчком. Вкус предэякулята становился сильнее — солоноватый, чуть сладковатый, с металлическим оттенком.

Я захлёбывалась, пыталась отползти, но он держал крепко, насаживая меня на член снова и снова. Глубокие толчки проталкивали головку в горло, и я почувствовала, как рвотный рефлекс сжал пищевод — горло сдавило, мышцы напряглись, но он не остановился. Он замер на мгновение, давая мне привыкнуть к ощущению чужой плоти, перекрывающей дыхание, а потом снова начал двигаться, растягивая гортань, заставляя её расслабиться.

— Привыкай, — выдохнул он сверху. — Твой рот теперь моя собственность, и я буду пользоваться им, когда захочу.

— Пожалуйста, — выдохнула я, когда он на секунду ослабил хватку, — дай мне передохнуть…

— Ты будешь сосать, пока я не скажу «хватит». И будешь благодарна, что я вообще разрешаю тебе дышать. А теперь работай языком, или я войду глубже.

Он не останавливался. Продолжил трахать мой рот длинными, глубокими толчками, задавая ритм рукой, и я покорно принимала каждый удар. Член скользил по языку, упираясь в заднюю стенку горла, и я слышала влажные, чавкающие звуки, когда слюна смешивалась со

смазкой и вытекала по подбородку. Щёки втягивались при каждом движении, создавая вакуум, и я чувствовала, как головка расширяется, проходя через самое узкое место гортани.

— Вот так, — выдохнул он, ускоряясь. — Хорошая дырочка. Надеюсь, ты не думала, что наш уговор на два дня касается твоего рта?

— Ты сказал, что не тронешь меня, — выдавила я сквозь сжатое горло.

— Я сказал, что не буду тебя трахать, — поправил он, вбиваясь глубже. — А рот — это не трах. Это тренировка. У тебя ещё будет возможность показать, насколько ты покорна, когда я решу, что пора трахнуть тебя по-настоящему.

Постепенно страх отпустил, и я поймала ритм, втягивая щёки, обводя головку языком, проводя по уздечке снизу, чувствуя, как он твердеет ещё сильнее, как набухают вены на стволе. Слёзы текли по щекам, смешиваясь со слюной, и я слышала только влажные звуки и его тяжёлое дыхание сверху.

— Хорошо, — выдохнул он почти хрипло. — Так, ещё немного. Бери глубже, или я заставлю тебя силой.

Он надавил на затылок, и я погрузилась лицом в его пах, чувствуя, как член целиком заполняет горло — волосы касались моего носа, и я не могла дышать, пока он не ослабил хватку на мгновение, давая глотнуть воздуха.

— Скажи, что хочешь, чтобы я кончил тебе в глотку. Скажи это, или я остановлюсь, и выбора у тебя не будет.

— Я… хочу, чтобы ты кончил… — выдавила я, задыхаясь, чувствуя, как каждое слово режет горло.

— Громче, — приказал он, сжимая волосы. — Я не расслышал.

— Я хочу, чтобы ты кончил мне в горло, — повторила я, и слова жгли язык хуже любой соли. Он тихо застонал, ускоряясь, вбиваясь короткими, жёсткими толчками, и я чувствовала, как член набухает перед оргазмом, как пульсирует, готовый извергнуться.

— Проглоти всё, что я дам, — простонал он. — Если разольёшь хоть каплю — будешь слизывать с пола.

Он кончил мне в горло — глубоко, горячими толчками, и я почувствовала, как густая, солёная жидкость заливает пищевод, стекая в гортань обжигающей волной. Сперма была тёплой, тягучей, с горьковатым привкусом, и я сглатывала раз за разом, чувствуя, как она проталкивается внутрь, обволакивая горло.

— Глотай, — приказал он, выходя. — Всё до капли.

Я проглотила, чувствуя, как сперма проскальзывает в пищевод, но остатки смешались со слюной и вытекли изо рта на пол — белой, тягучей лужицей на каменных плитах.

Я сплюнула и вытерла губы тыльной стороной ладони.

Он ударил меня по щеке. Звук пощёчины разнёсся по комнате, и голова мотнулась в сторону. Кожа на скуле загорелась, в ухе зазвенело.

— Не смей выплёвывать мою сперму, — сказал он, приблизившись. — Ты не имеешь права решать, что оставлять, а что нет. Всё, что внутри тебя, принадлежит мне. Слижи это с пола. Сейчас же.

Я смотрела на белую лужицу на каменном полу — густую, маслянистую, с вкраплениями слюны, — и чувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

— Нет, — выдавила я, отползая.

Он шагнул ко мне, схватил за волосы и рванул вниз, прижимая моё лицо к полу.

— У тебя есть выбор, шлюха. Ты либо слизываешь это, либо я натягиваю тебя на член прямо здесь. Выпорю до крови. Потом отдаю охране, они пустят тебя по кругу. А если выживешь — Гримм купит тебя за бесценок. Я сказал «слижи», значит слижи. Ты поняла?

Я смотрела в пол, чувствуя, как слёзы катятся по щекам. Медленно я опустила голову к лужице и коснулась её языком.

Вкус был горьким, солёным, с неприятным металлическим оттенком. Белая густая жидкость обволакивала язык, тянулась нитями к губам, и я слизывала раз за разом, пока камень не стал чистым. Язык скреб по шероховатой поверхности, собирая последние следы спермы, и я чувствовала, как во рту остаётся привкус горечи и соли.

Я подняла голову и посмотрела на него с мокрым от слёз и слюны лицом. В его взгляде мелькнуло удовлетворение, смешанное с голодом. Привкус не уходил, сколько бы я ни сглатывала. Внизу живота разливалось странное, тяжёлое тепло — не ответ на ласку, а что-то более тёмное, то, что появлялось не от удовольствия, а от унижения. Пульс бился внизу, соски тёрлись о ткань рубашки, становясь твёрже с каждым ударом сердца. Я ненавидела себя за эту реакцию, но ничего не могла с ней поделать.

Эйнар следил за мной — внимательно, не пропуская ни одного движения. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на припухших губах, спустился ниже, к груди, где проступили затвердевшие соски.

— Встань, — сказал он.

Я поднялась. Он опрокинул меня на кровать, и я почувствовала, как матрас пружинит под спиной. Он встал между моих ног, развёл мои колени широко, почти до боли, и я осталась лежать перед ним открытая, беззащитная, чувствуя, как холодный воздух касается влажной кожи между ног.

— Ты обещал не трогать меня два дня, — напомнила я, заслоняясь руками.

— Обещал не трахать, — поправил он, разводя мои колени. — А это совсем другое. Сейчас я буду тебя лизать, и ты будешь лежать смирно. Наслаждайся, рыжая.

Он развёл складки пальцами — большим и указательным, открывая меня целиком, и я почувствовала, как влажный воздух комнаты касается самого интимного места. Клитор, набухший и твёрдый, дёргался в такт сердцу, выступая из складочек, готовый к прикосновению.

Он наклонился и провёл языком снизу вверх — от входа, через всю длину щели, до самого клитора. Я дёрнулась, вцепившись в простыни, чувствуя, как горячий, влажный язык скользит по коже, оставляя за собой дорожку слюны, которая тут же начала остывать на разгорячённой плоти.

Он обвёл клитор круговым движением — медленно, смакуя, нажимая ровно настолько, чтобы я выгнулась, но не настолько, чтобы дать облегчение. Я закусила губу, пытаясь не застонать, но тело само подавалось бёдрами навстречу его рту. Он взял клитор в рот целиком, втянув его, и начал сосать — ритмично, глубоко, чередуя с короткими, быстрыми касаниями языком по самому чувствительному месту.

Я слышала, как он дышит через нос, как слюна чавкает при каждом движении. Внизу живота нарастал жар, тугой узел, который затягивался с каждой секундой. Он опустился ниже, проникая языком внутрь меня — глубоко, насколько позволяла длина, скользя по передней стенке, нажимая на то место, от которого ноги начинали дрожать. Я выгнулась, и он в ответ нажал сильнее, входя и выходя, имитируя ритм толчков.

— Ты вкусная, — выдохнул он, на секунду отрываясь, и я почувствовала его дыхание на мокрой коже, прежде чем он снова взял клитор в рот.

Я перестала сдерживаться. Стон вырвался сам — низкий, тягучий, и я почувствовала, как низ живота начинает отвечать в ритме его языка. Спазмы подходили всё ближе к разрядке. Я была на грани, когда он вдруг остановился, оторвался от меня и выпрямился.

— Всё, — сказал он, вытирая губы тыльной стороной ладони, на которой блестела моя влага. — Ты свободна. Можешь идти к своей крысе.

Я лежала, тяжело дыша, чувствуя, как ноет клитор вхолостую — набухший, неудовлетворённый, требующий завершения. Каждая клетка тела вибрировала от нерастраченного возбуждения, и во мне поднималось тёмное, злое разочарование, которое я отказывалась призна-

вать, но которое разъедало меня изнутри. Я ненавидела его за эту остановку — и ненавидела себя за то, что хотела продолжения.

— Не смотри так возмущенно, рыжая, — ухмыльнулся Эйнар, застегивая брюки.

— Через два дня я жду тебя в этой комнате. Восьмой удар колокола. Не опаздывай. Теперь иди. Охрана проводит тебя в твою комнату.

Я встала, чувствуя, как ноют мышцы. Рубашка прилипла к спине, влажная от пота.

— Если будешь хорошо себя вести, — добавил он, уже у двери, — будешь получать нормальную одежду и сможешь посещать занятия. Ты моя рабыня, а не ученица, но раз уж ты здесь, можешь продолжить обучение магии. Потенциал у тебя есть. И не только в ней. — Он плотоядно ухмыльнулся.

Я кивнула, боясь открыть рот. Слова застряли в горле, и я чувствовала, как внутри поднимается странное, болезненное разочарование от того, что он остановился. От того, что мне понравилось. Понравилось настолько, что я хотела ещё.

Я вышла и несколько минут стояла в коридоре, прижимая руки к груди, и не знала, что со мной происходит. Я должна была ненавидеть его больше всего на свете, но тело всё помнило и жаждало продолжения, а внутри разрасталась пустота, которую я не умела назвать. Жар, который он разбудил, требовал выхода и нашёптывал признание, которое я не могла произнести вслух.

6

Я вошла в комнату и закрыла за собой дверь, прислонившись к ней спиной, пока колени не перестали дрожать.

— Ровена!

Морана вскочила с кровати и подбежала ко мне, схватив за плечи. Я почувствовала, как её пальцы впиваются в кожу, разворачивая меня к свету, вглядываясь в лицо.

— Ты вся дрожишь. Что он сделал? Что с твоей спиной? Он тебя бил? — Она говорила быстро, почти задыхаясь, и я видела, как её глаза бегают по моему лицу, ища следы побоев.

Я не выдержала и разрыдалась, уткнувшись ей в плечо. Она обхватила меня, прижала к себе и гладила по голове, пока я плакала, не в силах сказать ни слова.

— Тише, — шептала она. — Ты здесь. Ты вернулась. Всё остальное переживём.

Я плакала долго, пока слёзы не кончились, и только тогда смогла говорить.

— Он осмотрел мою спину, — начала я, вытирая лицо. — Лечил её. Синие искры, тепло. Сказал, что через пару дней заживёт. А потом… он перевернул меня и сказал, что я должна понять, что теперь я его вещь.

Я замолчала, подбирая слова.

— Он дал мне выбор: изнасиловать меня сейчас, а потом отдать охране, а после — Гримму. Или… два дня покоя, а на третий я сама прихожу к нему, и он делает со мной всё, что захочет.

Я не сказала про минет. Про то, как стояла на коленях, пока он трахал меня в рот, как слизывала его сперму с пола, как он довёл меня языком почти до оргазма и бросил, ноющую от возбуждения. Слова застревали в горле, и я просто кивнула, когда Морана спросила: «Ты согласилась?»

— Да, — сказала я, и в горле защипало от стыда. — У меня не было выбора.

Морана сжала мою руку.

— Ты правильно сделала. Ты бы не пережила того, что он обещал. Я знаю, он не шутит.

— Он заставил меня пообещать, что я приду. Сказал, что иначе продаст меня Гримму.

Морана помрачнела, но ничего не сказала.

Я замолчала, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам. Морана обняла меня крепче, и мы сидели, слушая, как ветер гуляет за окном.

— Ты не виновата, — сказала она тихо. — Ты сделала то, что должна была, чтобы выжить.

— Я знаю, — ответила я, но внутри меня грызло чувство, что я предала себя.

В дверь постучали. Морана напряглась, но я уже знала, кто это. Прислуга — девушка в сером платье, с опущенными глазами, — внесла стопку одежды. Платья. Не те серые мешковатые формы, а нормальные: тёмно-синее шерстяное, тёмно-зелёное с узором, и одно светлое, почти белое с вышивкой. Поверх платьев лежала коробка со сладостями — засахаренные фрукты, марципан, шоколад.

— От хозяина, — сказала девушка, не поднимая глаз, и вышла прежде, чем я успела спросить, что это значит.

Я смотрела на подарки, и внутри всё сжималось от двусмысленности. Платья были красивыми, сладости — такими, каких я в жизни не пробовала. И в то же время они напоминали мне, что я теперь вещь, что даже одежда на мне — не моя.

— Красиво, — сказала Морана, рассматривая вышивку на белом платье. — Но не обольщайся. Это не забота. Это способ сказать, что он может дать тебе всё, но при этом оставить ни с чем. Он даёт тебе надежду, чтобы потом было больнее отбирать.

Я провела пальцем по гладкой ткани, и подушечка пальца запомнила дорогой шёлк.

— Ты думаешь, всё это — ловушка?

— Уверена. — Морана взяла коробку со сладостями, открыла её, понюхала и отставила в сторону. — Я знаю этот почерк. Сначала ласка, потом — удар. Всё, что он даёт, имеет цену. И эту цену будешь платить ты.

Я смотрела на платья, чувствуя, как внутри поднимается тошнотворное возбуждение. Вспомнила, как его язык скользил внутри меня, как чавкала слюна, как он дразнил клитор, останавливаясь на грани — и как моё тело горело, прося продолжения, когда он уже стоял, поправляя ширинку. Я ненавидела себя за это воспоминание, за тяжесть внизу живота, которая накатывала волнами от одного взгляда на мягкую ткань платья.

Я не могла отделаться от мысли, что часть меня хочет надеть одно из этих платьев и пойти к нему в назначенный срок — не потому, что он заставляет, а потому, что мне хочется снова почувствовать, как он смотрит на меня. Я ненавидела себя за эту мысль и пыталась заглушить её, перебирая пальцами складки платья, но возбуждение не проходило — тёплое, ноющее, сжимающее низ живота сладкой судорогой надежды на что-то большее, что я не могла даже назвать.

Морана смотрела на меня с сочувствием и пониманием, но я молчала. Я не могла рассказать ей, что случилось на самом деле — слова застревали в горле от стыда, и я просто обняла её, делая вид, что всё уже позади. Вечер опустился на комнату серым полумраком, и мы зажгли свечу.

— Что бы ни случилось через два дня, — сказала Морана, — я буду рядом.

Я сжала её руку. Надежда, тёплая и хрупкая, всё ещё была у меня внутри — нелепая, вопреки всему. Я представила, как надену белое платье и приду в назначенный срок, не по принуждению, а по своей воле. И от этой мысли по телу прокатился жар, который не утолить ни слезами, ни стыдом.

7

Три удара, пауза, ещё три.

Я проснулась от стука и сначала решила, что это ветер, ветка, случайный звук. Но он повторился: настойчивый, дробный, ровный. Кто-то бил в стекло. Я приподнялась на локте, прислушиваясь. Звук шёл от окна.

В комнате было темно. Морана спала, отвернувшись к стене, и дышала ровно. Луна пробивалась сквозь щель в занавесках, роняя на пол серебристую полосу. Я встала, накинула халат и подошла к окну, чувствуя, как сердце частит.

Отдёрнула ткань и замерла.

На подоконнике, с той стороны стекла, сидел ворон. Крупный, чёрный, с клювом, поблёскивающим в лунном свете. Он наклонил голову и посмотрел на меня — чёрные глаза-бусины, в которых, как две бездны, отражался лунный диск. Перья его отливали синевой, когда он шевелился, и он переступал с лапы на лапу, будто теряя терпение. Клюв дважды стукнул по раме, громче, требовательнее.

Я стояла, не в силах пошевелиться. Несколько мгновений я смотрела на него, и между нами было только стекло и дрожащая тишина. Я узнала этот стук — птицу учили стучать трижды, чтобы тот, кто ждёт весть, выглянул наружу и взял её.

Я отодвинула защёлку и открыла створку. Ночной воздух ворвался холодом, ударив по щекам и шее, и ворон, не дожидаясь приглашения, шагнул внутрь. Он сел на подоконник, сложил крылья и уставился на меня, склонив голову набок, разглядывая моё лицо так же пристально, как я разглядывала его. Вблизи его размер оказался внушительным — лапы, твёрдые как ветки, сжимали деревянный край, и запах от него шёл — ночи, пыли, свободы.

Я протянула руку, и ворон позволил коснуться себя — перья скользнули под пальцами гладкими, как шёлк, но сама птица мелко дрожала. В этот момент я заметила на его правой лапке узкий кожаный ремешок, а к нему — крошечный свиток, свернутый в трубочку, перевязанный тонкой ниткой.

Я отвязала ремешок, осторожно, боясь спугнуть, и развернула бумагу пальцами, дрожавшими от предчувствия. Ворон коротко каркнул, встряхнулся всем телом и перелетел к открытому окну, задержавшись на миг в оконном проёме. Затем исчез в тени какой-то башни, и я осталась одна с запиской в руках.

Бумага была тонкой, грубой, сложенной в несколько раз. Почерк — торопливый, кривоватый, с округлыми буквами, которые я узнала сразу.

«*Ровена. Это я, Кайл. Я рядом. Я видел тебя в окне. Знаю, что ты жива, и я знаю, где ты. Птица обучена, она будет приносить тебе весточки от меня. Я найду способ вытащить тебя отсюда. Жди. Я приду. Не теряй надежду.*»

Я перечитала записку три раза, впитывая каждую букву. Кайл. Он был здесь. Он действительно пришёл за мной. Я вспомнила, как он рассказывал о старшем брате, который держал голубятню и обучал птиц для передачи записок. Этот ворон был не случайностью — он был вестью, посланной специально для меня.

Я сжала бумагу в ладони, и внутри меня что-то разжалось — та струна, что была натянута последние дни, ослабла на миг. Я подняла взгляд на окно, за которым кружила ночь, и впервые за долгое время почувствовала, что могу выдохнуть. Где-то там, за стенами, был он — не Эйнар, не лорд Валериан, не магистр Гримм, а Кайл. Человек, который любил и помнил меня.

Но одновременно с этой мыслью в теле поднялась тёплая, тяжёлая волна — та самая, что вспыхивала при каждом воспоминании о руках Эйнара на моей спине, о его языке между ног, о его голосе, который шептал: «Через два дня». Я вспомнила его пальцы, вжимающие синие искры в раны, его рот, доводящий до грани, его приказ встать на колени. Странный, болезненный трепет внизу живота — словно память тела, предательская, настойчивая — просыпался в момент, когда я читала строчки о спасении.

Я зажмурилась, пытаясь стряхнуть это чувство, но оно сидело глубоко, под кожей, и не собиралось уходить.

— Кайл, — прошептала я в тишину.

И в ту же секунду представила, как на третий день, когда колокол пробьёт восемь, я надену белое платье, подаренное Эйнаром, и пойду к нему сама — не по принуждению, а потому, что часть меня хочет этого. Часть меня хочет почувствовать, как его руки снова сжимают мои волосы, и я ненавидела себя за это желание до такой степени, что хотела выцарапать его вместе с кожей.

Записка жгла пальцы. Свобода была так близко — и одновременно так далеко, отделённая от меня не стенами Цитадели, а тем, что я сама не знала, хочу ли я быть спасённой.

Я смотрела на бумагу в руке, и две правды рвали меня изнутри: надежда на побег, светлая и ясная, как имя Кайла, и тёмное, вязкое влечение к человеку, который купил меня, трахал мой рот и заставил слизывать его сперму с пола. И я хотела и то, и другое одновременно, хотя понимала, что это безумие. Я хотела, чтобы Кайл вытащил меня отсюда, и я хотела, чтобы Эйнар снова прижал меня к постели, развёл мои ноги и не отпустил на этот раз. Я хотела ненавидеть его и хотела чувствовать его руки на своей коже — и от этой раздвоенности кружилась голова.

Я спрятала записку в карман халата, у самого сердца, и смотрела на звёздное небо, уже не зная, чего мне ждать: побега или следующего колокола, который позовёт меня к нему.

Надежда на освобождение теплилась под пальцами, но где-то глубже, внизу живота, отзывалось эхом другое обещание — тёмное и липкое, как его сперма на языке. И обещание это принадлежало ему.

Я взглянула на луну, подёрнутую дымкой, и выдохнула.

— Я подожду, — сказала я в пустоту, не зная, кого из них я жду. — Сколько смогу.

Глава 9

Глава 8.

1

Утро выдалось серым и влажным, как и все предыдущие, но в груди у меня колотилось что-то, чего я не испытывала раньше. Я стояла перед раскрытым шкафом, и взгляд метался между серой формой, которая висела на крючке, и стопкой платьев, присланных Эйнаром.

Тёмно-синее шерстяное. Тёмно-зелёное с узором. И то, светлое, почти белое, с вышивкой по вороту — оно лежало сверху, и руки сами тянулись к нему, гладя ткань кончиками пальцев. Шёлк скользил под подушечками, прохладный и гладкий, и я представила, как он ляжет на плечи, как зашуршит при ходьбе. Как Эйнар взглянет на меня, если я появлюсь в нём.

Я сжала край платья и замерла. Сердце частило, мешая дышать.

— Ты же не собираешься это надевать? — раздался сзади голос Мораны.

Я дёрнулась, выпуская ткань. Морана стояла в дверях, опершись о косяк, и смотрела на меня с тем выражением, которое я научилась читать за последние дни — смесь тревоги и горького понимания.

— Я просто смотрела, — сказала я, но голос предательски дрогнул.

— Ты смотрела на него так, будто примеряешь. — Морана подошла ближе и встала рядом, глядя на платья. — Я знаю этот взгляд. Я видела его у Лилиан.

Я повернулась к ней.

— Что ты имеешь в виду?

— То самое. Эйнар тоже прислал ей красивое платье. В самом начале, когда она только попала в Цитадель. Она носила его как сокровище, надевала по любому поводу, даже когда в этом не было нужды. Она думала, что это знак внимания. Что он её замечает.

— И что было дальше? — спросила я, хотя внутри уже знала ответ.

— А дальше он её трахнул, выпорол и выбросил. По порядку, не обязательно в этой последовательности. — Морана говорила спокойно, глядя в стену. — Но она продолжала носить платье. Даже когда он перестал её звать. Даже когда она превратилась в тень.

Я смотрела на платья, и внутри сжималось — не страх, а тёплое и тягучее, что поднималось из живота и заставляло руки снова тянуться к шёлку.

— Расскажи мне о Лилиан, — попросила я, не оборачиваясь. — Ты никогда не говорила подробно.

Морана помолчала, и я услышала, как она выдохнула.

— Она не была рабыней Эйнара. Она сама пошла к нему. Влюбилась. По уши, как дура. Она думала, что он тоже её любит, что она для него особенная. Он брал её, когда хотел, а после она часто возвращалась избитая. Иногда плетью, иногда кулаками, иногда так, что не держалась на ногах. Но она улыбалась.

— Улыбалась? — переспросила я, не веря.

— Да. Говорила, что это от любви. Что он сильный, что он так показывает свою страсть. Она ходила с синяками и сияла. Я пыталась ей втолковать, что это ненормально, что так не любят, но она не слышала меня. Она никого не слышала.

Морана перевела взгляд на окно.

— А потом ему надоело. Он нашёл другую — может, ту же Агнес, может, кого-то ещё, и перестал звать Лилиан. Она ходила за ним по пятам, караулила у его дверей, писала ему записки. Стала бледной, молчаливой, с пустыми глазами. А потом наглоталась яда.

Я слушала, не перебивая.

— Результат ты видела сама. Теперь она ни жива, ни мертва. Сидит в комнате тридцать три, прикрученная цепью к стене, и никто не знает, слышит ли она что-то или уже нет. И всё из-за того, что она поверила в его внимание.

И всё-таки страха не было. Была липкая, тёплая волна, которая поднималась из живота при мысли, что через два дня надену одно из них и пойду к нему. Я вспомнила его пальцы на своей спине, синие искры, его язык между ног, его голос, шепчущий «через два дня». Моё тело уже знало ответ — оно хотело идти. Оно уже выбрало.

— Я не стану ею, — сказала я, и слова прозвучали тонко, почти жалобно, как попытка уговорить саму себя. — Я обещаю.

Морана стояла у окна, не оборачиваясь. Её голос прозвучал тихо, но я слышала каждое слово.

— Не обещай. Ты уже идёшь по той же дороге. Только разница между вами в том, что Лилиан хотя бы не врала себе, когда шла к нему.

Я застыла, не дыша. Слова повисли в воздухе, как удар.

— Она любила его, — продолжала Морана, не повышая голоса. — Она не притворялась, что идёт по принуждению. Она смотрела ему в глаза и говорила «да». Сама. Без браслета на руке. А ты уже придумываешь себе оправдания, чтобы не признаться, что хочешь того же.

Я хотела ответить, но слова застряли в горле. Потому что в глубине души я знала: она права. Я уже хотела надеть это платье. Я уже представляла, как иду к нему, и внутри разливался жар, который не имел никакого отношения к страху. И это было хуже любого принуждения — потому что это был мой собственный выбор.

Я вышла из комнаты. За спиной осталось молчание — тяжелее любого крика, и я знала, что уношу его с собой, куда бы ни пошла.

2

Первым занятием была теория ментальных барьеров у магистра Вивьен. Я вошла в аудиторию и села на своё обычное место, стараясь не привлекать внимания. Магистр Вивьен начала лекцию как обычно — ровным, спокойным голосом, но когда её взгляд упал на меня, он задержался на секунду дольше, чем нужно.

— Ровена, — сказала она, делая паузу. — Я вижу, ты вернулась после… — она запнулась, подбирая слово, — после событий прошлых дней. Надеюсь, ты готова продолжить обучение.

— Да, магистр, — ответила я, глядя в парту.

Она кивнула и продолжила лекцию, но я чувствовала, что теперь она смотрит на меня иначе, чем раньше. Не враждебно, а с лёгким, почти незаметным пренебрежением — как смотрят на вещь, которую уже нельзя использовать. Я больше не была для неё ученицей. Я была чужой собственностью, бесполезной. Она не тратила на меня время, не задавала вопросов, не ждала ответов. Я просто сидела в стороне, и меня терпели, потому что не могли выгнать.

Следующим был урок тёмной материи у магистра Марвейна. Он стоял у кафедры, перебирая записи, и, когда я вошла, едва взглянул в мою сторону.

— А, Ровена, — сказал он, не отрываясь от бумаг. — Ты всё ещё числишься в списке учениц, так что будем считать, что ты присутствуешь на занятиях. Если, конечно, твой хозяин тебе позволяет.

Я кивнула и села за парту. Лекция проходила как обычно, но под конец он неожиданно вызвал меня к доске. Я встала, чувствуя, как взгляды однокурсниц впиваются в спину. В классе повисла напряжённая тишина.

— Ровена, — сказал он, не глядя на меня. — Покажи нам, как ты работаешь с тёмной материей. Я знаю, у тебя был потенциал.

Я подошла к чёрному шару, стоящему на подставке, и положила на него ладони. Шар замер, не реагируя. Я попробовала ещё раз, сосредоточилась — ничего. Браслет на запястье отозвался теплом, блокируя любую магию, которую я пыталась призвать.

— Не получается, — сказала я, чувствуя, как щёки заливает краской.

— Конечно, не получается, — ответил он, и в его голосе проскользнуло разочарование. — Твой дар заблокирован. Ты бесполезна для меня теперь.

Класс зашептался. Я села на место, сжимая руки до побелевших костяшек.

Но настоящая ловушка ждала меня на лекции магистра Гримма.

Он расхаживал вдоль доски, и я сразу поняла: сегодня он будет не просто читать лекцию. Сегодня он будет охотиться.

Я сидела на задней парте, пытаясь слиться с тенью, но его взгляд нашёл меня сразу. Лекция началась как обычно: о магических контрактах, о юридических аспектах сделок.

Я сидела, стиснув руки под партой, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Гримм сделал паузу, обвёл взглядом аудиторию и остановился прямо напротив моей парты. Он улыбнулся — той маслянистой, предвкушающей улыбкой, от которой у меня сводило живот.

— Ах да, Ровена, — сказал он, повышая голос так, чтобы весь класс мог слышать. — У тебя теперь новый статус. Ты больше не ученица. Теперь ты — собственность. Живая вещь, проданная с аукциона. Расскажи нам, каково это?

Я молчала, глядя в парту перед собой.

— Ну же, не стесняйся, — настаивал он, подходя ближе. — Мы все здесь свои. Расскажи, каково это — когда тебя покупают за деньги, вешают браслет на руку и раздевают перед всем залом.

Класс затих. Я чувствовала, как взгляды девочек скользят по мне — кто-то с жалостью, кто-то с любопытством, кто-то с тем же хищным голодом, что и у Гримма.

— Вас это не касается, — выдавила я, но голос прозвучал жалко, сдавленно.

— Конечно нет, нам просто интересно, — протянул он с явным удовольствием. — Я спрашиваю вежливо, а ты грубишь. Ну ничего, хозяин скоро исправит это упущение. Я слышал, он любит долго играть с новыми игрушками. Долго и очень-очень болезненно. Для них.

Класс затаил дыхание. Я вцепилась в край парты и чувствовала, как внутри закипает что-то тяжёлое и злое — не страх, не стыд, а глухая, горячая ярость. Слова Гримма больше не ранили — они раздражали, как заноза, которую нужно выдернуть.

Я медленно подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы забываетесь, магистр Гримм, — сказала я ровно, так, чтобы слышали все. — Я не ваша собственность. Я собственность Эйнара Валериана. И если у вас есть ко мне вопросы — обращайтесь к нему. Я уверена, он будет рад обсудить с вами моё положение. Лично.

В аудитории стало тихо. Гримм дёрнулся, будто я ударила его по лицу. Его бельмо блеснуло, и он на миг потерял дар речи.

— Ты… — выдавил он, заикаясь. — Ты не смеешь мне угрожать!

— Я не угрожаю, — ответила я, не повышая голоса. — Я напоминаю. Если вам есть что сказать мне — говорите. Но имейте в виду, что каждое ваше слово может дойти до моего хозяина.

Я сказала «мой хозяин» — вслух, перед всем классом, — и внутри что-то оборвалось. Теперь это стало правдой, закреплённой не только браслетом на запястье, но и моими собственными словами. Ещё утром я клялась, что не стану как Лилиан. Язык опередил разум: слова висели в воздухе, и забрать их назад было нельзя. Горло сжималось от отвращения к себе. Щит из его имени сработал, это было правильно, и от этого хотелось провалиться сквозь пол.

Гримм отшатнулся и процедил сквозь зубы:

— Садись. Мы закончили.

Я села, чувствуя, как дрожат колени, но внутри разливалось странное удовлетворение — я не сбежала. Я ответила. И пусть это была всего одна фраза, она значила больше, чем двадцать ударов плетью, потому что я не опустила голову.

Гримм вернулся к доске и продолжил лекцию дрожащим от злости голосом.

А в аудитории что-то изменилось. Я чувствовала это кожей — взгляды однокурсниц стали другими. Элис, сидевшая через ряд от меня, незаметно кивнула, и я увидела в её глазах одобрение. Мира, напротив, смотрела с беспокойством — она боялась за меня, и её пальцы теребили край парты. Но были и другие взгляды — те, что кололи спину. Шёпот, прокатившийся по классу, был неоднородным: кто-то перешёптывался с удивлением, кто-то — с завистью. Я слышала обрывки фраз:

— Она ему ответила… — донеслось слева.

— Думает, что она теперь неприкосновенна, — прошипела какая-то девушка справа, и я узнала голос одной из тех, кто всегда заискивал перед Гриммом.

Я сидела, глядя прямо перед собой, и чувствовала, как внутри разгорается тлеющий уголёк гордости. Он был маленьким, почти незаметным, но он горел — и его тепло грело сильнее, чем любой страх. Гримм снова взял мел и начал выводить на доске схему контракта, но я видела, как дрожит его рука. Он проиграл этот раунд, и мы оба знали это. Я выдохнула и почувствовала, как отпускает напряжение — но в груди остался горький осадок.

3

Столовая гудела голосами, и я почти поверила, что могу затеряться среди них. Мы сидели за длинным столом — я, Морана, Элис, Мира и ещё пара девушек, которых я знала только по именам. Я ковыряла ложкой жидкую кашу и слушала, как Мира пересказывала сплетни, делая вид, что меня это волнует.

Шум в зале не стихал, но краем глаза я поймала движение у входа: дверь открылась, и в проёме появился знакомый силуэт. Эйнар. На нашей половине. Он никогда не обедал с учениками. Я замерла, сжимая ложку, и наблюдала, как он пересекает зал, лениво лавируя между столами, не глядя ни на кого, кроме меня.

Он остановился прямо напротив меня, упёрся ладонями в край стола и наклонился.

— Ровена, — сказал он, не повышая голоса, но так, что каждое слово прозвучало как приказ. — Твои друзья сейчас встанут и уйдут. Ты останешься.

Морана вскинулась, готовая возразить, но я накрыла её руку своей.

— Всё в порядке, — прошептала я, не глядя на неё. — Уходите. Я справлюсь.

Она выдохнула со злостью, но поднялась, увлекая за собой Элис и Миру. Я осталась одна, и Эйнар сел напротив, сложив руки на столе и рассматривая меня с лёгкой, сытой улыбкой.

— Я жду объяснений, — сказал он, чуть склонив голову. — Какого чёрта ты не надела платья, которые я тебе отправил? Я выбрал их специально для тебя.

— Я была на занятиях, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Форма привычнее. В ней мне проще сидеть за партой.

— Проще? — он усмехнулся. — Ты просто решила показать свой характер. Мило. Но запомни: когда ты придёшь ко мне, я накажу тебя за своеволие. А завтра ты наденешь одно из тех платьев, что я прислал. Других вариантов нет.

— А если я откажусь?

— Ты не откажешься, рыжая. Потому что если ты не наденешь, я заставлю тебя ходить голой весь день. Выбирай.

Я сжала зубы и промолчала.

— Сладости попробовала? — внезапно спросил он, глядя на мою пустую тарелку. — Не бойся, они не отравлены. Я не убиваю свои игрушки, я их ломаю медленно.

— Я не люблю сладкое, — сказала я, отводя взгляд.

— Врёшь. — Он улыбнулся шире. — Но я подожду. А за враньё я тоже наказываю.

Он сделал паузу, оглядывая меня так, будто я была мухой, которую он решил не давить прямо сейчас.

— Как твоя спина? — спросил он вдруг, меняя тон на деловой.

— Лучше, — ответила я, не поднимая глаз.

— Покажи.

— Здесь? — я дёрнула головой. — Сейчас? Кругом люди, ты серьёзно?

— Я никогда не шучу, когда дело касается состояния моей собственности. Прикрой грудь руками и покажи мне спину.

— Нет, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает злость. — Я не буду раздеваться здесь.

Его рука взлетела в воздух, и я дернулась. Его ладонь встретилась с моей щекой. Звук пощёчины разнёсся по залу, как выстрел, и голову мотнуло в сторону. Кожа загорелась, и в ухе зазвенело.

— Ты забываешься, — сказал он тихо. — Каждый раз, когда ты говоришь „нет“, ты не помнишь, кто ты теперь. Я — твой хозяин. Ты делаешь то, что я говорю, когда я говорю. А если не делаешь — я напоминаю тебе об этом болью.

Он выждал, давая тишине закрепиться, и я услышала, как зал затаил дыхание. Я подняла на него глаза и почувствовала, как по лицу катятся слёзы — не от боли, а от унижения, что он при всех поставил меня на место.

— А теперь прикрой грудь руками и покажи мне спину, — сказал он, и в голосе его снова появилась лёгкая, почти игривая интонация, будто он давал мне шанс исправиться.

Я стиснула зубы, часто задышала, чувствуя, как лицо заливает краской. По залу прокатился шёпот — на нас смотрели. Я медленно поднялась, нащупала застёжку на вороте, выдернула рубашку из-за пояса и спустила её до поясницы, прижимая края к груди, чтобы не оголиться больше, чем он приказал.

— Спиной к свету, — сказал он, и я повернулась, чувствуя, как на обнажённую кожу ложатся взгляды десятков учениц.

Эйнар подошёл сзади и провёл пальцами по позвоночнику, от шеи до поясницы, оставляя за собой холодную дорожку.

— Заживает хорошо, — сказал он, будто ставил диагноз. — Через пару дней кожа затянется так, что и следа не останется, а чувствительность вернётся. Ты будешь вполне готова к тому, что я обещал тебе сделать, когда придёшь. Пока, рыжая. Не забудь надеть платье, я покупал рабыню, а не серую мышь.

Он резко развернулся и направился к выходу.

Я осталась стоять, трясущимися пальцами застёгивая рубашку, и чувствовала, как зал гудит, как растревоженный улей. Шёпот поднимался отовсюду — с боковых столов, из-за колонн, откуда-то с кухни, где перетирали посуду и тоже смотрели. Я слышала обрывки, складывала их в голове, и каждое слово ложилось на кожу, как нож.

— Он её прямо в столовой раздел… — донеслось слева, и я узнала голос Герты, той, что всегда сидела на первой парте у Гримма.

— Я бы точно не стала здесь раздеваться, — прошептала ей в ответ подруга с соседнего стола.

— Не думала, что он может быть таким… открытым, — тихо, почти восхищённо прошелестело справа.

— Она вся покраснела, когда он приказал, — послышалось откуда-то из-за колонны. — Я бы на её месте умерла.

— Я бы не позволила так с собой обращаться, — возразила ей другая.

— А что бы ты сделала? Он же её хозяин, — ответила третья, и голос её звучал жёстко, без жалости.

— Бедная… — раздалось совсем рядом, но я не обернулась: я боялась увидеть жалость, которую не смогу вынести.

— Зато спина у неё заживает быстро. Может, он её правда лечил? — спросила кто-то из-за спины, и я почувствовала, как волна холода прошла по позвоночнику. Они говорили обо мне так, будто меня не было за этим столом — как о вещи, о товаре, о зрелище.

— Повезло же некоторым, — раздалось от столика у окна. — Я бы не отказалась от такого хозяина. Молодой, красивый, богатый. Уж получше Гримма.

— Так многие думали, — ответили ей, и я вздрогнула. — И где они теперь?

Ответа я не расслышала — повисла пауза, и кто-то вздохнул.

— Если бы меня так унизили при всех, — продолжал тот же голос, — я бы сквозь землю провалилась, лишь бы не возвращаться в этот зал.

Я сжала край стола, чувствуя, как пальцы немеют. Моя спина всё ещё горела там, где он провёл пальцами.

И тут, как сквозь воду, до меня донёсся приглушённый, торопливый шёпот двух девушек за соседним столиком. Одна из них была та, что смотрела на меня с вызовом на лекции Гримма. Она говорила быстро, не поворачивая головы, будто опасалась, что я услышу, но я слышала каждое слово.

— Он дал ей пощёчину. Как шлюхе на базаре. А она просто сидела.

— А что ей оставалось? — отвечала её собеседница шёпотом, и в голосе звенела смесь испуга и гадливости. — Она рабыня. Она ничего не может сделать.

— Если бы меня так ударили при всех, я бы не выдержала. Я бы убежала или закричала. А она приняла это. Она просто приняла.

— Может, ей даже нравится, — хмыкнул кто-то с соседнего стола, и я не поняла, кто это сказал.

Я сидела, не оборачиваясь, глядя в стену перед собой, и каждое слово, сказанное за моей спиной, застывало на языке каплей уксуса. Сердце колотилось, пальцы вцепились в скамью, и мне хотелось провалиться сквозь плиты пола, лишь бы не слышать этого больше. Но я сидела и слушала, потому что убежать было бы ещё большим признанием.

4

Вечер опустился на Цитадель сырым, промозглым туманом, и я шла к общежитию, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в спине глухой болью. Щека всё ещё горела после пощёчины, и я прижимала к ней ладонь, надеясь, что в темноте никто не заметит красного следа.

Я свернула в узкий переход между учебным корпусом и старым крылом, где фонари горели через один, и вдруг из тени выступила она.

Агнес.

Она стояла, прислонившись к стене, скрестив руки на груди, и смотрела на меня так, будто я была тараканом, которого она собиралась раздавить. Её светлые волосы были растрёпаны, платье сидело криво, и в свете единственного фонаря я увидела, что лицо её искажено гримасой, в которой смешались злость и что-то похожее на страх.

— Ну здравствуй, любимица, — сказала она, и голос её дрожал от плохо скрытой ярости. — Решила прогуляться в одиночестве?

Я остановилась, перехватив сумку. Внутри всё сжалось, но я заставила себя выпрямиться.

— Я не хочу с тобой разговаривать, Агнес.

— А я не спрашиваю, хочешь ты или нет. — Она шагнула ко мне, сокращая расстояние, и я почувствовала запах перегара и дешёвых духов. — Ты думаешь, ты особенная? Думаешь, он тебя выбрал? Он всех нас так выбирал, дура.

— Я ничего не думаю, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я просто хочу дойти до своей комнаты.

— О, конечно, — усмехнулась она. — Просто идёшь в свою комнату, а он тем временем жрёт тебя глазами в столовой. Ты видела, как он на тебя смотрел? Как на кусок мяса. И тебе это нравится, да? Нравится быть в центре внимания? Я всё про тебя знаю, Ровена. Я знаю, что

ты подглядывала за нами в уборной, когда он заставил меня стоять перед ним на коленях. Ты стояла за дверью и смотрела, как он трахает мой рот, как я давлюсь его членом. Ты смотрела. И тебе это понравилось. Я видела твоё лицо. Ты хотела быть на моём месте. Думаешь, теперь ты этого добилась?

Я замерла. Она знала. Конечно знала. Он при ней предложил мне присоединиться к Агнес.

— Ты думаешь, я не заметила? — продолжала Агнес, и голос её дрожал от смеси злости и боли. — Я всё видела. Ты подглядывала, как последняя извращенка, а теперь строишь из себя невинную жертву. Ты такая же шлюха, как и я. Только я хотя бы не притворяюсь.

— Агнес, отойди. — Я сделала шаг в сторону, пытаясь обойти её.

Но она двинулась следом, загораживая проход.

— Не смей указывать мне, что делать, рабыня. Ты всего пару дней с браслетом на руке, а уже строишь из себя невесть что. Я тут дольше тебя. Я знаю его лучше, чем ты. Я знаю, как он пахнет, когда кончает, как его руки сжимают волосы, какой у него ритм. Я знаю, что он любит, а что ненавидит. И я знаю, чем это кончится — он выебет тебя, выпорет и выбросит, как выбросил меня. Как выбросил Лилиан. Как выбрасывал всех. Ты думаешь, я первая, кого он заставил стоять на коленях перед ним в уборной? — Её голос сорвался на хрип, она почти выкрикивала слова, и я видела, как её глаза блестят в темноте.

— Замолчи, — выдохнула я, чувствуя, как внутри поднимается злость, смешанная со страхом.

— Замолчи? — Она рассмеялась — коротко, истерично. — Ты не имеешь права приказывать мне. Ты — никто. Ты — вещь. Ты ниже меня.

Она подошла вплотную, и я почувствовала её дыхание на своём лице.

— Знаешь, что он говорил обо мне, когда я была на твоём месте? Что я лучшая. Что я идеальная. Что мой рот создан для него. А потом он нашёл тебя, и я стала мусором. Но ты долго не продержишься. Я позабочусь об этом.

— Если ты такая идеальная, почему он тебя выбросил? — выдохнула я, и слова вырвались сами.

Зрачки Агнес сузились. Она отвела руку и с размаху ударила меня по щеке — по той же, что горела после пощёчины Эйнара. Голова мотнулась, и я почувствовала, как по губе потекла кровь.

— Это тебе за то, что раскрываешь свой поганый рот, — прошипела она, нависая. — И ещё раз, если посмеешь приблизиться к нему, я тебя изувечу так, что даже он не захочет на тебя смотреть.

Она замахнулась снова, как вдруг из-за угла раздался резкий, сухой голос:

— Агнес.

Мы обе замерли.

В проходе стояла мадам Кросс, сжимая связку ключей, и смотрела на нас обеих с тем выражением ледяного презрения, которое я научилась узнавать.

— Прекратить, — сказала она, и голос её не терпел возражений. — Немедленно.

Агнес дёрнулась, будто её ударили, и отдёрнула руку.

— Она первая начала, — выпалила она, но мадам Кросс перебила её:

— Мне всё равно, кто начал. Разойтись. Вы обе — по своим комнатам. Если я ещё раз застану вас за выяснением отношений, вы обе будете отвечать перед своим хозяином.

Агнес сжала кулаки, бросила на меня последний уничтожающий взгляд и, развернувшись, исчезла в темноте.

Я стояла, прижимая ладонь к щеке, и чувствовала, как мелко дрожат колени. Мадам Кросс скользнула по мне взглядом, не задерживаясь, и сказала сухо:

— Иди в свою комнату. И не высовывайся до утра.

Я кивнула и пошла. Шаг давался тяжело, щека горела ещё сильнее. Но внутри меня билась тихая, злая мысль: она боится. Она боится, что я займу её место. И это — единственное, что я могу поставить ей на счёт.

5

Утром серая форма больше не казалась мне защитой. После вчерашней пощёчины в столовой я знала: если я снова появлюсь перед ним в форме, наказание будет хуже. Я сняла с вешалки тёмно-синее платье — то самое, что он прислал первым. Шерстяная ткань, глухой ворот, длинные рукава. Скромное, но чужое.

— Ты серьёзно? — раздался сзади голос Мораны. Она смотрела на меня с выражением, которое я уже выучила наизусть.

— У меня нет выбора, — ответила я, не оборачиваясь. — Если я не надену это сегодня, он придёт за мной сам. Я не хочу проверять, что он сделает.

— Выбор есть всегда, — тихо сказала Морана. — Но ты его уже сделала.

Я застегнула последнюю пуговицу, чувствуя, как ткань ложится на плечи — мягкая, тёплая, чужая. Платье сидело идеально, будто шили на меня, и это было почти страшно. Я схватила сумку и выскользнула за дверь прежде, чем Морана успела сказать что-то ещё.

В коридоре я перевела дух и зашагала к аудиториям, стараясь не думать о том, что будет завтра вечером.

Учебный день прошёл как в тумане. Магистр Вивьен не задавала мне вопросов. Магистр Марвейн демонстративно игнорировал моё присутствие. Только Гримм на своей лекции метал в мою сторону короткие, злые взгляды — но не сказал ни слова, и я была благодарна за это. Я сидела на задней парте, вжав голову в плечи, и считала минуты до обеда.

В столовой я села с краю, подальше от центра, надеясь, что пронесёт. Но он снова пришёл.

На этот раз я увидела его не сразу. Сначала услышала — голос Гримма, взвинченный, дрожащий от ярости. Он стоял у дальнего стола, где сидели магистры, и что-то выкрикивал в сторону Эйнара. Я не слышала начала, но разобрала обрывки фраз: «…она моя ученица, ты не имеешь права…», «…я подам жалобу твоему отцу…», «…ты всё равно выкинишь эту девку, когда надоест…».

Эйнар сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и лениво помешивал чай. Он даже не повернул головы, когда Гримм приблизился к нему вплотную, брызжа слюной.

— Ты слышал, что я сказал? — голос Гримма сорвался на фальцет.

— Слышал, — спокойно ответил Эйнар, не глядя на него. — И что ты предлагаешь мне с этим сделать?

— Я требую, чтобы ты убрал её с моих занятий!

— Она будет ходить на твои занятия, — сказал Эйнар, и в голосе его прозвучала сталь. — И на все остальные. И ты будешь обращаться с ней как с любой другой ученицей. Если я узнаю, что ты снова её тронул, я приду к тебе не с чаем, а с отцом и актом купли-продажи. Ты хочешь объяснить лорду Валериану, почему ты приставал к чужой собственности?

Гримм побелел. Он попятился, бормоча что-то себе под нос, и быстро вышел из столовой, провожаемый взглядами учениц.

Я сидела, вцепившись в край стола, и смотрела на эту сцену как в замедленной съёмке. Эйнар проводил взглядом уходящего Гримма, а затем его глаза нашли меня — даже через весь зал, даже сквозь толпу.

И в этот момент я услышала его голос у себя в голове.

— Ты видела? Я решил твою проблему. В следующий раз, когда этот старый хрыч подойдёт к тебе ближе, чем на метр, ты скажешь мне. Ты поняла? Не молчи. Никогда не молчи. Ты моя, и я решаю, кто к тебе прикасается.

Я сглотнула. Он говорил спокойно, но в каждом слове слышалась та же твёрдость, что и в разговоре с Гриммом.

— Я поняла, — прошептала я, не разжимая губ.

— И ещё, — добавил он, и я почувствовала, как его голос становится теплее, почти ласковым. — Платье тебе идёт. Тёмно-синий цвет хорошо оттеняет твои глаза.

Я опустила взгляд на своё платье, чувствуя, как щёки заливаются румянцем. Я не знала, что ответить: это комплимент или очередная угроза.

— Но ещё лучше ты будешь смотреться без него, — закончил он, и я услышала, как в его голосе проскользнула усмешка. — Завтра вечером. Не опаздывай.

Голос исчез, оставив после себя только пульсацию в висках и жар, разливающийся где-то внизу живота. Я сжала край платья, чувствуя, как дорогая ткань скользит под пальцами, и понимая, что дороги назад больше нет.

6

Я не спала.

Лежала на спине, глядя в потолок, и слушала, как ветер бьётся в ставни. Морана дышала ровно, отвернувшись к стене, а я ворочалась, сбивая простыню в ком, и считала часы до завтрашнего вечера.

Восьмой удар колокола. Завтра.

Я переворачивалась с боку на бок, и каждая мысль растекалась по телу горячей волной: то страх сжимал горло, то внизу живота вспыхивало тягучее, тёмное предвкушение, от которого я хотела избавиться, но не могла. Я представляла его комнату. Его руки. Его голос, низкий, насмешливый, который будет говорить мне, что делать. И внутри меня боролись два голоса: один кричал «это безумие», другой шептал «но ты хочешь этого».

Я зажмурилась, пытаясь заткнуть оба, но они только сплетались громче, не давая уснуть.

И вдруг — стук в окно.

Три удара, пауза, ещё три. Я узнала этот ритм мгновенно, ещё до того, как поднялась с кровати и подошла к занавеске. Ворон сидел на подоконнике, чёрный, блестящий, сжимая в лапке узкий кожаный ремешок. Я открыла створку, и он шагнул внутрь, стряхивая с перьев капли ночного тумана, и позволил мне отвязать записку.

Я развернула бумагу дрожащими пальцами, уже зная, что там будет.

«Ровена. Это я, Кайл. Я нашёл способ. Через три дня. Жди сигнала. Я приду за тобой. Доверься мне.»

Я перечитала записку, и буквы плыли перед глазами.

Три дня. Он обещает вытащить меня через три дня.

А завтра я должна быть у Эйнара.

Я застыла, сжимая записку в кулаке, и впервые за эту ночь почувствовала не страх, не облегчение — а растерянность. Три дня. У меня нет трёх дней. Завтра вечером я переступлю порог его спальни, и что будет после этого — я не знаю.

И самое страшное — я не знала, в ужасе ли я от того, что у меня нет этих трёх дней.

Где-то глубоко внутри, под слоем надежды на побег, теплилась липкая, тёмная мысль: я не хочу ждать. Я хочу, чтобы завтра наступило. Я хочу надеть платье, которое он одобрит, и стоять перед ним в свете свечей, чувствуя его взгляд на своей коже. Я хочу знать, что будет дальше, даже если это сломает меня.

Я посмотрела на записку, и она вдруг показалась мне не обещанием спасения, а камнем, который тянул на дно.

— Кайл, — выдохнула я в темноту. — Ты опоздал. Или пришёл слишком рано. Я сама не знаю.

Я сложила записку, сунула в карман халата и вернулась в кровать. Ворон выпорхнул в окно, и я осталась одна с тяжестью в груди и тиканьем часов, отсчитывающих минуты до завтра. Я закрыла глаза, но сон не пришёл.

Скоро утро. А вечером я пойду к нему. Сама.

7

Утро вползло в комнату серым, мутным светом, и я поняла, что не спала ни минуты. Лежала и слушала, как за окном просыпаются птицы. Сегодня.

Я встала, натянула одно из платьев, присланных Эйнаром. Тёмно-зелёное на этот раз. Морана сидела на кровати, поджав ноги, и наблюдала, как я собираюсь.

— Ровена, — сказала она, когда я застёгивала сумку. — Может, останешься сегодня? Скажешься больной. Мы что-нибудь придумаем.

— Я не могу, — ответила я, не глядя на неё. — Если я не приду сегодня, он придёт за мной сам. И тогда будет хуже.

— Не можешь, или не хочешь? — тихо спросила она.

Я не ответила. Я просто схватила сумку и выскользнула за дверь, чувствуя, как за спиной повисает тяжёлое молчание. В коридоре я перевела дух и зашагала к аудиториям, пряча глаза ото всех, кто мог встретиться на пути.

Лекция магистра Вивьен тянулась бесконечно, и я механически записывала слова, не вникая в смысл. Сидела на заднем ряду, надеясь, что меня никто не заметит. Пальцы дрожали, и я сжимала перо до хруста в пальцах.

И тут я услышала его голос — не в ушах, а в голове. Тёплый, низкий, с той ленивой усмешкой, от которой у меня сводило живот.

— Скучаешь? — спросил он.

Я чуть не выронила перо.

— Отстань, — ответила я мысленно, надеясь, что он не услышит.

Он услышал.

— Грубо, рыжая, очень грубо. А я, между прочим, думаю о тебе. Хочу убедиться, что ты не забыла: сегодня после восьмого удара колокола ты должна быть у меня.

Я сжала кулак под партой. Ладони стали влажными.

— Я помню. Отстань.

— Отстану, когда получу то, что хочу. А пока запомни мои указания. Вечером, после занятий, ты примешь горячую ванну. Тщательно вымоешься. Каждый дюйм. Я проверю. После этого наденешь платье и бельё, которые я тебе пришлю. Всё будет ждать тебя в комнате.

— Ты серьёзно сейчас диктуешь мне, как делать гигиенические процедуры? — огрызнулась я, давя поток возмущения.

— Абсолютно. Я хочу, чтобы ты пахла чистой кожей, а не потом и пылью старой формы, когда войдёшь в мою спальню. И я проверю каждый миллиметр, помни об этом. Недовыполнишь приказ — накажу.

— И что ты сделаешь, если я откажусь мыться? — выпалила я, чувствуя, как злость перекрывает страх.

— О, рыжая, я вымою тебя сам. Собственными руками. С жёсткой щёткой и не самой тёплой водой. И поверь, этот опыт тебе не понравится. Так что сделай, как я велел, и избавь меня от лишних хлопот.

Я промолчала, но внутри всё кипело — страх смешивался с предвкушением, предвкушение — с отвращением к себе.

— Вот и умница, — раздалось в голове напоследок, с той же ленивой одобрительной ноткой, которой он ставил диагнозы. — Я буду ждать. Не заставляй меня ждать слишком долго, а то я приду за тобой сам. Последствия тебе не понравятся.

Голос исчез, и я осталась сидеть с жаром в груди, вцепившись в тетрадь и делая вид, что записываю за магистром Вивьен.

Остаток дня прошёл как в тумане. Я переходила из аудитории в аудиторию, опуская глаза, и считала минуты. Магистр Гримм на своей лекции не сказал мне ни слова, только стрельнул

волчьим, колючим взглядом, когда я вошла, и я была благодарна ему за молчание. Я не слышала голоса лектора, не видела лиц однокурсниц — только цифры на часах, отсчитывающие время до вечера.

Когда последнее занятие закончилось, я вышла в коридор и направилась к общежитию. Шла медленно, нарочно замедляя шаг, и внутри меня нарастал страх: неотвратимый, ясный, будто колокол, который начнёт бить восемь ударов. Вдоль стен тянулись серые тени, и я сжалась, нащупывая в кармане записку от Кайла, но не смея перечитать её снова, чтобы не расплакаться.

И тут прозвенел колокол.

Я остановилась, чувствуя, как колени подкашиваются. Шесть ударов. Шесть вечера. Мне осталось два часа.

Я сжала край платья и поняла: выбора у меня не осталось. Осталось только дойти до комнаты, вымыться, одеться и ждать колокола.

Ещё два часа.

И я не знала, хочу ли я, чтобы они пролетели быстрее — или чтобы время остановилось навсегда.

8

Я стояла в ванной, глядя на себя в мутное зеркало, и руки дрожали так сильно, что я едва удерживала мыло. Вода стекала по спине, смывая соль и усталость, и я тёрла кожу до красноты, будто могла смыть с себя всё, что произошло за последние дни.

Я вышла из ванной, закутавшись в полотенце, и остановилась у кровати.

На ней лежало бельё, которого я раньше не видела. Видимо, пока я мылась, кто-то заходил в комнату.

Чёрное кружево — тонкое, почти невесомое, с узором, который напоминал паутину. Бюстгальтер был на тонких бретельках, с полупрозрачными чашками, сквозь которые просвечивала бы кожа. Трусики — такие же кружевные, с высокой резинкой на бёдрах, почти не скрывающие ничего. Я провела по ним пальцем, и кружево кольнуло подушечку — жёсткое, дорогое, чужое.

Рядом, на спинке стула, висело платье. Чёрное, длиной до середины бедра, из тонкой струящейся ткани, которая переливалась на свету. Глубокий вырез на груди, спина открыта почти до поясницы, разрез на юбке доходил почти до паха. Я смотрела на него, и внутри поднималось тошнотворное возбуждение, которое я ненавидела в себе больше всего.

Я надела бельё. Пальцы путались в кружеве, и я чувствовала, как оно садится на кожу — плотно, очерчивая каждую линию тела. Я натянула платье — ткань скользнула по плечам, обтекла грудь, бедра, и я увидела себя в трюмо.

Из зеркала на меня смотрела незнакомка.

Не деревенская девчонка, влюблённая чистой любовью в сына кузнеца. Не сестра и дочь, заботившаяся о младших братьях и сёстрах, о больной матери. Не та Ровена, которая носила серую форму и злилась на весь мир. А та, кого он хотел видеть — упакованная, готовая, пахнущая мылом и ожиданием. Я смотрела на своё отражение и не узнавала себя. Внутри боролись противоречия — я должна была ненавидеть это платье, ненавидеть себя за то, что надела его, но где-то глубоко, под слоем стыда, я ловила взгляд на своей фигуре и чувствовала, как сердце сбивается от мысли о его руках на моей открытой спине.

Я повернулась, чтобы уйти, но взгляд зацепился за край зеркала, и я увидела её.

Лилиан.

Она стояла позади меня, на шаг позади моего отражения, и смотрела на меня пустыми, бледными глазами. Её рыжие волосы свисали космами, платье, когда-то похожее на то, что я надела сейчас, висело на исхудавшем теле мешком, и она медленно качала головой. Из стороны в сторону. Беззвучно. Только «нет» в глазах, умоляющих остановиться, не повторять её судьбу.

— Я не могу, — прошептала я ей, не оборачиваясь. — У меня нет выбора.

Она продолжала качать головой, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Но выбора не было — я знала это. Или я иду сама, или он придёт за мной. Изнасилует, отдаст для развлечений страже, а потом Гримму. Один раз я уже совершила глупый поступок, не пойдя на сделку. Второй такой ошибки я не повторю.

Я отвернулась от зеркала, надела туфли и вышла в коридор.

Колокол ударил восемь раз, пока я поднималась по лестнице. Последний удар застал меня на пороге его двери. Я постучала — тихо, почти неслышно, и замерла. Несколько минут стояла тишина, а потом голос, низкий, с ленивой усмешкой, произнёс:

— Входи. Ты вовремя.

Я переступила порог, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

Глава 10

Глава 9.

1

Дверь за мной закрылась с глухим, тяжёлым стуком. Я стояла на пороге, чувствуя, как колотится сердце где-то в горле, и сжимала край платья, чтобы пальцы не дрожали так заметно.

Оглянулась по сторонам. В комнате всё осталось таким же, как было в мой прошлый визит сюда. Тёмное дерево, камин, в котором потрескивали дрова, мягкий ковер под ногами и огромная кровать. Но хотя бы наручников на ней в этот раз не было.

Эйнар сидел в глубоком кресле за небольшим столом, к моему удивлению, накрытым на двоих. Две тарелки с фруктами, графин тёмного вина, два бокала. Свечи горели в высоких подсвечниках, и свет ложился на скатерть тёплыми, колеблющимися пятнами.

На нём были обтягивающие штаны из тёмной кожи, сидящие так плотно, что я видела каждую линию его бёдер, и чёрная рубашка, расстёгнутая полностью, открывающая грудь, живот, ключицы. Под ней ничего не было, и я видела, как играют мышцы при каждом движении, как блестит кожа в свете свечей.

Он не встал, когда я вошла. Только повёл рукой, указывая на кресло напротив.

— Проходи, рыжая. Садись.

Я сделала шаг, потом ещё один и села в кресло, готовая вскочить в любую секунду. Он налил вина, подвинул ко мне бокал и некоторое время рассматривал меня, не скрывая взгляда.

— Ты надела платье. — Он произнёс это как констатацию, без удивления. — Я знал, что ты его наденешь. Оно тебе идёт гораздо больше, чем серая форма. Сделай одолжение — не надевай эту рухлядь больше никогда.

— Я надела его, потому что ты приказал, а не потому что мне оно нравится, — ответила я, глядя в стол.

— Врёшь, — спокойно сказал он, отпивая глоток. — Но это нормально. Ты ещё привыкнешь не врать мне. Со временем.

Он отрезал кусок яблока, положил его на тарелку и подвинул ко мне.

— Ешь. Ты весь день ничего не ела, я знаю. Я был в твоей голове, помнишь?

Я не притронулась к еде, только взяла бокал и сделала глоток, чтобы чем-то занять руки. Вино было терпким, тёплым, с чуть горьковатым послевкусием.

Он жевал яблоко, глядя на меня, и молчал. Тишина затягивалась, становясь тяжелее, и я не выдержала первой.

— Ты долго будешь меня рассматривать? — спросила я, чувствуя, как раздражение перекрывает страх.

— Столько, сколько захочу. Ты моя, я имею право смотреть. Но если тебе неудобно, — он развёл руками, — мы можем поговорить. О чём ты хочешь?

— Не знаю. О погоде?

Он усмехнулся, коротко, без веселья.

— О погоде мы поговорим, когда я решу, что ты готова к светским беседам. А пока давай о деле. Ты знаешь, зачем ты здесь. Я знаю, что ты знаешь. Не будем делать вид, что это романтический ужин.

— Я знаю, что я здесь, потому что ты меня купил. — Я подняла на него глаза, и в голосе прорезалась та злость, которую я носила в себе последние дни. — Потому что, если я не приду, ты угрожал изнасиловать меня, а потом передать охране и Гримму. У меня нет выхода, ведь я твоя собственность. Ты мне это уже объяснил. Не надо повторять.

— Повторять не буду. Но хочу, чтобы ты кое-что поняла до того, как мы перейдём к делу.

Он отпил ещё вина и посмотрел на меня поверх бокала.

— Ты думаешь, что все мужики одинаковы. Что Гримм, я, любой другой, кто мог тебя купить, — разницы нет. Но это не так. И я хочу, чтобы ты поняла, в чём разница, прежде чем я до тебя дотронусь.

Я напряглась.

— Какая разница? Вы все хотите одного.

— Хотим — да. Но по-разному. И с разными целями.

Он сделал паузу и наклонился вперёд, положив локти на стол.

— Ты считаешь, что если бы тебя купил Гримм, а он хотел этого настолько, что мне пришлось заплатить двойную цену, было бы то же самое? Что нет разницы, кто тебя изнасилует? Я прав?

— Прав, — ответила я, не понимая, к чему он ведёт.

— Гримм — импотент, — сказал он ровно, без тени насмешки. — Он не может трахать женщин. Физически не может. Его член не встаёт, сколько бы он ни пытался. Это давно всем известно. Поэтому он ищет другие способы получить удовольствие.

Он выдержал паузу, давая словам осесть, и добавил тише:

— Единственное, что его заводит, — это чужая боль. Настоящая, свежая, желательно с кровью. Он любит смотреть, как режут, как бьют плетью, как девушки плачут и молят о пощаде. Если бы он тебя купил, он бы не трахал тебя — он бы пытал тебя. Каждый день понемногу, чтобы растянуть удовольствие. А когда бы ты перестала кричать и превратилась в подобие человека, он бы просто убил тебя. Напомню, что хозяин имеет право распоряжаться жизнью рабыни.

Я слушала, чувствуя, как по спине бежит холод.

— Но это ещё не всё. — Он говорил спокойно, будто читал лекцию. — Я слышал, что у него есть наклонности, которые даже в Цитадели считаются… специфическими. Он любит наблюдать за тем, как его рабынь трахают животные. Говорят, он платит девочкам из трущоб, чтобы те делали это с собаками, а он смотрит и дрочит. А потом, если кто-то из них ему особенно нравится, он заводит их в подвал и… — Он сделал неопределённый жест рукой. — Копрофилия — это тоже его тема.

Я застыла. Глоток вина встал поперёк горла.

— И тебе приятного аппетита, Эйнар. Зачем ты мне это рассказываешь? — спросила я, и голос мой сел до шёпота.

— Затем, чтобы ты поняла: между мной и Гриммом есть разница. И эта разница — не в степени жестокости. А в том, что я получаю удовольствие от твоей реакции, а не от твоих страданий. Мне не нужно, чтобы ты кричала от боли, — мне нужно, чтобы ты откликалась. Даже если ты ненавидишь себя за этот отклик.

— И чем ты тогда отличаешься от Гримма? — выдавила я, чувствуя, как внутри закипает злость. — Ты тоже получаешь удовольствие от унижения. Ты тоже кормишься моим страхом.

— Получаю, — согласился он без тени смущения. — Мне тоже нравится причинять боль. Мне тоже нравится унижать. Но я не ломаю вещи, которые мне нравятся. Я получаю удовольствие от твоей силы, не от слабости. Я хочу, чтобы ты огрызалась. Хочу, чтобы ты рычала. Покорные, дрожащие рабыни меня не заводят. Мне интересен процесс твоего падения, но не потому, что я хочу тебя сломать, а потому, что я хочу видеть, как ты его примешь.

Он подался вперёд, и его голос упал почти до интимного шёпота:

— Если сегодня я пойму, что ошибся в тебе, что в тебе нет той искры, на которую я рассчитывал, — я просто трахну тебя и оставлю в покое. Будешь жить в своей комнате, посещать занятия, и я пальцем тебя больше не трону. Мне не нужно покорное тело в постели. Мне нужна ты — та, которая сейчас сидит напротив меня и мечтает огреть чем-нибудь тяжёлым.

Я посмотрела на свои руки — они и правда сжимались в кулаки. Я заставила себя разжать их и сделать глоток.

— И вот. — Он неожиданно достал из кармана небольшую склянку и протянул мне. — Выпей это. Сейчас.

— Что это? — Я взяла флакон и принюхалась. Содержимое пахло травами.

— Настойка, которая поможет тебе избежать последствий того, что я с тобой сделаю, — спокойно ответил он. — Пей, это не яд. Если после сегодняшней ночи я решу с тобой продолжить, дам ещё: будешь пить регулярно.

Я кивнула и, собравшись с духом, выпила содержимое флакона. Вкус был слегка горьковатым, но не неприятным. Поставила флакон на стол и посмотрела на него.

— Что ты собираешься со мной делать? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он улыбнулся — медленно, с явным удовольствием.

— Лучше начать с практики, а не с теории, рыжая. Теория подождёт до утра.

Он встал, обогнул стол и остановился рядом со мной, протягивая мне руку.

— Вставай. И пойдём.

Я смотрела на его ладонь — широкую, с длинными пальцами, которые я помнила на своей шее, на своём лице, на своём теле. И понимала, что если я сейчас встану и пойду за ним, обратной дороги не будет. Но выхода не было. Я поднялась и протянула ему руку.

2

Он взял её, не пожал — просто сжал пальцы и повёл за собой, через порог смежной комнаты, которая оказалась не спальней, а чем-то иным.

Я перешагнула и замерла.

Комната была просторной, с высоким потолком, но в ней не было окон — только плотные чёрные шторы, закрывающие стены от пола до потолка. Пол устилал толстый ковёр — тёмно-бордовый, почти чёрный, глушащий шаги. В центре комнаты, под низко висящей лампой, дающей рассеянный золотистый свет, стояла мебель, которая не оставляла сомнений в назначении этого места.

У левой стены — деревянный крест с широкими перекладинами и кожаными ремнями на запястья и лодыжки. Правее — кресло с высокой спинкой и широкими подлокотниками, тоже утыканное ремнями на ноги, руки, талию и шею. У дальней стены — низкая широкая скамья с валиком посередине и ремнями на краях. И почти в центре, напротив входа, — перекладина на двух стойках, с двумя парами наручников на цепях, прикреплённых к верхней перекладине.

Стены были обиты тёмным деревом — гладким, лакированным, без щелей. И на них в строгом порядке висели инструменты, от вида которых у меня перехватило дыхание. Плетки с тонкими хвостами, стеки из чёрной кожи, розги из гибкого дерева. Широкие ремни с медными пряжками. Шёлковые шарфы, наручники с мехом внутри. Чуть дальше — вещи, от которых я забыла, как дышать: кляпы разных размеров, цепочки с зажимами, стеклянные предметы непонятного назначения и несколько инструментов, которых я не смогла опознать, но от одного взгляда на них по спине пробежал холодок.

В углу стоял камин, в котором уютно потрескивали дрова, и рядом с ним — низкая кушетка с подушками, единственное место, которое выглядело почти по-домашнему.

Эйнар стоял в центре комнаты, отпустив мою руку, и смотрел, как я рассматриваю обстановку. Он не торопил меня, давая время привыкнуть.

— Ну как тебе? — спросил он, когда я обвела взглядом стены.

Я сглотнула. Горло пересохло.

— Это… — Я замялась, подбирая слово. — Это логово извращенца. Пыточная камера, вот что это.

— Пыточная камера? — Он усмехнулся, и в его голосе прозвучало искреннее веселье. — Ты слишком драматизируешь. Это комната для игр. Каждый предмет здесь — инструмент для удовольствия. Всё зависит от того, кто и как его использует. Плеть может оставить синяк, а может — разогнать кровь. Ремни — удержать от падения или подарить чувство защищенности. Это не пыточная, а мастерская, где учат чувствовать своё тело.

— Мастерская, в которой учат чувствовать страх, — возразила я, но голос мой дрогнул, и он улыбнулся.

— Будешь учиться чувствовать и страх, и возбуждение, рыжая. А когда поймёшь, что это два конца одной верёвки, — ты перестанешь бояться.

Он сделал шаг ко мне, сокращая расстояние до полушага, и остановился.

— Раздевайся.

Я замерла. Слова повисли в воздухе, и секунду я просто стояла, глядя на него. Потом медленно, словно во сне, протянула руки к застёжке платья.

Оно скользнуло вниз и упало к ногам, оставив меня в том белье, которое он прислал: чёрное кружево, кусающееся и тонкое, почти не скрывающее тела. Он отступил на шаг, чтобы разглядеть меня целиком, и я стояла под его взглядом, чувствуя, как горит кожа в тех местах, где кружево прикасалось к соскам, к бёдрам, к животу.

— Очень красиво, — сказал он, не скрывая оценивающей ноты. — Теперь сними и это.

Я не двинулась. Пальцы замерли на застёжке, и я смотрела в пол, не в силах сделать последний шаг.

— Я не могу, — выдохнула я.

— Можешь, — произнёс он, и в его голосе не было жестокости — только спокойный, уверенный приказ. — Это не просьба. Это часть договора. Ты согласилась на условия. Теперь ты должна их выполнить. Снимай.

Я подчинилась. Руки дрожали, когда я расстегнула застёжку и позволила белью соскользнуть с плеч на пол. Затем, не глядя на него, стянула трусики.

Я стояла перед ним голая, чувствуя, как воздух касается каждого миллиметра тела, как соски твердеют не столько от холода, сколько от его взгляда, как между ног разливается влажное тепло, которого я стыдилась всем своим существом.

Он обошёл меня, разглядывая со всех сторон, и остановился за спиной. Его пальцы легли мне на затылок, убрали волосы, открывая шею, и он прошептал куда-то в кромку волос:

— Ты прекрасна. Особенно сейчас — когда краснеешь от стыда, но на самом деле хочешь, чтобы это продолжалось. Это и есть та искра, которую я искал.

— Замолчи, — выдохнула я.

Он хмыкнул и взял моё запястье, подводя меня к перекладине. Одним движением он застегнул наручники — сначала одно запястье, потом второе, и два кожаных ремня обхватили мои руки. Затем опустился на колено и пристегнул мои лодыжки к нижней перекладине, разводя ноги на ширину бёдер.

— Отлично. — Он выпрямился и отошёл на шаг, рассматривая меня. — Теперь ты чувствуешь всё? Хорошо.

Я стояла, привязанная за запястья и лодыжки, и кожа была открыта навстречу его рукам. Он медленно опустился на колени и провёл кончиками пальцев по моей ноге, от щиколотки до бедра, вверх, по спине, по позвонкам. Я закусила губу, чтобы не застонать, но когда он дошёл до шеи, я вздрогнула, и он улыбнулся, чувствуя ответ.

— Спина зажила, — сказал он, проведя пальцами по позвоночнику. — Ни следа. Я же говорил, что хорошо лечу.

Он стоял позади меня, и я слышала его дыхание — ровное, спокойное, ни на миг не сбившееся. Его пальцы всё ещё лежали на моей спине, и я чувствовала их вес — не давление, а именно вес, тёплый, живой, на коже между лопаток.

Он медленно повёл ладонь вниз, скользя по позвоночнику, и я выгнулась, потому что каждое прикосновение отдавалось дрожью в мышцах, которые я не могла контролировать. Когда его пальцы дошли до поясницы, он сжал ягодицы — обеими руками, широко, сминая плоть, разводя её в стороны, и я почувствовала, как воздух касается того места, которое всегда было закрыто.

Он не спешил. Он разминал меня, глубоко, ритмично, и я слышала влажный звук его ладоней на моей коже — шлепки, мягкие, но отчётливые, когда он сжимал и отпускал, сжимал и отпускал.

Кожа горела под его пальцами, и я чувствовала, как внутри разливается странное, тягучее тепло, которое поднималось от живота в грудь, сдавливая горло.

Одна его рука скользнула вперёд, по бедру, и я почувствовала, как пальцы касаются складки между ног — не надавливая, просто проводя по краю, по шву, где кожа переходит в слизистую.

Я закусила губу, чувствуя, как пульс бьётся там, внизу, как набухают складки сами по себе, без моего согласия.

Он надавил ладонью — всей ладонью, прижимаясь к промежности, и я почувствовала, как его пальцы находят клитор сквозь складки. Он нажал на него — не подушечкой, а всей плоскостью фаланги, вдавливая в лобковую кость, и у меня перехватило дыхание от этого давления.

Он держал ладонь там, не двигаясь, просто давая мне привыкнуть к ощущению его руки между ног, сжатой на моём теле.

Потом он начал медленно водить пальцем по клитору — кругами, по часовой стрелке, ровно, без ускорения, и я чувствовала, как каждая складка натягивается от этого движения, как кожа головки набухает под его пальцем, становясь твёрже с каждым кругом.

Он нажал сильнее, и я выдохнула сквозь зубы, чувствуя, как головка клитора скользит под подушечкой — набухшая, гладкая, выкатившаяся из складок навстречу его касанию. Он продолжал массировать круговыми движениями, погружая палец глубже, и я слышала, как влажно чавкает моя собственная смазка при каждом движении его пальца.

Он ввёл палец внутрь.

Сначала только кончик — я почувствовала, как он проталкивается сквозь узкое отверстие, растягивая кольцо мышц. Я сжалась инстинктивно, но он не остановился, просто держал палец внутри, давая мышцам привыкнуть к ощущению инородного тела. Я чувствовала, как стенки влагалища сжимаются вокруг него, пробуя на ощупь, обхватывая фалангу со всех сторон, как горячий, живой чехол.

Он сделал круговое движение пальцем внутри меня, и я почувствовала, как подушечка скользит по передней стенке — по шероховатой, ребристой поверхности, которую я никогда не ощущала раньше. От этого движения у меня подогнулись колени, и я опёрлась на цепи, чтобы не упасть.

Он ввёл второй палец.

Сразу, без предупреждения — я почувствовала, как стенки раздвигаются острее, чем в первый раз. Два пальца — это не один, это вдвое больше объёма, и я чувствовала, как они растягивают вход, как кожа натягивается до предела. Я выдохнула сквозь сжатые зубы, чувствуя, как мышцы живота напрягаются, принимая эту новую глубину.

Когда он довёл пальцы почти до конца, я почувствовала, как его ногти скребут по задней стенке влагалища — короткие, аккуратные, царапающие внутреннюю поверхность, отчего по телу пробежала дрожь.

Он начал трахать меня пальцами — медленно, глубоко, входя и выходя, и я слышала влажный звук, с которым его пальцы скользили внутри меня, раздвигая стенки, сжимаясь и

отпуская. Вокруг пальцев всё пульсировало в ритм сердцебиения, и с каждым толчком влага выделялась сильнее, смазывая ему путь.

Когда его пальцы упёрлись в тонкую, упругую преграду, я замерла. Он замер тоже, и подушечки касались её мягко, почти невесомо, обозначая границу, которую он собирался перейти. Пульс бился в самой глубине, готовясь разорвать её в клочья.

Он не спешил. Держал пальцы там, давая мне привыкнуть к наполненности, к тому, что его рука стала частью моего тела, и я стояла на пороге того, что изменит всё.

Он надавил, и я почувствовала, как он скользит внутрь, растягивая, проникая глубже, пока не упёрся в неё снова, в ту самую границу, что отделяла меня от того, чтобы стать женщиной.

— Вот, — выдохнул он, остановившись. — Я чувствую её. Твою девственную плеву. Сегодня я её уберу.

Я смотрела в одну точку на стене, стараясь не думать о том, что сейчас произойдёт, но каждая клетка моего тела уже знала. Пульс нарастал между ног, и низ живота сжимался в предвкушении, которое я ненавидела и желала одновременно.

3

Он вынул пальцы.

Я почувствовала, как они скользят наружу — медленно, оставляя пустоту внутри, влажную дорожку на внутренней стороне бедра. На секунду я сжалась, ожидая, что он войдёт снова, но вместо этого услышала шаги — он отошёл на несколько шагов назад, и я осталась одна, прикованная, открытая, пульсирующая.

Потом шаги вернулись. Более тяжёлые, уверенные. Я услышала щелчок кожи где-то за спиной — сухой, резкий звук плети, проверяющей воздух.

— Не пугайся, — сказал он, и голос его звучал ровно, почти лекционно. — Я просто хочу проверить твою реакцию.

Я стояла, вцепившись в цепи, и чувствовала, как мелко дрожат колени.

— Это совсем не то же самое, что те двадцать ударов, которые ты получила во время наказания, — продолжал он, обходя меня слева. — Тот кнут был грубым инструментом — он рвал кожу, оставлял рубцы, его цель была причинить боль и страх. Моя плеть — это струна. Она не калечит, если я не хочу. Она пробуждает. Я хочу понять, как твоё тело отзывается на это прикосновение. Если я не ошибся в тебе, тебе должно понравиться.

— Я не буду плакать, если ты этого ждёшь, — выдохнула я, не разжимая губ.

— Я и не жду. — Он остановился сбоку, и его голос стал тише, интимнее. — Я хочу услышать, как ты застонешь.

Он отступил, и я услышала, как плеть рассекает воздух у меня за спиной — пробный взмах, примерка дистанции.

— Я вообще не поклонник того, чтобы бить по спине, — сказал он, будто размышляя вслух. — Позвоночник, лопатки — это редко доставляет удовольствие. Там много костей, мало нервных окончаний, которые отвечают на ласку. Удары по спине — для наказания. А это не наказание. Другое дело здесь.

Плеть щёлкнула, и я почувствовала, как кончик ударяет по груди — по левому соску, наискось, оставляя за собой тонкую, жгучую полосу. Боль была острой, сконцентрированной — не разлитая, как от кнута, а точечная, как укус. Я дёрнулась, цепи лязгнули, и я втянула воздух сквозь зубы.

На коже остался белый след, который почти сразу налился красным. Сосок, которого коснулся кончик, стал твёрже, набух, пульсируя в такт сердцу.

— А ещё лучше здесь.

Удар пришёлся по внутренней стороне бедра — по самой нежной коже, где нет ни жира, ни мышц, только тонкая, прозрачная ткань, сквозь которую видны вены. Боль была другой

— более поверхностной, более злой. Кожа вспыхнула, и я дёрнула ногой, но ремни держали крепко, не давая свести бёдра.

— Идеально, — сказал он, проводя пальцем по вздувшейся полосе, и его прикосновение жгло сильнее, чем сама плеть. — Видишь, как кожа краснеет?

— А вот здесь, — прошептал он, занося руку, — самое интересное место.

Плеть опустилась на половые губы.

Я вскрикнула — негромко, скорее выдохнула сквозь сжатые зубы. Боль была ни с чем не сравнима. Тонкая, острая, разрядившаяся прямо в клитор, в складки, которые набухли и стали влажными от его пальцев всего несколько минут назад. Кожа губ дёрнулась, и я почувствовала, как по бедру потекла тёплая струйка — смазка, смешанная с потом, выступившая от удара.

Несколько капель стекли, выдавая моё возбуждение громче любого стона.

— Отлично, — сказал он, и в его голосе прорезалось удовлетворение. — Ты реагируешь. Тебе это нравится, даже если ты не хочешь в этом признаваться.

— Заткнись, — выдохнула я, но голос сорвался.

— Ну или здесь, — продолжал он, не обращая внимания на мои слова.

Плеть опустилась на ягодицы — широко, плашмя. Боль была глубже и тяжелее, расходилась по всей мышце. Я не вскрикнула — я застонала. Низко, гортанно, не в силах сдержать этот звук, который вырвался сам, против моей воли.

Он услышал.

— Вот, — выдохнул он, приближаясь к моему уху. — Вот та струна, которую я искал.

Он продолжал пороть меня — медленно, методично, переходя от точки к точке. Грудь. Внутренняя сторона бедра. Половые губы. Ягодицы. Грудь. Снова губы. Снова бедро. Каждый удар был сильным, точным, без жестокости — рассчитанным не на то, чтобы причинить боль, а на то, чтобы натянуть нерв до предела и посмотреть, как он зазвучит.

И с каждым ударом боль менялась.

Вместо того чтобы нарастать, она отступала, перетекая во что-то другое. В жар. В пульсацию внизу живота. В желание, которое поднималось из того самого места, куда только что пришёлся удар плети. Каждая полоса на коже становилась не шрамом, а входом — через него возбуждение втекало в тело, растекаясь по венам.

Я перестала дёргаться. Я перестала сжиматься. Я стояла, подавшись бёдрами назад, навстречу его руке, и ловила каждый новый удар как продолжение ласки, которой не было — но которая уже начиналась внутри меня.

Колени тряслись, дыхание сбилось, но я не хотела, чтобы это кончалось. Я хотела, чтобы он продолжал пороть меня, пока боль и желание не станут одним целым, пока я не растворюсь в этом ритме целиком.

И он продолжал.

Ритм был ровным, гипнотическим. Плеть пела в воздухе, впивалась в кожу, оставляла на теле линии — красные, горячие, как следы пальцев.

Удары я больше не считала. И уже не различала, где боль, а где удовольствие. Они смешались в моём теле, и я плыла в этом ощущении, не пытаясь сопротивляться. Тело само знало, куда повернуться, как прогнуться, когда выдохнуть.

Он не останавливался, пока я не начала двигаться в такт его плети — уже не дёргаясь от боли, а подаваясь бёдрами вперёд, ловя каждое касание, как продолжение его рук, которых на мне сейчас не было, но которые уже научили меня отзываться.

4

— Пока что хватит, — неожиданно сказал он, и я услышала, как плеть падает на ковёр. — Удовольствие нужно растягивать. Как и твою дырочку.

Он подошёл ко мне сзади, и я почувствовала, как его пальцы возятся с ремнями на лодыжках. Пряжки щёлкнули, кожаные полосы ослабли, и я смогла свести ноги. Он резко разогнулся, и его ладони легли мне на талию, разворачивая лицом к себе.

Я стояла перед ним, всё ещё прикованная за запястья, со сведёнными ногами, голая, дрожащая, с красными полосами от ударов, влажная от собственного возбуждения. Глаза его потемнели, зрачки расширились. Он расстегнул молнию на штанах — я услышала резкий звук разъезжающихся зубцов, и член выпал наружу, твёрдый, набухший, уже готовый.

Я смотрела на него и не могла отвести взгляд. Он был большим — слишком большим. Я едва приняла его в рот, но внутрь... Вдоль ствола вздулись вены, и головка казалась тёмно-розовой, почти фиолетовой от прилившей крови.

— Иди сюда, — сказал он, беря меня за бёдра и притягивая к себе. Мой живот упёрся в его член, а влажные складки между ног прижались к его напряжённой плоти.

— Только не сдерживайся, — выдохнул он, проводя головкой по моим половым губам. — Первый раз будет больно. Просто знай это. Терпи. А потом я сделаю так, что тебе понравится.

— Эйнар… — выдохнула я, глядя на член, упирающийся мне в живот. — Ты порвёшь меня. Я не смогу. Он слишком большой.

— Заткнись, — сказал он, и в его голосе не было злости — только раздражение человека, который слышит эту фразу в сотый раз. — Сможешь. Дырка растянется. А теперь не дёргайся. Принимай.

Он взял член в руку и приставил головку к моему входу — к тому самому месту, где недавно были его пальцы, где кожа всё ещё горела после плети. Головка упёрлась в кольцо мышц, влажное, горячее, сжатое страхом и предвкушением.

— Расслабься, — прошептал он, глядя мне в глаза, и надавил.

Головка вошла — и я почувствовала, как она растягивает вход, раздвигает меня изнутри. Кожа натянулась, и тонкая преграда, которая оставалась нетронутой до этого момента, лопнула. Я вскрикнула — негромко, скорее выдохнула сквозь зубы, чувствуя, как что-то внутри рвётся, уступая дорогу его плоти.

Боль разлилась по низу живота — острая, глубокая, не похожая на те удары плети, которые я уже научилась принимать. Она разошлась кругами от того места, где он вошёл, отдавая теплом в пах, в ягодицы, в поясницу.

Он замер внутри меня. Я чувствовала, как он пульсирует — каждым толчком сердца, каждый сантиметр его члена, сжатый моими стенками.

— Терпи, — выдохнул он, и я замерла, чувствуя, как слёзы сами катятся по щекам, а низ живота сводит от того, что он застыл там, разделяя меня пополам, заполняя пустоту, которую я носила в себе всю жизнь.

А потом он дёрнул бёдрами.

Я вздрогнула и зарылась лицом в его плечо, вцепившись зубами в ткань рубашки, чтобы не закричать. Когда резкая пульсация боли накрыла меня волной, я попыталась отстраниться — отдёрнуть бёдра, вытолкнуть его из себя. Но наручники на запястьях держали крепко, и я лишь натянула цепи, лязгнув металлом о дерево.

Он занёс одну руку, и я успела заметить, как напряглись мышцы его плеча. Ладонь встретилась с моей щекой — не сильно, но достаточно, чтобы голова мотнулась, а в глазах потемнело.

— Я сказал — не дёргаться, — произнёс он, и в его голосе прорезалась сталь, от которой по спине пробежал холодок. — Принимай. Первый раз — он такой. Чем быстрее ты перестанешь бороться, тем быстрее это кончится. Или начнёт нравиться.

Я перестала вырываться. Просто висела прикованная и позволяла ему делать то, что он делал.

И тогда, в тот момент, когда я перестала бороться, боль начала трансформироваться. Каждое движение заполняло меня сильнее, и я чувствовала, как натяжение внутри становится глубже, горячее. Я перестала чувствовать разрывы — только наполненность, плотную, тёплую тяжесть.

— Вот так, — выдохнул он, ускоряясь. — Такая узкая, мокрая, тесная… приятно, что ты сдаёшься.

Он двигался во мне — глубоко, резко, с каждым толчком погружаясь на всю длину. Я слышала, как его яйца шлёпают по моим ягодицам, когда он вбивался, как моя собственная влага смазывает каждый толчок, делая скольжение почти бесшумным, и только мокрые, ритмичные шлепки слышатся в такт его движениям.

Я перестала контролировать тело, и оно само выгнулось ему навстречу. Я скрестила ноги у него за спиной, прижимая его бёдра к себе, и он вошёл глубже, насколько позволяли собственные мышцы. Я слышала, как скрипят цепи, и чувствовала, как с каждым движением низ живота пульсирует от удовольствия, которое смешивается с болью, растворяя её.

Мои соски затвердели ещё сильнее, когда он наклонился и взял один в рот. Он сосал, покусывая, обводя языком, и от этого тока по коже бежали мурашки, собираясь внизу живота.

Его губы поднялись к моим, не прерывая движения бёдер, и я почувствовала его язык, скользнувший внутрь. Я ответила, он углубил поцелуй. Потом он переключился на второй сосок, втянул его, сжал зубами — и я выгнулась, ловя ритм.

Его пальцы нащупали клитор. Он массировал его круговыми движениями в такт своим толчкам, и я почувствовала, как напряжение нарастает где-то глубоко внутри, закручиваясь в тугой узел, требующий выхода.

— Кончи мне на член, — прошептал он мне в губы.

Я закусила губу, сдерживая стон, и он надавил сильнее, и узел внутри развязался. Волна прошла по всему телу, от клитора к животу, от живота в грудь, и я застонала в голос, чувствуя, как мышцы влагалища сжимаются вокруг его члена, обхватывая его, отпуская и сжимая снова.

Он почувствовал это и застонал — низко, гортанно. Он ускорился, вбиваясь глубже, и я чувствовала, как его член пульсирует внутри меня, как он напрягается перед оргазмом.

— Я кончаю, — выдохнул он, и я ощутила, как горячая струя ударила в стенку влагалища, заливая меня изнутри. Он продолжал двигаться, замедляясь, и я чувствовала, как сперма смешивается с моей влагой, вытекая по бедру тонкой, тёплой струйкой.

Так я принимала его внутри себя, и мир сжимался до этой комнаты, до этого удара колокола, до этого тела, чужого и одновременно самого родного, которое учило меня распознавать желание в самой гуще боли.

Он остановился. Отпустил мои бёдра, вышел из меня, и следом потекла узкая струйка его спермы, влажная и тёплая. Наручники щёлкнули, освобождая запястья, и я сползла на пол, чувствуя, как по внутренней стороне бедра стекает смесь моей крови и его спермы.

Я стояла на коленях, тяжело дыша, и не могла поднять глаза.

5

Я вышла из ванной, закутавшись в толстый махровый халат, который нашла на крючке. Ткань была мягкой, тёплой, пахла чем-то древесным и чужим. Я вдохнула запах и поняла, что это он. Его запах. Он пропитал ткань, и теперь на моей коже были его пот, слюна и сперма.

Волосы ещё были влажными, и я откинула их за плечи, чувствуя, как вода стекает по шее за воротник. Внизу живота всё ещё тянуло — отголосок того, что произошло в комнате за стеной. Ноги подкашивались, и я оперлась рукой о стену, чтобы не упасть, прежде чем смогла сделать шаг.

Эйнар сидел в кресле у камина, с бокалом в руке. Он переоделся — теперь на нём была свободная белая рубашка, расстёгнутая на груди, и тёмные брюки. Волосы чуть влажные, будто

он тоже успел ополоснуться, хотя второй ванной комнаты я здесь не видела. Перед ним на низком столике стояла бутылка вина — уже открытая, наполовину пустая — и второй бокал.

— Садись, — сказал он, кивнув на кресло напротив. — Выпей. Нам нужно кое-что обсудить.

Я села, взяла бокал и сделала глоток. Вино согрело горло и растеклось по груди приятным теплом.

— Что ты чувствуешь? — спросил он, глядя на меня поверх бокала. — Не надо лжи, не надо морали. Сейчас нужна правда, какой бы она ни была.

— Я… — Я замялась, подбирая слова. — Мне понравилось. Но я ненавижу тебя. Это не отменяет того, что произошло.

— О, я тоже не испытываю к тебе нежных чувств, — усмехнулся он. — Ты мне интересна. Это другое.

Он отпил глоток и поставил бокал на стол, подавшись вперёд.

— Ты спрашивала, что я собираюсь с тобой делать. Теперь, когда я получил тот отклик, на который рассчитывал, ты заслужила объяснения.

Он снова откинулся в кресле, глядя куда-то вдаль.

— Есть такие игры, — сказал он, и голос его стал спокойным, почти лекционным. — Они называются BDSM. Это не просто «причинять боль и получать удовольствие». Это система. В ней есть иерархия: верхний и нижний. Доминант и сабмиссив. Тот, кто контролирует, и тот, кто отдаёт контроль.

— И ты, конечно, доминант, — вставила я, не скрывая иронии.

— Конечно. — Он улыбнулся, но в глазах не было насмешки. — Но это не значит, что я делаю что хочу. В этой системе есть правила. И самое главное правило — безопасность. Нижний всегда может остановить сцену. Всегда.

— Даже если он привязан? — спросила я, вспомнив, как совсем недавно была прикована наручниками к перекладине.

— Даже если привязан. Для этого есть стоп-слово.

— Стоп-слово?

— Да. Если тебе станет плохо, если я буду делать что-то, что вызывает у тебя настоящее отвращение, а не тот страх, от которого ты возбуждаешься, ты скажешь «красный». И я остановлюсь. Мы поговорим. И если ты скажешь, что это действительно слишком, я не буду повторять этого никогда.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри поднимается странное, незнакомое чувство. Доверие? Нет. Но что-то похожее.

— А если… — Я запнулась, чувствуя, как щёки заливает краской. — Если я захочу, чтобы ты продолжал, но… чтобы ты заставил меня?

— Я знал, что я в тебе не ошибся, — сказал он, и в голосе его прозвучало удовлетворение. — Ты начинаешь понимать. Для этого есть другое слово — «жёлтый». Оно значит: «Мне страшно, мне тяжело, но я хочу продолжать. Заставь меня». И тогда я принимаю игровое насилие. Я делаю вид, что не слышу твоих просьб остановиться. Я ломаю твоё сопротивление. Но только до тех пор, пока ты не скажешь «красный».

— Жёлтый, — повторила я, пробуя слово на вкус.

— Жёлтый. И красный. Запомни их. От них зависит твоя безопасность.

Я кивнула, чувствуя, как внутри отпускает что-то, что было сжато всё это время. Разговор стал легче. Я сделала ещё глоток вина и почувствовала, как напряжение уходит из плеч.

Мы пили молча, и тишина была не тяжёлой, а почти уютной. Потрескивал камин, и тени плясали на стенах.

Неожиданно для себя я начала говорить.

— Я из Кейрн-Холлоу, — сказала я, глядя в огонь. — Там я жила до того, как меня забрали. В деревне, у подножия холмов. Дом старый, крыша течёт, печка дымит, но мама держала его в тепле, пока могла.

— Мама? — переспросил он.

— Бриджит. Она больна. У неё лёгкие слабые, она не встаёт с постели последние три года. Я ухаживала за ней. И за младшими — их четверо. Самые младшие двойняшки, им по три года.

— А отец?

— Отчим. Гарт. — Я поморщилась. — Пьяница. Игрок. Когда трезвый — злой. Когда пьяный — ещё злее. Он продал меня за кошель монет Псам, когда они пришли за мной.

— И ты его ненавидишь?

— Ненавижу. — Я посмотрела в бокал. — Но без него они не выживут. Он единственный, кто приносит в дом еду. Даже если пропивает половину.

Эйнар молчал, давая мне говорить.

— Мой настоящий отец был травником, — сказала я, и голос дрогнул. — Тэрен. Он умер, когда мне было десять. От него мне достался дар — я слышу мысли. Я думала, это проклятие, пока не попала в Цитадель. Здесь я поняла, что могу управлять им.

— Ты сильный телепат, — неожиданно сказал Эйнар. — Я видел, как ты строила барьеры на занятии. У тебя есть потенциал.

— Спасибо, — ответила я, и это прозвучало искренне.

Я замолчала, понимая, что сказала больше, чем собиралась. Но вино расслабило, и слова лились сами.

— А у тебя есть семья? Ну, кроме отца, — спросила я, сама удивившись собственной смелости.

— Только отец, — ответил он коротко. — Ты его видела. Мать умерла, когда я был ребёнком. Больше никого.

— Прости.

— Не надо. Я не скорблю. Я ее даже не помню.

Я кивнула и сделала ещё глоток.

— А твои сокурсницы? — спросил он, меняя тему. — Ты с кем-то сошлась?

— Да. Элис, Мира. — Я помолчала. — И Морана. Мы делим комнату.

При имени Мораны его лицо неуловимо изменилось. Глаза стали жёстче.

— Морана, — повторил он, и в голосе проскользнула та же презрительная насмешка, с которой он говорил о Гримме. — Крыса.

— Почему ты её так называешь? — спросила я, и вопрос вырвался быстрее, чем я успела подумать.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, будто решал, стоит ли отвечать.

— Она умнее, чем хочет казаться, — сказал он наконец. — И опаснее, чем ты думаешь. Крыса остаётся крысой, даже если притворяется подругой.

— Что это значит? — спросила я, чувствуя, как внутри поднимается холодок.

— Не доверяй ей, — ответил он, и в его голосе не было насмешки — только спокойная, жёсткая уверенность. — Больше я ничего не скажу.

Я хотела спросить о Лилиан. Хотела узнать, почему он поступил с ней так жестоко и почему говорил о Моране с таким презрением. Но слова застряли в горле. Я не хотела разрушать эту странную, почти доверительную тишину, которая повисла между нами. Я боялась, что если спрошу, он закроется, и я снова стану просто вещью в его комнате.

Я молчала. Мы сидели и смотрели на огонь, и я чувствовала, как внутри меня что-то меняется. То, что я ненавидела в себе весь вечер, вдруг перестало быть стыдным. Я приняла это. Я хотела ещё.

6

— Хочешь ещё? — неожиданно спросил он, и голос его прозвучал низко, с ленивой усмешкой.

Я дёрнулась, чувствуя, как краска заливает щеки.

— Ты снова лезешь мне в голову? — огрызнулась я, пытаясь прикрыть смущение злостью.

— Мне не нужно лезть тебе в голову, — рассмеялся он. — У тебя всё на лице написано. Ты смотришь на меня так, будто решаешь, попросить ещё или провалиться сквозь землю от стыда.

— Я не…

— Врёшь. — Он поднялся, одним движением обогнул кресло и остановился передо мной, протягивая руку. — Вставай. Идём.

Я смотрела на его ладонь и понимала, что если сейчас встану — обратной дороги не будет. Но желание было сильнее.

Я поднялась, протянув ему слегка трясущуюся руку, и он повёл меня к кровати.

Эйнар не дал мне опомниться. Рывком стянул халат, и я осталась голая, чувствуя, как воздух касается каждого миллиметра тела, как на коже ещё горят следы его плети. Он подхватил меня за талию и почти швырнул на кровать — широкую, застеленную чёрным бельём.

— Руки, — приказал он коротко.

Я подчинилась. Металл лязгнул, и я уже висела на вытянутых цепях, не в силах свести запястья. Он отошел на мгновение, и я услышала, как расстегивается ремень. Он быстро скинул брюки и рубашку.

Он устроился сверху прямо над моим лицом, разведя колени. Провел головкой члена по моим губам, размазывая предэякулят, и приказал:

— Открой рот.

Я стиснула зубы, не подчиняясь. Сопротивлялась, хотя внутри всё уже знало, чем это кончится.

— Жёлтый, — выдохнула я, и он усмехнулся, узнав слово.

— Умница. — Он наклонился и надавил большими пальцами на уголки моей челюсти, разжимая зубы. — Хорошая девочка, помнишь правила.

Я разжала челюсти, и он вошёл. Головка скользнула по языку, ударилась о нёбо, и я почувствовала, как его член заполняет рот целиком — толстый, горячий, солоноватый от смазки и моего собственного вкуса. Он не ждал, пока я привыкну. Начал двигаться сразу — глубокими, ритмичными толчками, заставляя меня принимать его на всю длину.

Я слышала, как влажно чавкает слюна при каждом движении, как его яйца шлёпают по моему подбородку, как он стонет сверху, ускоряясь. Он трахал мой рот, и я не могла ничего сделать — только смотреть на него снизу, чувствуя, как слёзы смешиваются со слюной, стекают по шее на грудь.

Он двигался глубоко, удерживая мою голову за волосы, проталкивая член в горло, пока я не почувствовала, что задыхаюсь. Он не останавливался — он дал мне привыкнуть, а потом снова ускорил ритм.

— Нравится? — выдохнул он сверху, не сбавляя темпа. — Твой рот создан для этого.

Я не могла ответить.

Он продолжал трахать мой рот, и я чувствовала, как от этого унижения низ живота наполняется горячей, тягучей волной. С каждым толчком я становилась всё влажнее, и моя киска сжималась впустую, на пустоте.

Он резко вышел и спустился ниже, разводя мои ноги. Член скользнул по внутренней стороне бедра, оставляя влажную дорожку, и остановился у входа. Но он не вошёл. Он дразнил, водя головкой по складкам, нажимая на клитор, не проникая внутрь.

— Проси, — сказал он, замирая.

Я молчала, кусая губы. Он провёл языком по соску — и снова отстранился.

— Проси, или я не дам тебе кончить.

— Пожалуйста, — выдохнула я, сдаваясь.

— Пожалуйста — что? — Он сжал мой клитор пальцами, нажимая ровно настолько, чтобы я выгнулась, но не давая облегчения.

— Трахни меня. Пожалуйста, трахни меня.

Он засмеялся — коротко, довольно.

— Вот что я хотел услышать, как только увидел тебя в первый раз.

Он вошёл одним толчком.

Я не была готова — не к этому. Он вошёл сразу, на всю длину, без остановки, и я почувствовала, как член раздвигает стенки, как кожа натягивается до предела, как он проталкивается глубже, чем я могла себе представить. Головка упёрлась в шейку матки, и по низу живота разлилась глухая, тянущая боль, смешанная с распирающим чувством наполненности.

Я закричала — не от боли, а от неожиданности, от того, как он заполнил меня целиком, не оставив ни миллиметра пустоты. Я чувствовала каждую вену на его члене, каждый миллиметр ствола, сжатый моими стенками. Влагалище обхватывало его, сжимаясь и разжимаясь, пробуя на ощупь, привыкая к этой новой, чужой плоти внутри.

— Сожмись, — выдохнул он, замирая на мгновение, и я почувствовала, как его член пульсирует внутри меня — горячий, твёрдый, живой. — Я хочу почувствовать, как ты меня принимаешь.

Я не могла ответить. Я только дышала, чувствуя, как низ живота пульсирует в такт его сердцебиению. Он начал двигаться — медленно, глубоко, почти на полную длину выходя и снова входя, растягивая меня все сильнее.

Каждый толчок отдавался в клиторе, в животе, в груди. Я слышала влажные, чавкающие звуки, с которыми его член скользил внутри меня — обильно выступившая смазка делала скольжение почти бесшумным, и только мокрые шлепки его яиц о мои ягодицы слышались при каждом толчке.

— Смотри на меня, — приказал он, и я подняла глаза.

Я смотрела в его лицо, искажённое удовольствием, и чувствовала, как внутри меня поднимается что-то, что я не могла контролировать. Не боль, не страх — а голод.

— Быстрее, — выдохнула я, и он усмехнулся, ускоряя ритм.

Он трахал меня жёстко, ритмично, задавая темп руками на моих бёдрах. Его пальцы впивались в кожу, оставляя синяки, но я не чувствовала боли — только наполненность, плотную, горячую, влажную.

— Давай, — выдохнул он мне в ухо, и его дыхание обжигало кожу. — Кончи. Я хочу почувствовать, как ты сжимаешься вокруг меня, когда кончаешь.

— Я не могу, — выдохнула я, чувствуя, что напряжение нарастает, но не могу отпустить его.

— Можешь. — Он наклонился и сжал мой клитор пальцами, надавливая в ритм толчков. — Смотри на меня, когда будешь кончать.

Волна прошла по телу, от клитора к животу, и я застонала в голос, сжимаясь вокруг него. Мышцы влагалища стискивали его член, и я чувствовала, как он напрягается внутри меня.

— Да, — выдохнул он, чувствуя, как я кончаю, как стенки сжимаются и отпускают его в ритме моего оргазма. — Вот так. Ты, оказывается, очень страстная.

Он ускорился, вбиваясь в меня, и я почувствовала, как внутри поднимается вторая волна. Он наклонился, втянул сосок в рот, и я кончила второй раз, чувствуя, как мышцы влагалища сжимаются и пульсируют, выжимая из него последние капли самообладания.

Он застонал и вышел в последний момент, кончая мне на живот. Горячие струи ударили в кожу, и я чувствовала, как сперма растекается по животу, смешиваясь с моей влагой и потом.

Он упал рядом, тяжело дыша, и отстегнул мои запястья. Я не шевелилась. Лежала на спине, чувствуя, как по бёдрам стекает смесь нашей жидкости, и смотрела в потолок. В голове звенела пустота.

Эйнар притянул меня к себе, и я уткнулась лицом в его плечо. Мы лежали в тишине, и я вдыхала запах его пота, вина и секса.

Глава 11

Глава 10.

1

Я выскользнула из его постели, когда первые серые лучи только начали пробиваться сквозь плотные шторы.

Эйнар спал. Я смотрела на него несколько секунд — тёмные ресницы на бледной коже, расслабленные губы, дыхание ровное и глубокое. Во сне он не казался опасным. Он казался почти обычным, только очень красивым той яркой, почти вызывающей красотой, которая поразила меня с первого взгляда.

Я натянула платье, не глядя, нащупала туфли и вышла, стараясь не шуметь. Сердце колотилось где-то в горле, и я не знала, боялась ли я, что он проснётся — или что не проснётся, и я уйду, не получив продолжения.

Коридоры Цитадели были пусты и тихи. Только редкие магические огни горели в настенных креплениях, да где-то вдалеке слышались шаги ночного патруля. Я шла быстро, почти бежала, и внутри меня всё путалось: стыд, страх, желание, отвращение к себе — и снова желание. Оно поднималось из живота горячей, липкой волной, стоило вспомнить его руки, его голос, его шёпот.

Я хотела его. Я хотела повторить эту ночь. Я хотела большего. И я знала, что он может дать больше.

И именно это заставило меня сбежать.

Я завернула за угол и вдруг замерла.

Комната тридцать три.

Дверь была закрыта, как и всегда. Тяжёлая, серая, с металлическими петлями и тем самым замком, который я на свою голову открыла, угодив прямиком в расставленную Эйнаром ловушку. Я остановилась напротив, не в силах двинуться дальше. Вспомнила, как стояла здесь не так давно, прижимая ладони к холодному металлу. Как вскрыла заклинание, как вошла внутрь, как Лилиан набросилась на меня и чуть не задушила.

А потом я увидела её снова. Сначала в спальне Эйнара, когда уже почти согласилась на сделку, благодаря которой я могла избежать наказания и продажи на аукционе. И вчера, в зеркале, перед тем как пойти к нему. Она стояла позади меня и качала головой. Медленно. Беззвучно. Только «нет» в глазах, умоляющих остановиться, не повторять её судьбу.

Я смотрела на дверь и чувствовала, как внутри поднимается холод.

— О чём ты хотела предупредить меня? — прошептала я в пустоту.

Ответа не было. Только тишина, тяжёлая, давящая, и запах сырости, пробивающийся сквозь щели.

Я знала, что она пыталась меня остановить. Знала, что за этой дверью скрывается ответ на вопрос, который я боялась задать самой себе: что будет со мной, если я не остановлюсь? Стану ли я такой же, как она? Буду ли я смотреть на себя в зеркало пустыми глазами, качать головой и молчать?

Вопрос был в том, остановлюсь ли я.

Я смотрела на дверь, и внутри меня боролись два голоса. Один кричал: беги, пока не стало поздно. Другой шептал: ты *уже на полпути, ты уже хочешь того же.*

Я развернулась и пошла дальше, чувствуя, как дрожат колени. За спиной осталась запертая дверь и тишина, тяжёлая, как камень. Я знала, что вернусь сюда. Не сегодня, не завтра, но вернусь. Потому что ответы, которые я искала, были именно там — за этой дверью, в той самой клетке, где Лилиан ждала меня, чтобы показать, какой я стану, если не остановлюсь вовремя.

2

Я толкнула дверь своей комнаты и вошла, стараясь ступать как можно тише. Но Морана не спала. Она сидела на кровати, поджав ноги, и, едва я переступила порог, вскочила и бросилась ко мне.

— Ровена! — Она обхватила меня за плечи, прижала к себе, и я почувствовала, как дрожат её руки. — Ты вернулась. Я так боялась за тебя. Я всю ночь не сомкнула глаз. Что он с тобой делал? Ты в порядке? Он тебя не покалечил?

Я позволила себя обнять, но внутри всё сжалось. Её голос был слишком громким, слишком взволнованным — будто она играла роль, которую выучила заранее. Раньше я не обращала на это внимания, но теперь в душе поселилось какое-то смутное волнение.

— Я в порядке, — ответила я, аккуратно высвобождаясь из её объятий. — Всё нормально.

— Нормально? — переспросила она, и в её глазах мелькнул жадный, голодный блеск. — Ровена, ты провела ночь с ним. С Эйнаром. Все знают, что он садист. Я сама видела, что он творил с Лилиан, на неё нельзя было смотреть без жалости. И ты не можешь просто сказать «всё нормально». Расскажи мне. Что он сделал? Как он это делал? Он был жесток? Он бил тебя? Он…

Она говорила быстро, почти захлёбываясь словами, и я заметила, как её зрачки расширились, как она облизнула губы, ожидая моего ответа.

И я вдруг ясно увидела: это было не сочувствие. Это был голод — такой же, с каким она смотрела на меня, когда я рассказывала о том, как он целовал меня в первый раз. Тогда я не обратила на это внимания.

— Морана. — Я остановила её, подняв руку. — Я не хочу говорить об этом. Не сейчас, по крайней мере.

Она на секунду замерла, но потом снова подступила ближе, почти вплотную, и её голос стал шёпотом, но от этого сделался только напряжённее:

— Ты можешь мне рассказать. Я твоя подруга. Я хочу знать, через что ты прошла. Это поможет тебе пережить это. Ну же, Ровена. — Она схватила меня за запястье, и её пальцы впились в кожу. — Он кончал тебе в рот? Он заставлял тебя кричать? Ты кончила?

Я отдёрнула руку. Внутри меня всё похолодело.

— Это слишком личные вопросы. И я не хочу сейчас на них отвечать. Понятно? — спросила я, и мой голос дрогнул.

Морана на секунду смутилась, но быстро взяла себя в руки.

— Прости. Я просто переживаю за тебя. Ты моя подруга. Я хочу знать, через что тебе пришлось пройти, чтобы поддержать тебя.

— Меня не нужно поддерживать, — сказала я холодно. — Со мной всё в порядке.

Она закусила губу, и в её глазах мелькнуло разочарование — такое явное, что я не могла его не заметить. Она хотела подробностей.

— Ладно, — сказала она, отступая. — Я понимаю. Ты устала. Но знай: если захочешь поговорить — я рядом. Всегда рядом.

Она взяла свои вещи и направилась к двери. Уже на пороге она обернулась и посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом, от которого у меня по спине побежал холодок.

— Отдыхай, — сказала она. — Ты выглядишь… очень уставшей.

Когда дверь за ней закрылась, я прислонилась спиной к стене и выдохнула. Её вопросы всё ещё звенели в ушах, но самое страшное было не в них. Самое страшное было в том, что я вспомнила, как Эйнар называл её.

Крыса.

3

Я закрыла дверь ванной и прислонилась к ней спиной, переводя дух. Стены комнаты давили, вопросы Мораны всё ещё звенели в ушах, и мне нужно было смыть с себя эту ночь — его запах, его прикосновения, его голос, который продолжал звучать где-то внутри.

Я разделась, встала под струю воды и закрыла глаза.

Горячая вода обожгла кожу, стекая по шее, по груди, по животу. Я стояла, прижавшись лбом к прохладному кафелю, и пыталась дышать ровно. Вдох. Выдох. Ничего не болит. Я жива. Я справлюсь.

Но вместо спокойствия в голову хлынули образы — яркие, чужие, не мои.

Я не сразу поняла, что это видение. Просто вдруг кафельная стенка под моими пальцами перестала быть кафельной. Она стала тёплым, гладким деревом. Свет изменился — стал золотистым, свечным. И я перестала быть собой.

Я стояла не в душе.

Я стояла в той самой комнате с чёрными шторами и тяжёлой мебелью, которую видела всего несколько часов назад. Но теперь я смотрела на неё не своими глазами — я смотрела на неё с пола. С колен.

Я стала Лилиан.

Я почувствовала холод каменного пола под голыми коленями. Тяжесть цепи на шее, тянущей к ножке кресла. Металлическую горечь во рту и мокрые волосы, прилипшие к лицу.

Он стоял передо мной.

Высокий, темноволосый, в расстёгнутой рубашке. Такой же, как сегодня ночью. Только смотрел не на меня — на неё. На Лилиан. На ту, кем я стала в этом видении.

— Ты хочешь угодить мне? — спросил он. Голос низкий, спокойный, без тени жестокости.

— Да, господин, — ответила я её голосом. И это было правдой. Я чувствовала это каждой клеткой — желание угодить ему, раствориться в его воле, стать его вещью. Оно билось в груди, тёплое и тягучее, как мёд.

— Тогда покажи, какая ты послушная сучка.

Он расстегнул ширинку. Член выпал наружу — мягкий, но он провёл по нему ладонью, и тот начал набухать, наливаясь кровью. Я смотрела на него и чувствовала, как рот наполняется слюной в предвкушении. Я хотела взять его в рот. Я хотела чувствовать его на языке.

Но он не дал.

— Не торопись. Сначала — смотри.

Он направил струю мочи мне на лицо.

Тёплая жидкость ударила по щекам, потекла по подбородку, затекла в рот. Я открыла рот шире, принимая её на язык. Вкус был горьковатым, солёным, тёплым — и я глотала, потому что это было его. Потому что он давал мне это, и я принимала с благодарностью. Я смотрела на него снизу вверх, и в груди разливалось тепло — не унижение, а покой. Я была там, где должна была быть.

Струя кончилась. Он убрал член и провёл ладонью по моей мокрой щеке, почти ласково.

— Хорошая девочка. А теперь — лижи.

Я наклонилась к его ботинкам. Кожа была холодной и пыльной. Я провела языком по носку, собирая грязь. Вкус пыли и кожи осел на языке, но я продолжала — облизала шнурки, подошву, каблук. Я делала это старательно, не пропуская ни миллиметра, и с каждым движением чувствовала, как внутри разливается странное, тягучее удовлетворение. Я была нужна ему. Я была полезна.

Он отошёл к камину и вернулся с двумя металлическими зажимами в руках. Я замерла в ожидании, чувствуя, как соски твердеют ещё до того, как он прикоснулся ко мне. Он накрутил зажимы — сначала на левый, потом на правый. Металл сжался, и я выдохнула сквозь зубы —

не от боли, а от резкого, острого удовольствия, которое пронзило грудь и отдалось тянущей волной между ног.

Он прикрепил к зажимам грузики. Тяжёлые. Они оттягивали соски вниз, растягивая их, и я выгнулась, подставляясь, прося ещё.

— Теперь — лежать.

Я легла на холодный пол. Камень был твёрдым и прохладным под разгорячённой кожей. Он поставил передо мной миску с водой. Я не ждала команды — я поняла. Я опустила лицо в миску и начала пить, как собака. Вода стекала по подбородку, смешиваясь со слюной и остатками мочи. Я пила и чувствовала, как внутри разливается странный покой — я делала то, что от меня ждали. Я была хорошей девочкой.

— Ты моя, — сказал он, садясь в кресло. — И ты будешь делать то, что я скажу. Если скажу ползать — будешь ползать. Если скажу лизать — будешь лизать. Если скажу сдохнуть — сдохнешь.

Я подняла на него глаза. В груди было тепло, и оно не имело ничего общего со страхом.

— Спасибо, господин, — прошептала я. И это было искренне.

— На здоровье, — ответил он, и в его голосе мне послышалась усталая нежность.

Он поднял бокал и сделал глоток. Я осталась лежать на полу, прикованная за шею, с зажимами на сосках, с мочой, засыхающей на лице. И я была счастлива. Я чувствовала себя целой. Я знала своё место.

А потом её глаза встретились с моими.

Лилиан посмотрела прямо на меня — сквозь время, сквозь пространство, сквозь магию видения. Её губы шевельнулись, и я услышала голос — тихий, надломленный, но в нём не было упрёка. Только странная, горькая нежность.

— Вот что он делает с теми, кто его любит.

Изображение схлопнулось.

Я стояла в душе, прижавшись лбом к кафельной стене. Вода стекала по телу — горячая, почти обжигающая. Я смотрела на свои руки, вцепившиеся в край полки, и чувствовала, как по щекам текут слёзы. Или вода. Я не могла различить.

Внизу живота разливалось тепло. Горячее, влажное, требовательное — возбуждение, которое не должно было возникнуть. Я ненавидела себя за то, что чувствовала.

— Прекрати, — прошептала я вслух. — Прекрати сейчас же.

Я сжала край раковины, впиваясь ногтями в фаянс. Побелевшие пальцы — я смотрела на них и пыталась дышать ровно. Но жар не уходил. Он отдавался в такт сердцу, и я чувствовала, как влага собирается между ног, как соски твердеют от одного только воспоминания о его голосе.

— Нет! — Я с силой ударила ладонью по кафельной стене. Звонкий шлепок разнёсся по ванной, руку обожгло болью. На секунду возбуждение отступило, сменившись глухой, ноющей болью в ушибленной ладони.

Я прислонилась спиной к стене и сползла на пол, обхватив колени руками. Сидела на холодном кафеле, голая, мокрая, дрожащая, и пыталась дышать ровно. Я представила себе мать — её бледное лицо на подушке, её слабые руки. Я представила младших — двойняшек, которые ждали меня дома. Я представила Кайла с яблоком в руках — его улыбку, его «я всё для тебя сделаю».

Но образы расплывались. Они утекали, как вода сквозь пальцы. И сквозь них проступало другое: его глаза, его голос, его руки на моём теле.

— Ты не станешь ею, — сказала я себе вслух. Голос дрожал, но я заставила себя произнести это отчётливо. — Ты не Лилиан. Ты не полюбишь его. Ты не будешь ползать перед ним на коленях и благодарить за унижение. Ты не такая.

Я повторяла это снова и снова, как мантру, вбивая каждое слово в сознание. Но низ живота всё ещё ныл, глухо и настойчиво, не слушая доводов разума.

Тогда я зажмурилась и представила себе самое отвратительное, что могла вообразить. Лицо Гримма, когда он смотрел на меня в столовой. Его бельмо, его сальные губы. Представила, как его руки касаются меня, и внутри поднялась тошнота.

Возбуждение отступило.

Я открыла глаза и выдохнула. Ладони дрожали, зубы стучали от холода и перенапряжения. Я встала, накинула халат и вышла из ванной, стараясь не смотреть в зеркало, где совсем недавно видела призрак Лилиан.

Я боялась, что увижу там себя. И что у нас с ней будет одно лицо.

4

Я остановилась посреди комнаты, глядя на неубранную постель Мораны. В голове всё ещё ворочались образы — лицо Лилиан, голос Эйнара, цепь на её шее, тёплая струя, стекающая по её подбородку. Я тряхнула головой, пытаясь стряхнуть наваждение, и в этот момент услышала знакомый стук.

Три удара. Пауза. Ещё три.

Я замерла.

Ворон.

Я подошла к окну и отдёрнула занавеску. На подоконнике сидел чёрный ворон — тот самый, с блестящими перьями и умными глазами. Он сжимал в лапке узкий кожаный ремешок.

Я открыла створку, и он шагнул внутрь, стряхивая с перьев капли утреннего тумана. Я отвязала записку дрожащими пальцами, и он замер на подоконнике, глядя на меня чёрными бусинами глаз.

Я развернула бумагу. Почерк Кайла — торопливый, неровный, будто он писал на колене, оглядываясь через плечо.

«Ровена. Я здесь. Стройка у западной стены. Приходи до заката. Я придумал, как вытащить тебя. Жди сигнала через несколько дней. Мне нужно увидеть тебя. Пожалуйста. Кайл».

Я перечитывала записку, и буквы плыли перед глазами.

Кайл. Он здесь. Он ждёт меня. Он придумал, как вытащить меня отсюда. Он спасёт меня.

Я смотрела на записку, и внутри меня поднималось странное, горькое чувство. Я забыла. Я совершенно забыла о нём. О Кайле. О побеге. О том, что где-то за стенами этой Цитадели есть другая жизнь — та, в которой я не стояла на коленях перед Эйнаром, не глотала его сперму, не сжималась от удовольствия под ударами его плети.

Я зажала записку в кулаке и прислонилась лбом к холодному стеклу.

Если я дотяну до сигнала Кайла, я смогу уйти. Я смогу увидеть дом. Маму. Младших. Смогу жить жизнью, где нет места ни боли, ни унижению, ни этому липкому, тягучему желанию, которое сжигает меня изнутри.

Но глядя на серое небо за окном, я вдруг поняла — я не знаю, хочу ли я уходить.

«*Вот что он делает с теми, кто его любит».* Я должна бояться. Я должна бежать. Но внутри меня, под слоем страха и отвращения, теплилось что-то другое — тёмное, голодное, что хотело остаться. Что хотело узнать, как далеко я могу зайти, прежде чем сломаюсь. Или прежде чем пойму, что мне нравится быть сломленной.

Я посмотрела на ворона. Он наклонил голову, будто ждал ответа.

— Передай ему, что я приду, — сказала я тихо. — Сегодня. До заката.

Ворон моргнул, развернулся и выпорхнул в окно.

Я осталась одна с запиской в руке и мыслями, которые раздирали меня на части. Но часть меня уже не хотела спасаться.

5

Учебный день тянулся бесконечно.

Я сидела на занятиях, механически записывая слова лекторов, но мысли были далеко. Браслет на запястье наливался глухим теплом, блокируя любую попытку прикоснуться к магии. На теории ментальных барьеров я попробовала построить защиту — просто чтобы почувствовать, что я ещё способна на что-то, — но браслет сжался, и в руку отдалась тупая боль. Я отдёрнула ладонь и больше не пробовала.

Магистр Вивьен бросала на меня короткие взгляды, но ничего не говорила. Я была пустым местом — ученица без дара, вещь, которую купили и используют.

На перемене Элис подсела ко мне и спросила, всё ли в порядке. Я кивнула и улыбнулась, но улыбка вышла натянутой. Она не настаивала, только сжала мою руку и ушла.

Я смотрела на часы и считала минуты до заката. До встречи с Кайлом. До последнего шанса сбежать.

Эйнар не объявлялся, и я была рада этому. Точнее, должна была радоваться. Но какая-то часть меня ждала его появления.

На третьем занятии я подняла руку и попросила выйти. Магистр Корвус недовольно кивнул, и я выскользнула в коридор, надеясь на пару минут тишины, чтобы собраться с мыслями.

Я не успела сделать и десяти шагов.

Сильная рука схватила меня за локоть и дёрнула в пустующую нишу. Я вскрикнула, но ладонь зажала мне рот, и я поняла, кто это, раньше, чем увидела лицо.

Эйнар.

Он прижал меня к стене, вдавливая плечи в холодный камень. Его глаза блестели в полумраке, и на губах играла усмешка.

— Ты думала, я не замечу, что ты сбежала утром? — спросил он тихо, почти ласково. — Я проснулся, а моя игрушка исчезла. Это было невежливо.

— Я не игрушка, — выдохнула я, стараясь, чтобы голос звучал как можно твёрже. Но колени дрожали.

— Игрушка. И игрушки не покидают хозяина без разрешения.

Его рука скользнула по моему бедру, задирая платье. Я почувствовала, как его пальцы касаются внутренней стороны бедра, и внутри меня вспыхнул жар, который я пыталась погасить всю первую половину дня.

— Вечером я накажу тебя за это, — прошептал он мне в ухо, и его дыхание обожгло кожу. — Но, пожалуй, начну прямо сейчас.

— Ты накажешь меня так же, как Лилиан? — вырвалось у меня. — Втопчешь в такую же грязь?

Он замер.

На секунду — всего на секунду — его лицо изменилось. Усмешка исчезла, глаза потемнели. Он смотрел на меня так, будто я сказала что-то, чего не должна была говорить.

— Что наболтала тебе крыса? — спросил он, и голос его стал жёстче.

— Морана ничего мне не говорила, — ответила я, глядя ему прямо в глаза.

— Тогда откуда…

Он не закончил. Его пальцы сжали мой подбородок, и я почувствовала, как он входит в моё сознание — резко, без предупреждения, ломая жалкие остатки защиты, которую я пыталась выстроить утром. Я зажмурилась, но это не помогло — он был внутри, перебирая мои воспоминания, как вещи в чужом шкафу. Я молилась лишь об одном: чтобы он не увидел там Кайла и мыслей о побеге.

Я чувствовала его удивление. А потом — холодное, спокойное понимание.

Он вышел из моего сознания так же резко, как вошёл, и отпустил мой подбородок.

— Вот оно что, — сказал он, и в голосе его не было злости — только странная, задумчивая интонация. — Лилиан показала тебе нашу игру.

— Ты знал? — выдохнула я.

— Я знаю, что это невозможно. — Он отступил на шаг, и его взгляд стал тяжёлым, изучающим. — В том состоянии, в котором она находится, она не может посылать воспоминания. Она не может вообще ничего — ни мыслей, ни эмоций, ни образов.

— Но я видела…

— Ты видела её воспоминания. Но их показала не она.

Он смотрел на меня долгим, пристальным взглядом, и я не могла понять, о чём он думает.

— Вечером мы поговорим, — сказал он наконец. — Ты придёшь ко мне, и мы обсудим это. А пока…

Он провёл пальцем по моей щеке.

— Не смей убегать от меня снова. Сегодня вечером. В то же время, что и вчера.

Он развернулся и ушёл, оставив меня стоять в нише, прижавшись спиной к холодной стене. Я смотрела ему вслед, и внутри меня всё дрожало — не от страха, а от предвкушения.

Я должна была бежать. И ещё мне нужно было встретиться с Кайлом до заката.

Но часть меня, самая тёмная, самая голодная, уже ждала вечера, и того, что он со мной сделает, когда я снова переступлю порог его комнаты.

6

После занятий у меня оставалось три часа.

Три часа до того, как я должна была переступить порог его комнаты. Три часа, за которые я могла успеть встретиться с Кайлом, услышать план побега и решить, что делать дальше.

Я стояла в коридоре, глядя на часы, и чувствовала, как внутри меня борются два голоса.

Беги. Сейчас, пока не поздно. Пока ты ещё можешь уйти.

Но другой голос, тихий и липкий, шептал: *А может, всё не так страшно? Может, ты сгущаешь краски?*

Я вспомнила слова Эйнара: «Лилиан не может посылать воспоминания. Это невозможно».

Он не отрицал того, что я видела. Он сказал только, что она не могла этого сделать. Но видение было настоящим. Грязь, унижение, цепь на шее — это было реально.

Он не сказал, что это неправда, — поддакнул внутренний голос. — *Он просто сказал, что она не могла тебе это послать. Но если это правда — какая разница, кто послал эти воспоминания? Тебе просто показали правду.*

Я закусила губу до боли.

Но если он знает, что это неправда — значит, он знает, кто это сделал. И он хочет поговорить с тобой вечером. Разве это не шанс всё узнать?

— Заткнись, — прошептала я вслух. — Заткнись.

Я не знала, с кем я спорила — с ним, с собой или с тем голосом, который хотел остаться.

Я посмотрела на часы. Два с половиной часа.

Я должна была идти. Я обещала Кайлу.

Я взяла сумку, накинула плащ и направилась в библиотеку.

Она встретила меня тишиной и запахом старой бумаги. Мадам Элиан сидела за своей конторкой и даже не подняла головы, когда я вошла. Я прошла между стеллажами, делая вид, что ищу книгу, а сама краем глаза следила за проходом.

Служебный выход был в самом конце левого крыла, за рядом с фолиантами по истории магии. Узкая дверь, обитая тёмным деревом, вела во внутренний двор, к старым хозяйственным постройкам.

Я оглянулась. Пусто.

Я толкнула дверь и выскользнула наружу.

Задний двор был пуст. Серый камень, кусты, пожухлая трава. И он — стоящий у стены, в рабочей одежде, с капюшоном, надвинутым на глаза.

Кайл.

Он поднял голову, и я увидела его лицо — осунувшееся, с тёмными кругами под глазами. Он шагнул ко мне и остановился в двух шагах, будто боялся подойти ближе.

— Ровена, — выдохнул он. — Ты пришла.

Я кивнула. Слова застряли в горле.

— Я так боялся, что ты не придёшь. — Он сделал шаг вперёд, взял мои руки в свои. Ладони у него были тёплыми, шершавыми, мозолистыми — руки кузнеца. Руки человека, который работал каждый день, чтобы построить дом, о котором мы мечтали. Раньше одно только прикосновение этих рук заставляло моё сердце биться чаще. Сейчас я чувствовала только тепло — и всё. Оно не проникало внутрь, не согревало, не находило отклика в груди.

— Я придумал, как вытащить тебя, — говорил он, сжимая мои пальцы. — Через три дня. Ночью. Я договорился с одним из стражников, он должен быть на посту у западной стены. Я выведу тебя через стройку, там есть проход в старый город. Мы вернемся домой, в Кейрн-Холлоу, а потом решим, что делать дальше.

Домой.

Я повторила это слово про себя, пробуя его на вкус. Дом. Мама. Младшие. Печка, которая дымит. Крыша, которая течёт. Кайл, который ждёт меня под старой яблоней.

И что ты там будешь делать? — спросил голос. — *Стирать пелёнки, топить печь, ждать, пока муж вернётся с работы? Ты видела, что бывает за этими стенами. Трогала это руками. Ты уже не сможешь стать прежней.*

Ничего. Слова падали внутрь, как камни в колодец, и не достигали дна. Только глухая, звенящая тишина.

Может, я просто устала? — подумала я. — *Может, после бессонной ночи и всего, что случилось, я просто не могу чувствовать?*

Но внутри, глубже, другой голос — тихий, холодный, циничный — ответил: *Ты не устала. Ты просто больше не хочешь его. И никогда не хотела. Ты была привязана к нему. Он был частью твоей прошлой жизни — той, где ты ждала чуда. А теперь ты знаешь, что чуда не будет. И он тебе ничего не может дать.*

— Ты слышишь меня? — Кайл всмотрелся в моё лицо. — Ровена? Ты в порядке? Они тебя не тронули?

— Со мной всё хорошо, — ответила я. Голос прозвучал ровно, чуждо, будто принадлежал не мне, а кукле, которая стояла рядом и кивала в нужные моменты. — Ты не волнуйся.

Врёшь, — шепнул голос. — *Ты не в порядке. Ты сломана. И тебе это нравится.*

Он смотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то — не тревога, а лёгкое, почти неуловимое недоумение. Он чувствовал, что я изменилась, и не мог этого объяснить. Я видела, как дрогнули его пальцы, сжимающие мои ладони, как он замер, будто ждал, что я скажу что-то ещё.

Но я молчала. Мне нечего было сказать.

— Мне надо идти, — выдохнул он наконец, отпуская мои руки. — Если меня хватятся, будут вопросы. Потерпи ещё немного, Ровена. Жди сигнала.

Он развернулся и быстро зашагал к калитке в стене. Я смотрела ему вслед и ждала. Ждала, когда внутри ёкнет — когда боль от расставания пронзит грудь, когда я захочу окликнуть его, остановить, броситься следом.

Почему ты не чувствуешь боли? — спросила я себя. — *Ты же любила его.*

И голос ответил — спокойно, почти ласково:

Ты любила того Кайла, который дарил тебе яблоки и мечтал о доме. Но той тебя больше нет. А он остался прежним. Вы стали чужими. Это нормально.

Нормально? — переспросила я.

Да. Ты просто переросла его. Как перерастают старую одежду.

Я стояла во дворе, глядя на запертую калитку, и чувствовала только глухую, звенящую пустоту — как в комнате, из которой вынесли всю мебель, оставив голые стены и эхо собственных шагов.

Он ушёл. А я осталась стоять, и внутри меня не было ничего — ни любви, ни боли, ни надежды. Только пустота. И ровный, холодный счёт времени до того часа, когда я снова переступлю порог комнаты Эйнара.

Я поднесла руку к лицу и посмотрела на свои пальцы. Они дрожали. Но не от холода, не от волнения — от пустоты, которая разливалась внутри, заполняя каждую клетку, вытесняя всё, что было раньше.

Кайл был частью другой жизни. Той, где я просыпалась на рассвете, слушала пение птиц и мечтала о доме с резными ставнями. Но той девушки больше не существовало. Её оставили где-то между поцелуем Эйнара и первым ударом его плети, между его голосом в моей голове и его пальцами, проникающими внутрь.

Я развернулась и пошла обратно в библиотеку. Шаги отдавались в тишине глухими, ровными ударами.

Впереди был вечер. Впереди был он.

И я знала, что приду. Потому что идти мне было больше некуда. И потому что я хотела прийти.

Глава 12

Глава 11

1

Я вошла в его комнату без стука. Дверь поддалась сразу, будто ждала меня, и я переступила порог с чувством, которое не могла назвать ни страхом, ни решимостью. Что-то среднее — глухое, тягучее, толкающее вперёд.

Эйнар сидел в кресле у камина, с бокалом в руке, и смотрел на огонь. Он не обернулся, когда я вошла, но я знала, что он знает — я здесь. Он всегда знал.

— Я хочу поговорить, — сказала я, и голос мой прозвучал твёрже, чем я ожидала.

— Я слушаю. — Он не повернулся, но я видела, как его пальцы чуть сжали бокал.

Я сделала шаг вперёд и остановилась напротив него, чтобы видеть его лицо.

— О том, что я видела. Воспоминание Лилиан. То, что мне показали. Я хочу знать, что это было на самом деле. И кто мне это показал.

Он медленно поставил бокал на столик и поднял на меня глаза. В них не было удивления — только спокойное, чуть усталое понимание.

— Садись, — сказал он, указав на кресло напротив.

Я села, не сводя с него взгляда.

— Сцена, которую ты видела, была реальной, — сказал он, и я почувствовала, как внутри меня всё сжалось. — Это действительно было. И многое другое, чего ты не видела, — тоже было.

— Ты не отрицаешь?

— А зачем мне отрицать? Ты видела это своими глазами. Но ты не видела главного.

— Чего?

— Того, что было до и после. Того, что Лилиан не была жертвой.

Я открыла рот и снова закрыла. Внутри меня всплыло воспоминание — её лицо, когда она глотала, когда пила из миски, когда смотрела на него с обожанием. Она не выглядела сломленной. Она выглядела… счастливой.

— Она была добровольной участницей, — продолжал Эйнар. — Я ни к чему её не принуждал. Всё, что происходило между нами, происходило по её согласию. Она была идеальным сабмиссивом — принимала всё с удовольствием, без страха, без сопротивления. Такое трудно найти.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри поднимается глухая волна — смесь отвращения и странного, липкого понимания.

— Ты её не бросал? — спросила я, и голос мой дрогнул.

— Нет. — Он встретил мой взгляд прямо. — Накануне её самоубийства мы расстались вполне нормально. Договорились, что я позову её снова в ближайшее время, и я действительно собирался это сделать. Мне она нравилась. Можешь мне не верить, но по своему я был к ней привязан. А на следующий день её нашли с ядом в крови. Точнее, не её, а то, что от неё осталось. Но у неё не было причин травиться. По крайней мере точно не из-за меня.

Он говорил спокойно, но я видела, как его челюсть сжалась на мгновение, когда он произнёс последнюю фразу.

— Я не верю тебе, — сказала я, и слова упали в тишину, как камни.

— Я знаю.

— Ты говоришь, что никого не бросал, что ты не принуждал её, что она была счастлива. Но я видела, как она ползала перед тобой на четвереньках, как ты мочился ей на лицо. И ты хочешь, чтобы я поверила, что это было добровольно?

— Ты видела только часть. Ты не видела, как она просила об этом. Как она умоляла меня сделать это снова. Как она говорила, что чувствует себя целой только так. Её изнасиловали в приюте, когда ей было двенадцать. Она сама мне об этом рассказывала. Может, в этом всё дело. Я не разбирался, но она была для меня удобна.

Эйнар поднялся и подошёл к камину, глядя на огонь.

— Я понимаю, что словами тебя не убедишь. Ты слишком много раз обжигалась, чтобы верить на слово.

Он повернулся ко мне, и в его глазах мелькнуло что-то, чего я раньше не видела. Не усмешка, не вызов. Спокойная, почти уязвимая решимость.

— Ты моя вещь, Ровена. Хозяевам не нужно ничего доказывать своим вещам. Но я сделаю исключение.

Он подошёл ко мне и взял мою руку. Я замерла, чувствуя, как его пальцы касаются браслета на моём запястье. Металл под ними нагрелся, и я почувствовала, как тиски вокруг моего дара ослабевают — не полностью, но достаточно, чтобы я ощутила его присутствие, его магию.

— Я сниму ограничитель, — сказал он тихо, глядя мне в глаза. — И ты заглянешь в мою голову. Сама увидишь, как всё было. Я научу тебя, как это делать.

Я смотрела на него, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Я не знала, что увижу там. Я не знала, поверю ли я своим глазам. Но я знала, что должна попытаться.

— Хорошо, — выдохнула я. — Покажи мне.

2

— Что мне нужно делать? — спросила я, чувствуя, как пульс отдаётся в кончиках пальцев.

— Сядь напротив меня, — сказал он, и я подчинилась.

Он взял мои руки в свои — тёплые, сухие, уверенные — и поднёс их к своим вискам. Я чувствовала его пульс под подушечками пальцев — ровный, спокойный. Слишком спокойный для человека, который собирался открыть самую уязвимую часть себя.

— Не пытайся пробиться, — сказал он тихо. — Ты не ломаешь дверь. Ты входишь в распахнутые ворота. Открой разум. Сконцентрируйся, но в то же время расслабься. Позволь мне вести тебя. Плыви по течению.

Я закрыла глаза.

Сначала была только темнота. Тепло его кожи под моими ладонями. Его дыхание, ровное и глубокое. А потом — лёгкое головокружение, будто я сделала шаг в пустоту, и земля ушла из-под ног.

Я почувствовала, как его барьер расступается передо мной — не ломается, не трещит, а мягко раздвигается, как вода перед ныряльщиком. Я скользнула внутрь.

И вдруг я стала им.

Я стояла в знакомой комнате — в той же, где мы находились сейчас. Но я смотрела не своими глазами. Я смотрела его глазами. Я чувствовала тяжесть своего тела в кресле, вкус вина на языке, тепло огня на лице. И передо мной стояла она.

Лилиан.

Она была одета — лёгкое светлое платье, волосы собраны в небрежный пучок. Она выглядела живой, здоровой, румяной. На её губах играла улыбка — мягкая, тёплая, совсем не похожая на ту застывшую маску, которую я видела в комнате тридцать три.

— Ты уходишь? — спросил он — спросила я? — и голос звучал низко, расслабленно.

— Да, господин, — ответила она, и в её голосе не было страха. Только лёгкая, игривая нотка.

Он — я? — усмехнулся.

— Сколько раз тебе говорить? Не называй меня так вне игры. У меня имя есть.

Она рассмеялась — звонко, искренне, запрокинув голову.

— Прости. Привычка.

Она подошла ближе, и он — я — поднялся ей навстречу. Она оказалась совсем рядом, и я уловила её запах — травяной, свежий, незнакомый. Она обняла его — меня? — и я чувствовала тепло её тела сквозь ткань рубашки.

— Я позову тебя на днях, — сказал он. Голос звучал ровно, но в нём не было холода. — Отдохни. Ты выглядишь уставшей.

— Я не устала, — ответила она, поднимая на него глаза. — Я просто счастлива.

Он наклонился и поцеловал её. Поцелуй был коротким, тёплым — не жадным, а почти нежным. Она улыбнулась в его губы.

— До встречи, — сказала она, отступая. — Я буду ждать.

Она развернулась и вышла. Я смотрел ей вслед — и не чувствовал ни облегчения, ни раздражения. Только спокойное, ровное удовлетворение.

А потом видение схлопнулось.

Я открыла глаза и поняла, что сижу напротив него, сжимая его виски побелевшими пальцами. Мои руки дрожали.

— Она была… счастлива, — выдохнула я.

— Да, — ответил он. — Была.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри меня рушатся стены, которые я выстроила вокруг своей ненависти к нему. Возможно, я ошибалась в нём. Возможно...

Я не успела додумать, потому что в этот момент он наклонился и поцеловал меня.

Я не отстранилась. Я подалась к нему, отвечая на поцелуй, и впервые за долгое время не чувствовала за собой вины. Только желание. Чистое, жадное, неразбавленное страхом желание.

3

Он прервал поцелуй.

Я осталась сидеть с полуоткрытыми губами, чувствуя, как тепло его рта ещё горит на моих губах, и смотрела на него в недоумении. Сердце колотилось где-то в горле, и я не знала, что сейчас сильнее — желание притянуться к нему снова или холодное недоверие, которое всё ещё сидело под рёбрами.

Я видела правду. Я чувствовала её — ту сцену, ту Лилиан, её улыбку, её смех. Она была счастлива. Она не была жертвой.

Но это не обеляло его. Не делало его хорошим. Он всё ещё делал с ней те вещи, от которых у меня закипала кровь. Но теперь я знала, что она хотела этого. Сама.

И это запутывало всё ещё сильнее.

— Я не понимаю, — сказала я, и голос мой прозвучал хрипло. — Если это правда… если она была счастлива… то зачем Моране лгать мне? Зачем говорить, что ты её бросил, что ты сломал её?

Эйнар откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом.

— Морана долгое время не давала мне проходу, — сказал он спокойно. — Она ходила за мной, писала записки, придумывала предлоги, чтобы остаться наедине. Один раз даже пробралась в мою спальню, когда я спал. — Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Я выставил её. Довольно жёстко, по правде говоря. Но я не люблю, когда мне мешают спать, в особенности девки, которых я не хочу. А крыса была совсем не в моем вкусе.

— А Лилиан была? — спросила я.

— Лилиан была. Мы поняли друг друга с первой встречи. У неё была потребность в таких играх — возможно, из-за травмы, о которой я тебе говорил. Я мог дать ей то, что она искала: безопасность, границы, контроль, который она отдавала добровольно. И я не скрываю, что мне самому это нравилось. Очень нравилось.

Он говорил об этом с той же спокойной интонацией, с которой обсуждал погоду или расписание занятий. Но я видела, как его пальцы чуть сжали подлокотник кресла, когда он произнёс имя Лилиан.

— Ты не бросал её, — сказала я, скорее утверждая, чем спрашивая.

— Не бросал. Она ушла от меня живой, здоровой и счастливой. А на следующий день её нашли с ядом в крови.

В комнате повисла тишина. Я смотрела на него, и кусочки пазла складывались в моей голове.

— Морана, — сказала я медленно. — Её любопытство. Её вопросы о том, что ты делал со мной в первую ночь. Она выспрашивала каждую деталь, и я думала, что это сочувствие, но это был голод. Она хотела знать…

Она хотела знать, что ты делал со мной. И с Лилиан.

— У меня есть подозрение, — сказал Эйнар, и его голос стал тише. — Что Лилиан не убивала себя. Что её отравила Морана. Но каким-то образом она же удерживает то, что осталось от Лилиан, среди живых. Контролирует её разум.

— Контролирует? — переспросила я, чувствуя, как по спине бежит холод.

— Лилиан не могла напасть на тебя сама. У неё нет для этого ни сил, ни воли. Она — пустая оболочка, живой замок. Но в ту ночь, когда ты проникла в комнату, она набросилась на тебя с такой яростью, будто кто-то дёрнул за ниточку. И я давно подозреваю, что эта ниточка ведёт к Моране.

— Ты подставил меня, — сказала я, и в моём голосе прозвучала глухая злость. — Ты знал, что она может напасть на меня, и всё равно позволил мне открыть дверь.

— Нет. Я действительно знал, что ты собираешься делать. Книга с инструкцией по открытию магического замка тоже моих рук дело. Я хотел получить тебя. Но ты оказалась упрямой, предпочла двадцать ударов плетьми и продажу на аукционе. И всё равно оказалась у меня. Ладно, это детали. В любом случае, я не ожидал, что она нападёт так быстро и так агрессивно. Лилиан безвредна — или была безвредна, пока Морана не начала использовать её как марионетку.

Я смотрела на него, и внутри меня боролись два чувства: злость за то, что он рисковал мной, и странное, нелогичное облегчение от того, что он хотя бы признал это.

— Но есть кое-что, чего я не могу объяснить, — добавил он, и его взгляд стал тяжёлым. — Воспоминание, которое ты видела. Лилиан не может посылать такие вещи. У неё нет для этого сил. Кто-то вложил его в твою голову.

— Морана? — спросила я.

— Возможно. Она хотела напугать тебя, вызвать отвращение. Она не ожидала, что я пойду на откровенный разговор.

Он замолчал, и я видела, как он обдумывает что-то, принимая решение.

— Я предлагаю тебе объединить усилия, — сказал он неожиданно. — Ты её соседка. Ты можешь следить за ней, замечать странности, рассказывать мне о том, что происходит. Я хочу разобраться в этой истории.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри поднимается странное, холодное волнение.

— Ты предлагаешь мне шпионить за ней? — спросила я.

— Я предлагаю тебе помочь мне понять, что произошло с Лилиан. И защитить тебя от того, что Морана может задумать дальше. Если она действительно убила Лилиан, она опасна, понимаешь, рыжая. Ты можешь стать следующей.

Я молчала несколько секунд, обдумывая его слова. Потом кивнула.

— Хорошо. Я согласна.

Он чуть приподнял бровь, будто ожидал большего сопротивления, но я продолжила:

— Но если я буду тебе помогать, мне нужна возможность пользоваться магией. Браслет мешает мне на занятиях. Я не могу защититься, если Морана решит напасть на меня.

Эйнар усмехнулся, и в его глазах мелькнуло знакомое выражение — смесь одобрения и ленивого удовольствия.

— Если ты будешь хорошо вести себя сегодня ночью, я подумаю об этом. И о том, чтобы самому обучить тебя как телепата. У тебя действительно неплохие данные, есть с чем работать.

Я почувствовала, как внутри меня вспыхнул жар — смесь предвкушения и страха.

— А теперь скажи мне, — сказал он, подаваясь вперёд, — что ты чувствовала, когда видела то воспоминание?

Я отвела взгляд.

— Это было… омерзительно, — сказала я тихо. — Я видела, как ты унижаешь её, как она ползает перед тобой на коленях…

— Это не унижение, — перебил он меня. — Это высшая форма доверия. Когда человек отдаёт тебе контроль над собой, зная, что ты не причинишь ему настоящего вреда. Лилиан доверяла мне. Полностью. И я никогда не нарушал её доверия.

— Она могла сказать «красный»?

— Всегда. У неё была такая же возможность, как у тебя. Эта возможность была и есть у всех девушек, которые были со мной. Но Лилиан ни разу ею не воспользовалась.

Я смотрела на него, и в голове у меня был хаос. Я не знала, что думать. Всё, во что я верила — что он чудовище, что Лилиан была жертвой, — рассыпалось на глазах. Но что-то новое ещё не выстроилось на этом месте.

— Я не знаю, что думать, — сказала я честно.

— Ничего страшного, — ответил он. — У тебя есть вся ночь, чтобы разобраться.

Он поднялся и протянул мне руку.

— Идём. Хватит разговоров на сегодня.

4

Я поднялась и пошла за ним, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в висках. Ноги будто налились свинцом, но я не остановилась. Он вёл меня за собой через знакомый проём, в ту самую комнату, где ещё вчера я впервые ощутила его плеть на своей коже.

Сегодня здесь было иначе. Свет горел ярче, обнажая каждую деталь. Деревянный крест стоял в центре, чёрный, массивный, с широкими перекладинами и кожаными ремнями, которые свисали с них, как щупальца. Я смотрела на него, и внутри меня смешивались страх и предвкушение.

— Сегодня будет пожестче, — сказал Эйнар, останавливаясь рядом с крестом. Он повернулся ко мне, и в его глазах блеснул тёмный, знакомый огонь. — Ты помнишь правила?

— Зелёный — всё хорошо, — ответила я, чувствуя, как голос срывается. — Жёлтый — я боюсь, но хочу, чтобы ты заставил меня. Красный — стоп.

— Умница. — Он кивнул и шагнул ко мне. — Раздевайся.

Я начала расстёгивать платье, но он остановил меня, перехватив запястья.

— Я передумал. Сегодня я хочу раздеть тебя сам.

Его пальцы взялись за застёжку, и через несколько секунд платье упало к моим ногам. Затем — бельё. Он снимал его медленно, не торопясь, касаясь кожи кончиками пальцев, и от каждого прикосновения по телу бежали мурашки. Когда я осталась полностью голой, он отошёл на шаг и оглядел меня с головы до ног.

— Встань к кресту. Лицом ко мне.

Я подчинилась. Холодное дерево коснулось позвоночника, и я вздрогнула. Он взял мои запястья и пристегнул их ремнями к верхней перекладине — сначала левое, потом правое, высоко, так что я встала на носки. Затем он опустился на колено и пристегнул мои лодыжки к нижней перекладине, разводя ноги широко, почти до боли.

— Хорошо, — сказал он, выпрямляясь. — Ты открыта. Видно каждую складку.

Он подошёл к стене и взял небольшую стеклянную банку. Внутри, в прозрачной жидкости, лежали металлические зажимы — два покрупнее, с зубчиками, и один маленький, тонкий, с цепочкой.

Он вернулся ко мне и показал банку.

— Знаешь, что это?

Горло пересохло.

— Есть соображения, но лучше скажи сам, — ответила я.

— Зажимы. Не пугайся, это безвредно, особенно если знаешь, как с ними правильно обращаться. Сегодня мы будем работать с твоими сосками, — сказал он, открывая банку. — И с клитором.

Он достал первый зажим — крупный, с зубчиками на внутренней стороне. Металл блеснул в свете лампы.

— Дыши глубже.

Я сделала вдох, и он прижал зажим к моему левому соску. Металл сжался — резко, до острой, режущей боли. Я вскрикнула сквозь зубы, чувствуя, как сосок набухает в тисках, дёргаясь в такт сердцу. Он подождал несколько секунд, давая мне привыкнуть, и прижал второй зажим к правому соску. Боль повторилась — двойная, острая, пронзившая грудь до самого низа живота.

— А теперь — самое интересное, — сказал он, доставая третий зажим — маленький, с цепочкой. Он опустился передо мной на корточки и раздвинул пальцами мои половые губы. Я чувствовала, как влажно там, как пульсирует клитор в ожидании прикосновения. Он прижал зажим к клитору, и металл сжался.

Я застонала — низко, гортанно, не в силах сдержать этот звук. Боль была острой, сконцентрированной, разряжающейся прямо в центр моего существа. Между ног всё сжималось вокруг металла, но, несмотря на боль, я чувствовала его. Возбуждение. Настолько острое, что внутренние мышцы сжались.

— Отлично, — сказал он, выпрямляясь. — Я хочу, чтобы ты чувствовала каждый зажим, каждое движение. Когда я буду пороть тебя, эти зажимы будут оттягивать кожу, усиливая каждое ощущение.

Он отошёл к стене и вернулся с плетью. Я узнала её — чёрная, тонкая, с несколькими хвостами. Та самая, что пробовала меня вчера.

— Ты готова, рыжая?

Я кивнула, сжимая зубы.

Первый удар пришёлся по правой груди — чуть выше зажима. Я дёрнулась, чувствуя, как боль разливается по коже, смешиваясь с тяжестью металла на соске. Он не дал мне опомниться — второй удар пришёлся на левую грудь, симметрично, заставляя меня застонать.

— Считай, — приказал он.

— Два.

Третий удар пришёлся по внутренней стороне бедра — по самой нежной коже. Я закусила губу, чувствуя, как под языком проступает кровь.

— Три.

Четвёртый — по животу, почти у самого лобка. Я выгнулась, натягивая ремни, и из груди вырвался сдавленный стон.

— Жёлтый, — выдохнула я, когда он занёс плеть для пятого удара.

Он замер.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Хочешь, чтобы я заставил тебя?

— Да, — прошептала я.

— Просто «да» — недостаточно. Скажи это вслух.

— Заставь меня, — выдохнула я, чувствуя, как стыд и возбуждение смешиваются в липкую, горячую волну.

Он не дал мне опомниться. Плеть опустилась на половые губы — прямо на зажим. Боль была ослепительной — острая, горячая, разрядившаяся в клитор, в живот, в грудь. Я закричала, но он не остановился. Следующий удар пришёлся по той же точке — снова, и снова, и снова, пока я не перестала считать, только чувствовала, как боль перетекает в удовольствие, как жар разливается по телу, как металл на сосках и клиторе раскаляется от прилившей крови.

— Считай, — напомнил он, не сбавляя ритма.

— Я не могу… — выдохнула я.

— Считай, или я добавлю ещё десять.

— семь… восемь… девять… десять…

К тому времени, когда я произнесла последнее число, я уже дышала сквозь сжатые зубы, чувствуя, как низ живота тянет в такт ударам, как каждый удар отзывается в зажимах, усиливая ощущения.

Он опустил плеть и провёл ладонью по моей щеке, стирая слёзы, которые я даже не заметила.

— Хорошая девочка, — сказал он тихо. — Терпеливая. Ещё?

Я закрыла глаза и кивнула.

Он быстро отстегнул меня, но лишь для того, чтобы снова перевернуть спиной к себе.

Следующие пять ударов пришлись по ягодицам — глубокие, размашистые, расходящиеся по всей мышце. Я вцепилась зубами в собственное предплечье, чувствуя, как от каждого удара зажимы дёргаются, растягивая соски и клитор, превращая боль в непрерывный поток удовольствия.

— Жёлтый, — выдохнула я снова, когда он остановился.

Он не торопил меня, давая перевести дух.

— Снова заставить?

— Да.

— Отлично, рыжая. Ты учишься просить.

Удары посыпались на ягодицы, четкие, хлесткие, заставляющие выгибаться. Я не знала, сколько их было. Не считала. Просто чувствовала.

Он снова освободил меня, развернул и привязал к кресту лицом к себе. Отстегнул цепочку от зажима на клиторе и прикрепил к ней грузик — лёгкий, но достаточно тяжёлый, чтобы я почувствовала натяжение. Затем отстегнул цепочки от зажимов на грудях и соединил их с той же цепью. Каждое движение отдавалось в металле, растягивая плоть, напоминая о себе с каждым вздохом.

— Теперь ты вся связана, — сказал он, отходя на шаг, чтобы полюбоваться своей работой. — Красиво. Больно. И ты хочешь продолжать.

Я кивнула, чувствуя, как горячие слёзы текут по вискам, смешиваясь с потом.

— Скажи это вслух.

— Я хочу продолжать, — прошептала я.

— Громче.

— Я хочу продолжать, господин.

За это слово — «господин», сорвавшееся с губ само, без приказа, — он ударил меня снова. Сильнее, чем раньше, по внутренней стороне бедра, почти у самого входа, и я закричала — не от боли, а от того, как боль эта перешла через край, хлынув через тело горячей волной, оставляющей только чистый огонь. Она заполнила меня целиком, накрыв с головой, и я выгнулась на кресте, чувствуя, как бьётся тело в такт невидимому барабану, и всё вокруг перестало существовать — только боль, превратившаяся в наслаждение, отдающееся в каждой клетке.

5

Он не дал мне передышки.

Плеть взметнулась снова, и на этот раз удар пришёлся по металлу на левом соске. Зажим дёрнулся, растягивая кожу, и я заскулила — высоко, тонко, не в силах сдержать этот звук. Боль была острой, режущей, но в ней, как искра в темноте, уже прорастало что-то другое. Я не успела осмыслить это — второй удар пришёлся на правый зажим. Металл сорвался с груди, звякнув об пол, и я выдохнула сквозь сжатые зубы, чувствуя, как кровь приливает к освобождённым соскам, как они набухают, требуя прикосновения.

Третий удар — по зажиму на клиторе.

Мир взорвался.

Я закричала, выгибаясь дугой, чувствуя, как металл отрывается от самого чувствительного места — резко, с влажным звуком, и следом, догоняя боль, приходит горячая волна удовольствия. Она разлилась по телу, от клитора к животу, от живота в грудь, и я повисла на ремнях, тяжело дыша.

Эйнар подошёл ко мне и отстегнул ремни с моих запястий. Я сползла по кресту вниз, колени подкосились, и я опустилась на пол, чувствуя, как тело ещё дрожит от остаточных спазмов.

— Ложись на пол, — приказал он. — На спину. Подтяни колени к груди.

— Что… — начала я, но он не дал мне закончить.

— Не спрашивай. Делай.

Я подчинилась. Холодный ковёр коснулся спины, я согнула ноги и подтянула колени к груди, открытая, беззащитная, уязвимая в позе, которую выбрал для меня он. Воздух касался самых интимных мест, кожа горела там, где только что были зажимы.

Эйнар опустился на корточки рядом со мной. В руках у него была кожаная сумка, из которой он достал резиновую грушу с узким наконечником. Я видела такие у травницы в деревне — ими ставили клизмы больным. Но сейчас, глядя на этот предмет, я поняла, что он собирался использовать его отнюдь не в медицинских целях.

— Нет, — выдохнула я, чувствуя, как страх поднимается от живота к горлу. — Нет, не надо… пожалуйста…

— Тихо, — сказал он, и голос его был спокойным, почти ласковым. — Это обычная процедура. То, что нужно сделать перед аналом.

Он наклонился и поцеловал меня в лоб. Коротко. Почти невесомо. И от этого неожиданного жеста внутри меня что-то дрогнуло.

— Я не хочу, — прошептала я, но руки уже не двигались, чтобы оттолкнуть его.

— Врёшь, — ответил он тихо. — Если бы ты не хотела, ты бы сказала «красный». А ты молчишь. Ты хочешь знать, каково это. Ты хочешь попробовать всё, даже если боишься.

Я хотела возразить и не стала. Потому что он был прав.

— Жёлтый, — сказала я, и голос мой дрогнул.

— Заставь меня.

Он кивнул и взял в руку грушу, наполненную тёплой водой.

— Расслабься. Чем сильнее ты сожмёшься, тем неприятнее будет. Растянись, прими это. Дыши глубоко.

Он смазал наконечник маслом — я видела, как блеснула прозрачная жидкость в свете лампы. Затем он раздвинул пальцами мои ягодицы и прижал наконечник к анусу.

Я зажмурилась, чувствуя, как холодный металл касается самого узкого, самого сжатого места. Он надавил, и я почувствовала, как наконечник проскальзывает внутрь — медленно, растягивая кольцо мышц, проникая глубже, чем я могла себе представить. Я выдохнула сквозь зубы, чувствуя, как чужеродный предмет заполняет меня изнутри.

— Дыши, — напомнил он, и я сделала глубокий вдох.

Он начал медленно сжимать грушу, и я почувствовала, как тёплая жидкость заполняет кишечник — странное, распирающее ощущение, от которого внутри всё сжалось.

— Зачем это? — спросила я, скрипя зубами. — Зачем всё это?

— Это подготовка, — ответил он спокойно, продолжая вливать воду. — Анал требует чистоты. И расслабления. Если ты не подготовлена, будет больно и грязно. Я не хочу ни того, ни другого. Ты пока не понимаешь, зачем это нужно, но скоро поймёшь.

Он закончил и аккуратно извлёк наконечник. Жидкость перекатывалась внутри, тёплая, непривычная, чужая.

— А теперь терпи, — сказал он, поднимаясь. — Сколько сможешь. Чем дольше продержишься — тем чище будет.

— Это извращение, — сказала я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам от унижения и странного, липкого возбуждения, которое не уходило, несмотря на весь страх.

— Это просто другой способ проникновения, — ответил он, протягивая мне руку. — Встань. Тебе нужно в ванную.

Я взяла его руку и поднялась, чувствуя, как жидкость перекатывается внутри, как каждое движение отдаётся распирающим ощущением внизу живота. Он провёл меня в спальню и указал на дверь ванной, где я была в прошлый раз.

— Иди. Приведи себя в порядок.

— Что мне делать?

— Просто сядь на унитаз и жди. Когда почувствуешь, что всё вышло, — подмойся и выходи. Я буду ждать на кровати.

Я сделала шаг к ванной, потом остановилась и обернулась.

— И часто ты будешь это делать?

— Сегодня — я. В следующие разы — ты сама. Перед каждой нашей встречей. Кроме тех случаев, когда мне захочется сделать это самому.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри меня смешиваются страх, унижение и странное, тёплое предвкушение.

Я вошла в ванную и закрыла за собой дверь. У зеркала стояла я — с красными полосами на груди, с опухшими сосками, со следами слёз на щеках. Я смотрела на своё отражение, и внутри меня что-то менялось.

Я больше не была той девушкой, которая вошла в его комнату несколько часов назад. Я перестала быть собой. Или — может быть — я впервые становилась собой.

Я медленно опустилась на унитаз, чувствуя, как жидкость выходит из меня тёплой волной, и закрыла глаза. За дверью ждал он. И я знала, что выйду к нему.

6

Я вышла из ванной, чувствуя, как по влажной после душа коже стекают капли воды, как волосы прилипают к плечам. В комнате было тепло, но меня всё равно пробрала дрожь — не от холода, а от того, что я увидела.

Он сидел на краю кровати, обнажённый, и не пытался прикрыться. Свет лампы падал на его плечи, на грудь, на живот, выделяя каждый мускул, каждую линию. Он был идеален — той вызывающей, почти болезненной красотой, от которой перехватывало дыхание. Я старалась не смотреть на него, но взгляд сам скользил по его лицу, по нечеловечески ярким зелёным глазам, по губам, изогнутым в ленивой усмешке.

— Иди сюда, — сказал он, и я подошла, чувствуя, как колени подкашиваются.

— Встань на колени на кровать. На четвереньки. Лицом к изголовью.

Я подчинилась. Простыня подо мной была прохладной и гладкой. Я упёрлась ладонями в матрас, чувствуя, как он прогибается под моим весом. Колени разъехались, и я ждала, открытая, уязвимая.

Он встал сзади, и я почувствовала его присутствие — тепло его тела, его дыхание на своей спине. Он провёл ладонью по моей ягодице, раздвинул её, и я вздрогнула, когда что-то прохладное и влажное коснулось моего ануса.

— Что это? — спросила я, чувствуя, как голос срывается.

— Смазка, — ответил он спокойно. — С ней тебе будет легче принять меня. Но в следующий раз я буду брать тебя без неё. Не забывай, рыжая — мне нравится, когда тебе больно.

Я сглотнула, чувствуя, как страх и возбуждение смешиваются в липкую волну.

— Ты порвёшь меня, — сказала я, и голос мой прозвучал глухо.

Он рассмеялся.

— Ты говорила мне это дважды. Первый раз — перед тем, как я взял тебя в рот. Второй — вчера, перед тем как я лишил тебя девственности. И что? Всё цело. Так что заткнись и расслабься. Лови кайф.

— Тебе легко говорить, — прошипела я, чувствуя, как злость перекрывает страх. — Не твою же задницу собираются трахать.

Он рассмеялся громче, явно наслаждаясь моей дерзостью.

— Грубиянка. Я не поклонник страпона, так что даже не мечтай. А теперь заткнись, расслабься и слушай меня.

Я замолчала, сжимая зубы.

Он снова смазал анус, и я почувствовала, как его палец начинает проникать внутрь. Сначала только кончик — я ощутила, как кольцо мышц сжимается вокруг него, не пуская, сопротивляясь чужеродному вторжению. Он не форсировал — просто держал палец там, давая телу привыкнуть к ощущению. Пульс в кончике пальца, биение его сердца передавалось через эту точку соприкосновения.

— Дыши, — напомнил он, и я сделала глубокий вдох.

Второй палец вошёл с трудом. Стенки растягивались до предела, каждый миллиметр кожи натягивался, внутри становилось тесно до боли. Я сжалась, он выждал мгновение и начал медленно двигать пальцами внутри меня — растягивая, массируя, подготавливая к большему.

— Почти готово, — сказал он, извлекая пальцы. — Терпи. Первый раз будет больно. Потом — только кайф.

Я почувствовала, как головка его члена упирается в растянутый анус — твёрдая, горячая, живая. Он надавил, и я почувствовала, как головка начинает проникать внутрь.

Боль пришла сразу — острая, режущая, будто меня разрывают изнутри. Я вскрикнула и вцепилась пальцами в простыню, чувствуя, как головка члена проскальзывает через самое узкое место, как стенки раздвигаются, принимая его. Он замер, давая мне привыкнуть, и я чувствовала, как пульсирует член внутри меня — каждый удар сердца отдавался в сжатых мышцах, напоминая о том, что он там.

— Расслабься, — прошептал он, проводя ладонью по моей спине. — Ты слишком сжата. Дыши глубже, и он войдёт легче.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как на выдохе мышцы расслабляются, и он продвинулся глубже. С каждым выдохом — ещё сантиметр, ещё миллиметр, пока я не почувствовала, как его лобок упирается в мои ягодицы. Он заполнил меня целиком.

Эйнар держал меня, давая привыкнуть к ощущению наполненности — чужой, плотной, необычной. Стенки кишечника сжимались вокруг него в ритме моего сердца.

— Дыши, — напомнил он.

Я сделала глубокий вдох, и боль начала отступать, сменяясь тянущей, распирающей тяжестью. Он начал двигаться — медленно, осторожно, с каждым толчком входя чуть глубже. Его член скользил по стенкам, каждый выступ, каждая вена на стволе проходил через сжатое кольцо мышц, посылая в мозг сигнал за сигналом — боль, удовольствие, боль, удовольствие.

— Сжимайся, — приказал он, и я сжалась, чувствуя, как мои стенки обхватывают его. — Да. Вот так. Тесно. Горячо.

Он ускорился. Толчки стали резче, глубже — он трахал меня ритмично, глубоко, каждый раз входя до самого конца и выходя почти полностью, оставляя внутри пустоту, которую тут же заполнял снова. Я слышала влажные шлепки его бёдер о мои ягодицы, слышала собственное дыхание, сбившееся до коротких, частых всхлипов.

Боль отдавалась в такт его толчкам, но с каждым движением в ней прорастало что-то другое — тёплое, тягучее, растекающееся от точки проникновения по всему телу. Я перестала понимать, где боль, а где удовольствие — они смешались, стали одним целым.

Он наклонился вперёд, и его рука скользнула мне между ног, нащупав клитор. Он массировал его в ритм толчкам — нажимал, отпускал, сжимал между пальцами, и я почувствовала, как внутри меня закручивается тугой узел. Каждый толчок отдавался в клиторе, усиленный его пальцами, и я слышала собственный голос — хриплый, сдавленный, произносящий его имя.

Удовольствие было слишком болезненным, почти извращенным, но именно это и делало его таким острым. Мои бедра невольно подались к нему, насаживаясь на член. Я хотела принять его целиком. Хотела, чтобы он сделал ещё больнее. Эта мысль ужасала и возбуждала одновременно.

Его пальцы сильнее сжали клитор, и я застонала — низко, гортанно, не сдерживаясь. Волна прошла по телу, от клитора к животу, от живота в грудь, и я кончила, чувствуя, как стенки сжимаются вокруг его члена, как спазмы передаются ему. Он застонал сквозь зубы, сделал ещё несколько глубоких толчков и замер, кончая глубоко внутри меня. Горячая струя спермы ударила в стенки, заполняя меня, смешиваясь со смазкой.

Через секунду он медленно вышел. Я почувствовала, как пустота внутри заполняется тёплой струйкой, потекшей по бедру.

Я упала на кровать, на живот, тяжело дыша. По бедру стекала сперма. Дыхание сбилось, сердце колотилось где-то в горле. Внутри ещё вздрагивали остаточные спазмы оргазма, и каждое движение отдавалось в растянутом анусе.

Он притянул меня к себе, прижимая к своей груди.

— Ты справилась, — сказал он тихо. — Я знал, что сможешь.

Я ничего не ответила. Просто лежала в его объятиях, чувствуя, как внутри меня постепенно затихает дрожь, и понимала: я больше не хочу никуда уходить. Эта боль, это унижение, эта странная, тягучая сладость — я приняла это. Я хотела ещё.

Глава 13

Глава 12

1

Я лежала в его объятиях, чувствуя, как медленно затихает дрожь в теле, как дыхание выравнивается, как мышцы расслабляются после всего, что было. Глаза слипались, и я уже проваливалась в тёплую, тягучую дремоту, когда он вдруг сел на кровати, и я почувствовала, как прохладный воздух касается кожи там, где только что было тепло его тела.

— Поднимайся, — сказал он, и в голосе его не было ни сонной хрипотцы, ни намёка на усталость. — Одевайся. Мы выходим.

Я приподнялась на локте, глядя на него с недоумением. Он уже стоял у шкафа и натягивал тёмные штаны, не глядя в мою сторону.

— Куда? — спросила я, чувствуя, как голос ещё сипит после недавних стонов. — Среди ночи?

— Ты хотела учиться пользоваться своим даром, — ответил он, застёгивая ремень. — Я решил, что сегодня же и начнём. Но для этого нужен один редкий артефакт. Он продаётся только на чёрном рынке, а чёрный рынок работает только ночью. Поэтому и чёрный.

Я села на кровати, прижимая простыню к груди, и посмотрела на него с иронией, которая уже начала просыпаться вместе с остатками сознания.

— Так ты всё-таки решил, что я хорошо себя вела? Или это аванс за будущие заслуги?

Эйнар обернулся и с усмешкой посмотрел на меня.

— Ты была терпима, — сказал он, и в голосе его прозвучала наигранная задумчивость. — Для первого раза с аналом — вполне сносно. Плакала ты меньше, чем я ожидал, и ни разу не попыталась укусить меня. Прогресс.

— Я берегу укусы для особых случаев, — ответила я, натягивая платье. — И вообще, ты не говорил, что кусаться запрещено.

— Запрещено не кусаться, а портить мне удовольствие бесконечными размышлениями о том, что «правильно» и что «неправильно». Если ты отбросишь излишнюю стыдливость и морализаторство, боюсь, я начну получать от тебя настоящее удовольствие.

— Боюсь? — переспросила я, приподнимая бровь. — Это угроза или обещание?

— Это констатация факта, рыжая. Ты слишком много думаешь. О том, что «позволено» и что «стыдно». Вместо того чтобы просто чувствовать.

— А если я не хочу превращаться в бездумную куклу, которая только и делает, что чувствует? У меня есть мозг, знаешь ли. Некоторые люди им пользуются.

Эйнар пожал плечами.

— Куклы скучны, рыжая. Кукла не царапает спину, не огрызается и не смотрит на меня так, будто собирается вцепиться зубами в горло. Кукла — это просто тёплая дырка, которую можно трахнуть и выбросить. А ты — дикая кошка, которую я пытаюсь приручить, и мне чертовски нравится этот процесс.

Он шагнул ко мне и остановился в полушаге, так что я чувствовала жар его тела, но он не касался меня.

— Знаешь, даже у тигриц бывают моменты, когда они замирают, закрывают глаза и позволяют себя гладить. Им не нужно анализировать каждое прикосновение. Они просто чувствуют. Ты думаешь — я учу тебя быть куклой? Нет. Я учу тебя получать удовольствие, не пытаясь сдать по нему экзамен. Отключи голову на минуту — и, возможно, тебе даже понравится настолько, что ты перестанешь бояться, что это неправильно.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри смешиваются злость, возбуждение и желание возразить, а сказать ничего не могла. Чёрт бы его побрал. Он снова был прав.

— Ты просто... Ты... я даже не знаю, как тебя назвать, — сказала я, хватая протянутый им плащ. Женский, кстати. Интересно, чей.

— Я знаю. Я тот, кто говорит тебе правду, — ответил он, открывая дверь. — Поэтому ты и идешь со мной.

Я пошла. И ненавидела себя за то, что он не ошибся.

Мы вышли из его покоев через боковой ход, о котором я не знала — узкая дверь за стеллажом, ведущая в пустой коридор, а оттуда — во внутренний двор. Я шла за ним, стараясь ступать тихо, и чувствовала, как ночной воздух обжигает разгорячённую кожу.

Когда мы подошли к воротам, я вдруг остановилась.

В нескольких шагах от нас, у груды строительного камня, стоял Кайл. Он разговаривал с пожилым рабочим, показывая на чертёж, развёрнутый на ящике. Поздняя ночь, а он всё ещё работал. Таким я его и помнила — вечно в деле, вечно с мозолями на ладонях, вечно с этой упрямой складкой между бровей, когда он сосредоточен.

Он не видел меня.

Я замерла, и время будто растянулось, превращая каждую секунду в маленькую вечность. Я смотрела на него и чувствовала, как внутри меня поднимается целая буря.

Стыд пришёл первым. Он ударил под дых, горячей волной, от которой щёки вспыхнули даже в темноте. Я стояла здесь, посреди ночи, с парнем, который совсем недавно трахал меня самым извращенным способом, каким можно представить. А Кайл стоял в нескольких шагах и даже не знал об этом. Он думал, что я всё ещё та девушка, которую он провожал до околицы. Та, что мечтала о доме с резными ставнями.

Стыд был острым, как заноза, но под ним, глубже, шевелилось что-то другое.

Сравнение.

Я смотрела на Кайла — на его широкие плечи, на его простую, грубоватую красоту, на руки, перепачканные грязью и угольной пылью. Он был надёжным. Он был понятным. С ним я знала, чего ожидать — мозоли, усталость, но честность. Он бы никогда не сделал со мной того, что сделал Эйнар.

А рядом с этим воспоминанием — он: зелёные глаза, ленивая усмешка, пальцы, сжимающие мои запястья, член, проникающий в самое узкое место. Эйнар был опасным. Он был непредсказуемым. Он причинял боль и превращал её в удовольствие.

Я стояла между ними, и внутри меня не было борьбы. Был только холодный, пустой факт: Кайл казался мне теперь чужим. Не потому что он изменился — а потому что я изменилась. Я стала той, кто стоит посреди ночи рядом с человеком, который купил меня, и чувствую не желание бежать, а странное, тягучее спокойствие.

Эйнар шагнул вперёд, не обернувшись, не замедлив шага. Я поймала себя на мысли: он не заметил Кайла? Или заметил, но ему было всё равно? Я не знала. Он не подал виду, что вообще кого-то видит.

Я шагнула следом, и Кайл остался за спиной. Я не обернулась.

2

За воротами Цитадели начинался Обсидиан — тёмный, шумный, пахнущий жареным мясом и дымом. Узкие улочки, редкие фонари, силуэты людей, которые здесь не смотрели в глаза. Я вдохнула ночной воздух полной грудью и почувствовала, как внутри поднимается странное, почти забытое волнение.

— Долго ещё? — спросила я, ускоряя шаг.

— Рынок в нижнем городе, — ответил он, не оборачиваясь. — Минут двадцать, если не нарвёмся на неприятности.

— А если нарвёмся?

Он обернулся, и на его губах мелькнула та самая усмешка, которую я уже знала слишком хорошо.

— Тогда будет веселее, рыжая.

Мы шли по узким улочкам, и я смотрела по сторонам, впитывая ночной Обсидиан. Центр города, который я видела мельком, когда меня везли в Цитадель, был роскошен — широкие проспекты, высокие шпили, витражи в окнах особняков. Здесь, на окраинах, было иначе. Дома жались друг к другу, кое-где из окон лился тусклый свет масляных ламп, из подворотен доносились обрывки пьяных разговоров.

— Я слышала о короле Джарвисе, — сказала я, когда мы свернули в очередной переулок. — Говорят, он слабый правитель. Что настоящая власть в Вельдрии — у чёрных магов.

Эйнар хмыкнул, не сбавляя шага.

— Говорят многое. Но не всё — ложь.

— То есть это правда? — настаивала я. — Он просто марионетка?

— Если правитель слаб, ему нужен сильный наставник, — ответил он спокойно. — Джарвис — неплохой человек, насколько я знаю. Великодушный, щедрый. Но ему не хватает хватки, чтобы управлять королевством, которое кишит магами, шпионами и торговцами запрещёнными артефактами. Чёрные маги — не зло по определению, рыжая. Они просто те, кто умеет использовать ту сторону силы, которую другие предпочитают не замечать или бояться.

— И Цитадель — часть этого?

— Цитадель — часть всего, — ответил он, уворачиваясь от подозрительной лужи. — Её построил мой прадед, Родерик Валериан. Он был менталистом высшего уровня и, скажем так, обладал деловой хваткой. Ему нужно было место, где магически одарённые девушки могли бы получать образование… и где их могли бы покупать те, кто готов платить за такой ресурс.

— Это не образование, — возразила я. — Это рабство. Вы покупаете и продаёте живых людей.

— Мы покупаем и продаём магический потенциал, — поправил он с ленивой усмешкой. — Разницу чувствуешь?

— Огромную. Особенно когда потенциал выставляют на аукционе.

Эйнар остановился и повернулся ко мне. В свете редких фонарей его лицо казалось вырезанным из тени и золота.

— Ты предпочла бы умереть в той деревне от голода или рук отчима? Или быть проданной Гримму и умереть долгой, мучительной смертью, которую он так любит устраивать своим игрушкам?

— Есть разница между «продали тебя, но мы дадим тебе образование» и «продали тебя в сексуальное рабство под видом обучения». — не сдавалась я.

— Разница есть, — согласился он. — И она называется «цена». Ты стоишь восемнадцать тысяч золотых, Ровена. За эти деньги ты получаешь обучение, защиту, бесценный опыт и, если повезёт, и оргазм по ночам. Звучит как выгодная сделка, если подумать.

— Ты умеешь сделать любую гадость привлекательной.

— Спасибо. Это талант.

Я фыркнула, чувствуя, как на губах предательски расползается улыбка. Он развернулся и снова зашагал вперёд, а я последовала за ним, уже не чувствуя той острой злости, что поднялась минуту назад.

— А твой прадед, — спросила я, догоняя его, — он тоже был… таким, как ты?

— Родерик был жёстче. У него не было привычки объяснять своим вещам, что он делает и зачем. И уж точно он не водил их на ночные прогулки за артефактами. Так что считай, что тебе со мной повезло.

— Я тронута до глубины души.

— Лучше тронь меня, рыжая. Тело у меня горячее, а платить за вход на рынок всё равно придётся мне.

Я закатила глаза, но в темноте он этого не увидел. Или увидел — с его способностями я уже ни в чём не была уверена. Но я шла за ним, и ночной ветер холодил щёки, а я впервые за долгое время чувствовала себя почти спокойно.

3

Мы свернули в очередной переулок, и я поняла, что мы на месте.

Чёрный рынок Обсидиана не был похож на те ярмарки, которые я помнила с детства. Здесь не было пёстрых шатров и весёлых выкриков зазывал. Узкий проход между высокими глухими стенами был освещён редкими факелами, и в их колышущемся свете я видела людей — или тени людей, — сидящих прямо на земле, на ящиках, на перевёрнутых бочках. Перед каждым был разложен товар: склянки с мутными жидкостями, свёртки из чёрной ткани, старые книги в потёртых переплётах. Я заметила клетку с какой-то светящейся птицей, ржавый кинжал с рунами на лезвии и стеклянный шар, внутри которого клубился туман.

— Держись рядом, — тихо сказал Эйнар. — Не отходи ни на шаг.

Я молча кивнула.

Мы прошли мимо нескольких торговцев, и я чувствовала на себе их взгляды — тяжёлые, оценивающие, липкие. Но никто не окликнул нас. Эйнар шёл уверенно, будто бывал здесь сотню раз, и остановился только у одного прилавка — низкого, накрытого чёрной тканью, на котором стояла только одна вещь: небольшое зеркало в тёмной оправе, повёрнутое к нам тыльной стороной.

За прилавком сидел торговец — худой, с глубокими морщинами на лице и глазами, которые смотрели слишком пристально, чтобы быть просто человеческими. Он поднял голову, увидел Эйнара, и на его губах появилась кривая ухмылка.

— Юный лорд Валериан, — сказал он, и голос его прозвучал хрипло, как у человека, который мало говорит, но много курит. — Давно не видел тебя на нашей стороне реки. Думал, ты забыл дорогу.

— Забыть дорогу к твоим товарам, Крив? Невозможно, — ответил Эйнар. — У тебя наверняка есть то, что я ищу.

— Смотря что ты ищешь.

— Зеркало Солеса.

Крив хмыкнул, и его пальцы — длинные, с жёлтыми ногтями — легли на оправу зеркала, поглаживая её, как живое существо.

— Есть такая вещь. Но она будет стоить дорого, Валериан. Очень дорого.

— Называй цену.

— Тысяча золотых.

Я почувствовала, как у меня внутри всё сжалось. Тысяча. За маленькое зеркало, которое даже не блестит.

Эйнар не изменился в лице. Он только чуть наклонил голову, и его голос стал мягче — а значит, опаснее.

— Тысяча — это цена для туриста, Крив. А я не турист. Я пришёл к тебе, потому что знаю, что ты умеешь торговаться. И что у тебя есть товар, который никто другой не привёз бы в этот город. Давай настоящую цену.

— Восемьсот.

— Шестьсот, и я добавлю к этому забвение того факта, что ты должен мне триста за тот инцидент с морским шёпотом.

Крив дёрнулся, будто его ударили, и его глаза сузились.

— Ты помнишь об этом?

— Я помню всё, особенно когда мне должны. Шестьсот, Крив. Последнее слово.

На секунду воцарилась тишина. Потом Крив вздохнул, провёл рукой по лицу и кивнул.

— Грабитель. Шестьсот. И мы квиты.

— И мы квиты, — подтвердил Эйнар, протягивая руку.

Крив пожал её, коротко и зло, а затем подвинул зеркало через прилавок. Эйнар взял его, повертел в руках, проверяя, и сунул во внутренний карман плаща.

— Приятно иметь с тобой дело, — сказал он, и в голосе его прозвучала та самая ироничная теплота, которую я уже знала.

— Взаимно, — проворчал Крив. — Приходи ещё. Но лучше предупреждай.

— Буду иметь в виду.

Эйнар повернулся ко мне и чуть наклонился к моему уху:

— Ты разорила меня на восемнадцать тысяч шестьсот золотых, рыжая. Надеюсь, ты этого стоишь.

Я открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

— А ну стоять.

Из тени шагнули трое. Широкоплечие, с грубыми лицами и руками, которые явно знали не только работу, но и драку. Тот, что стоял в центре, — с кривым шрамом через всю щёку — ухмыльнулся, обнажая щербатые зубы.

— Слышали, у кого-то сегодня удачная ночь. Золото есть. Много золота. Делиться надо, господа хорошие.

Крив исчез мгновенно. Одним движением он сдёрнул чёрную ткань с прилавка, нырнул под неё и затих, будто его и не было. Я осталась стоять между Эйнаром и тремя силуэтами, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

4

Эйнар стоял совершенно спокойно. Руки опущены, дыхание ровное, ни намёка на напряжение. Он смотрел на троих грабителей с тем выражением, с которым смотрят на нашкодивших щенков — снисходительно и чуть устало.

— Я бы посоветовал вам уйти, — сказал он ровным, почти скучающим голосом. — Ночь тёплая, вы выглядите уставшими. Идите домой, выпейте чего-нибудь, не портите себе вечер.

Главный, со шрамом, шагнул вперёд, сжимая кулаки.

— Заткнись, красавчик. Кошелёк — и мы, может быть, оставим вас в живых.

Эйнар вздохнул — коротко, с ленивой обречённостью человека, которому приходится делать скучную работу.

— Я пытался по-хорошему.

Он поднял глаза и посмотрел на грабителя в упор.

Секунду ничего не происходило. А потом здоровяк со шрамом замер. Его лицо дёрнулось, глаза расширились, и из горла вырвался звук — высокий, гортанный, совсем не похожий на человеческий крик.

— Куд-куд-кудах! — завопил он, хватаясь за голову. — Куд-куд-кудах-тах-тах!

Он опустился на корточки, завращался на месте, а потом начал… нести воображаемые яйца. Он приседал, кряхтел, делал ладонями странные движения у себя под ногами, будто подкладывал что-то невидимое, и кудахтал без остановки. Глаза его были полны ужаса, но тело не слушалось.

Второй грабитель замер на мгновение, глядя на напарника, а потом вдруг рванул к нему с распростёртыми объятиями.

— Я люблю тебя! — заорал он, падая на колени перед кудахчущим товарищем. — Я всегда любил тебя! Ты был смыслом моей жизни! Не бросай меня! Давай убежим вместе, я куплю нам домик у ручья, будем держать кур… ну, ты уже держишь…

Он обхватил кудахчущего за шею и принялся осыпать его мокрыми поцелуями, пока тот продолжал нести невидимые яйца и кудахтать.

Третий грабитель — самый молодой, с перекошенным от ужаса лицом — смотрел на происходящее не больше двух секунд. Потом его глаза округлились, он взвизгнул и бросился наутёк, петляя между ящиками, пока не исчез в темноте.

Я стояла, открыв рот, глядя на эту сцену.

А потом меня прорвало.

Я засмеялась — сначала тихо, потом громче, запрокинув голову, чувствуя, как в груди разливается тёплая, искренняя волна. Я не могла остановиться. Слёзы выступили на глазах, и я согнулась пополам, держась за живот.

— Ты… ты… — выдавила я между приступами смеха, — сделал из них… курицу и влюблённого идиота? Это было самое прекрасное, что я видела в своей жизни.

Эйнар пожал плечами, но в глазах его плясали искры.

— Я предупреждал. Не хотят слушать — придётся развлекать. Хотя, признаюсь, обычно я выбираю что-то более эффектное. Но для тебя решил сделать сцену помягче. Побоялся, что ты не оценишь сложных иллюзий.

— Помилосердствуй, мне нужна была только эта курица, чтобы понять, что я зря тебя боялась.

— Зря? — Он поднял бровь. — Я бы на твоём месте не спешил с выводами. Я просто решил, что сегодня нам нужен лёгкий вечер, а не демонстрация того, на что я способен, когда злюсь. Не путай мою лень с добротой.

— О, я никогда не перепутаю, — ответила я, вытирая слёзы. — Но курица была великолепна. Точнее, великолепен.

— Рад, что ты оценила. Я подумал, что тебе понравится. Драка была бы слишком скучной. А так — ты смеёшься, я выгляжу величественно, грабители унижены. Идеальная ночь.

— Величественно? Ты стоял и даже пальцем не пошевелил.

— Именно. Это и есть величие. Не нужно пачкать руки, когда можно заставить курицу нести яйца.

Я выпрямилась, всё ещё всхлипывая от смеха.

— Ты чудовище.

— Кажется, что-то подобное ты уже говорила.

— Это не становится менее правдивым от повторения.

— Зато становится более ласковым. В первый раз ты сказала это сквозь зубы. Сейчас — почти с нежностью. Прогресс, рыжая. Я горжусь тобой.

Он развернулся и, не оглядываясь, кивнул в сторону тускло освещённого переулка.

— Я знаю одну таверну неподалёку. Там подают приличный эль. Составишь компанию?

Я посмотрела на него. На его спокойное, красивое лицо, на его глаза, в которых плясали отблески факелов, на его лёгкую, расслабленную позу. И вместо того, чтобы огрызнуться, я вдруг сделала то, чего не ожидала от себя.

Я шагнула вперёд и взяла его под руку.

Он опустил взгляд на мои пальцы, сжавшиеся на сгибе его локтя, и поднял бровь.

— Сегодня вечер чудес, рыжая. Ещё вчера ты хотела меня придушить. Сегодня — сама берешь под руку. Завтра, боюсь, начнёшь писать мне любовные письма.

— Не обольщайся. Просто я хочу эля, а пить его одной в ночном Обсидиане — плохая идея. Ты — наименьшее из зол.

— Наименьшее из зол? Лестно. Я запомню эту фразу и, возможно, припомню тебе её в постели.

— Только попробуй — и твоя следующая курица будет нести яйца прямо в твоей спальне.

Эйнар рассмеялся — коротко, низко, и этот звук в ночной тишине показался мне почти тёплым.

— Ты начинаешь мне нравиться, рыжая. А это опасный знак.

— Для тебя или для меня?

— Для обоих, — ответил он, сжимая мою руку поверх своей. — Для обоих.

Мы пошли по узкой улочке. Я чувствовала тепло его тела сквозь ткань рубашки, запах его кожи, смешанный с ночным воздухом и дымом далёких факелов. И в какой-то момент я перестала думать о том, что правильно, а что нет. Я просто шла. Рядом с ним. И отголоски смеха всё ещё дрожали в моей груди.

5

Таверна называлась «Пьяный ёж» — судя по вывеске, на которой был изображён ёж с кружкой, явно перебравший лишнего.

Внутри оказалось грязно, шумно и на удивление уютно. Сквозь щели в потолке пробивался лунный свет, смешиваясь с масляными лампами, которые раскачивались над стойкой. За длинным столом сидели несколько мужчин в рабочих куртках, в углу кто-то дремал, уронив голову на сложенные руки. Девушка с рыжими кудрями протирала кружки за стойкой и лениво переругивалась с посетителем. Пахло дрожжами, луком и старым деревом.

Эйнар выбрал столик в углу, откуда был виден вход, и жестом подозвал подавальщицу. Через минуту перед нами стояли две глиняные кружки с тёмным элем.

Он поднял кружку и посмотрел на меня поверх ее края.

— За твою первую ночь в городе, рыжая. Пусть она запомнится тебе не только болью в заднице, но и приятным послевкусием.

Я фыркнула, чувствуя, как щёки заливаются краской, и поднесла кружку к губам, чтобы скрыть румянец.

— Ты умеешь делать тосты, Эйнар. Поэтично, чувственно, с намёком на мои физиологические особенности. Настоящий романтик.

— Я стараюсь, — ответил он, делая глоток. — Кстати, ты краснеешь. Это мило.

— Это эль.

— Эль не пахнет ложью, рыжая. А ты пахнешь.

Я сделала большой глоток, чтобы не отвечать, и почувствовала, как тёплая горечь разливается по груди. Эль был крепким, терпким, с лёгким привкусом дыма.

— Эйнар, — начала я, чувствуя, как хмель придаёт смелости. — Скажи мне правду. Тогда, в первую ночь… после того как ты купил меня. Ты говорил, что если я не приду через сорок восемь часов, ты… сделаешь это. Изнасилуешь. Отдашь охране. Продашь Гримму. Ты бы сделал это?

Он поставил кружку на стол и посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. Усмешка исчезла с его лица, и на секунду я увидела его настоящим — без масок, без иронии, без ленивой лжи.

— Да, — сказал он спокойно. — Я бы сделал это.

Я почувствовала, как внутри меня всё сжалось.

— Ты бы позволил своим людям изнасиловать меня? И ты говоришь мне это сейчас? После того, как я позволила тебе делать со мной всё это? После того, как я доверилась тебе?

— Я говорю тебе это, чтобы ты помнила, кто я такой, — ответил он, и в голосе его не было жестокости, только холодная, трезвая честность. — Ты думаешь, что узнала меня, потому что я показал тебе воспоминание о Лилиан и купил тебе эль? Нет, Ровена. Я — человек, который купил тебя за восемнадцать тысяч золотых. Я тот, кто подставил тебя и в результате тебя продали как вещь. Я — человек, который привязал тебя к кресту и порол до крови. Не забывай этого.

Я смотрела на него, чувствуя, как в груди поднимается глухая, тяжёлая волна. Злость, страх, обида — всё смешалось в тугой узел.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила я, и голос мой дрогнул. — Чтобы я боялась тебя? Чтобы ненавидела?

— Чтобы ты не обманывалась. — Он взял мою кружку и сделал глоток из неё, глядя мне в глаза. — Чтобы ты знала, с кем имеешь дело. А то начала уже брать под руку, смеяться над моими шутками, смотреть на меня почти нежно. Я не хочу, чтобы ты потом проснулась и поняла, что я не тот мужчина, которого ты себе придумала.

— Я ничего себе не придумывала, — огрызнулась я, выхватывая у него свою кружку. — Я просто пытаюсь выжить.

— Это хорошо. Отличная тактика. Продолжай в том же духе.

На секунду повисла тишина. Я смотрела на него, сжимая кружку, и чувствовала, как внутри закипает злость. Он смотрел на меня в ответ, спокойно и открыто.

А потом вдруг сказал:

— Но если ты скажешь «красный», я остановлюсь.

Я замерла.

— Даже сейчас. Даже если мы в таверне, и ты вдруг решишь, что не хочешь идти со мной обратно, что хочешь остаться здесь или убежать — скажи «красный», и я не трону тебя.

— Ты отпустишь меня? — спросила я, чувствуя, как голос срывается.

— Нет, — ответил он. — Ты стоишь восемнадцать тысяч. Я не настолько благороден. Но я не прикоснусь к тебе сегодня. И завтра. И послезавтра. Просто… не сбегай.

— Ты — ходячее противоречие.

— Знаю. Это часть моего шарма.

Я смотрела на него, и злость постепенно остывала, сменяясь странным, тёплым замешательством. Я открыла рот, чтобы сказать что-то колкое, но не успела.

— Простите… — раздался робкий голос.

Я подняла голову.

Рядом с нашим столиком стояла девушка. Лет двадцати, с тёмными волосами, рассыпанными по плечам, и пухлыми губами, которые она нервно закусывала. Она была в простом платье с глубоким вырезом, слегка покачивалась, и от неё пахло дешёвым вином. Она смотрела на Эйнара так, будто перед ней стоял сам Творец во плоти.

— Я… я не хотела вас беспокоить, — сказала она, краснея. — Но вы такой красивый. Я подумала… может, вы согласитесь потанцевать со мной? Всего один танец.

Эйнар перевёл взгляд с меня на неё, и его губы растянулись в тёплую, ленивую улыбку, от которой девушка зарделась ещё сильнее.

— Один танец? — переспросил он, поднимаясь. — Звучит заманчиво.

— Эйнар, — начала я, но он уже шагнул к девушке.

— Я скоро вернусь, — сказал он, не глядя на меня. — Подожди здесь.

Я смотрела, как он уводит её на середину зала, как берёт её за руку, как она кладёт голову ему на плечо, и чувствовала, как внутри меня разгорается странный, жаркий огонь.

Они танцевали. Медленно, под игру скрипки, которую кто-то неловко настраивал в углу. Девушка почти повисла на нём, её пальцы сжимали его плечо, она смеялась чему-то, что он шепнул ей на ухо, и я видела, как её глаза сияют.

Она красивая, — подумала я. — Свежая. Не то что я — со следами от плети на спине и с разбитой моралью.

Она точно не будет задавать ему вопросов о Гримме и охранниках.

Я сжала кружку так, что она чуть не треснула. И вдруг поняла, что чувствую.

Ревность.

Горячую, липкую, совершенно неуместную ревность, которая поднималась откуда-то из живота и сжимала горло.

Я смотрела, как он кружит её в танце, как она запрокидывает голову и смеётся, как её пальцы гладят его плечо, и чувствовала, как внутри меня закипает желание подойти и встать между ними.

Я — рабыня. Я — вещь. Я — та, кого он купил за восемнадцать тысяч золотых. И я смотрела, как он танцует с другой, и думала: «Она не имеет права трогать его».

Эта мысль была настолько абсурдной, что я зажмурилась, пытаясь стряхнуть её. Не вышло.

6

Эйнар вернулся не один.

Он вёл девушку за руку, и она шла за ним, как привязанная — с той покорной, счастливой улыбкой, от которой у меня внутри всё переворачивалось. Он усадил её за наш стол, напротив меня, и сам сел рядом с ней, разворачиваясь так, что я оказалась вне его поля зрения.

— Это Лира, — представил он её, даже не глядя в мою сторону. — Она работает в порту. Грузчицей, представляешь?

— Ой, да какая там грузчица, — засмеялась она, касаясь его плеча. — Я просто помогаю дяде. А вы… вы правда из Цитадели? Я слышала, там учат настоящей магии.

— Учат, — ответил он, и его голос стал ниже, интимнее. — Хочешь, я покажу тебе фокус?

— Ой, хочу!

Я смотрела на них, чувствуя, как внутри закипает глухая, горячая волна. Она смеялась его шуткам, наклонялась к нему, и каждый раз, когда её плечо касалось его, я чувствовала, как мои пальцы сжимаются в кулак под столом.

— А вы давно знаете друг друга? — спросила она, кивая в мою сторону, и в её голосе мелькнула нотка ревности.

— Достаточно, — ответил Эйнар, и я услышала в его голосе улыбку. — Она моя… ученица. Очень способная, но требующая постоянного внимания.

— Ученица? — переспросила Лира, и в её глазах мелькнуло облегчение. — А я думала…

— Не думай, — перебил он мягко, проводя пальцем по её ключице. — Думать вредно. Особенно когда можно чувствовать.

Она засмеялась, откинув голову, и он воспользовался моментом, чтобы коснуться её шеи — провёл пальцем по линии челюсти, спустился к вырезу платья, очертил край ткани. Она подалась вперёд, подставляясь под его руку, как кошка, и я услышала, как она тихо вздохнула.

— У вас такие руки, — прошептала она, глядя на него снизу вверх. — Наверное, они умеют делать много чего…

— Умеют, — ответил он, и его голос стал бархатным, низким. — Хочешь проверить?

Я больше не могла этого выносить.

Я встала, и стул скрипнул по полу. Эйнар поднял на меня глаза, и в них мелькнуло лёгкое удивление.

— Я хочу танцевать, — сказала я, чувствуя, как голос звучит хрипло. — С тобой.

На секунду он замер, глядя на меня. Потом его губы дрогнули в усмешке.

— Со мной? — переспросил он, и в голосе его прозвучала наигранная задумчивость. — Ты умеешь танцевать, рыжая?

— Научусь, — ответила я, протягивая ему руку. — Я же способная ученица, помнишь? Быстро учусь новому. Особенно если учитель хороший.

Он посмотрел на мою ладонь, потом на Лиру, которая смотрела на нас с недоумением, и поднялся.

— Прости, красавица, — сказал он ей, не глядя. — Долг зовёт. Вернусь — закончим разговор.

Он взял мою руку, и я почувствовала, как его пальцы сжимаются вокруг моих. Он вывел меня на середину зала, где несколько пар уже лениво кружились под скрипку, и положил руку мне на талию.

— Что ты задумала, рыжая? — спросил он тихо, наклоняясь к моему уху. — Решила отбить меня у портовой красотки?

— Я решила, что хочу танцевать, — ответила я, кладя руки ему на плечи. — Или ты против?

— Я не против. Мне просто любопытно, что изменилось за последние полчаса. Сначала ты смотришь на меня так, как будто знать не хочешь. А теперь сама тащишь меня в центр зала.

— Люди меняются.

— Они меняются, когда есть причина. Назови мне свою.

Я посмотрела ему в глаза и почувствовала, как внутри поднимается горячая, дерзкая волна.

— Мне не понравилось, как она на тебя смотрела. И как ты на неё смотрел. И как ты к ней прикасался.

На секунду в его глазах мелькнуло удивление, а потом — тёмный, довольный огонь.

— Ты ревнуешь, — сказал он, и в голосе его прозвучало торжество.

— Я собственница, — поправила я, прижимаясь к нему ближе. — И ты сам виноват. Не надо было покупать меня, если не хочешь, чтобы я предъявляла на тебя права.

Он усмехнулся, и его рука скользнула с моей талии ниже, на поясницу, прижимая меня к себе вплотную.

— Предъявляй, — сказал он низко. — Мне нравится, когда ты предъявляешь. Особенно если это заканчивается тем, что ты трогаешь меня там, где трогать не должна. Только не забудь, что у собственности нет прав.

— А где я должна трогать? — спросила я, проводя ладонью по его груди вниз, к животу и игнорируя его слова насчёт собственности. — Здесь? Или, может, здесь?

Я опустила руку ещё ниже и накрыла ладонью его пах. Он был твёрдым — я чувствовала это даже сквозь ткань штанов. Я сжала пальцы, и он выдохнул сквозь зубы, чуть сильнее вцепившись в мою талию.

— Ровена, — предупредил он, и в голосе его прозвучала едва сдерживаемая угроза. — Если ты не прекратишь, я сделаю так, что ты забудешь, как тебя зовут. Прямо здесь. На этом столе. Под взглядами всех посетителей.

— А если я не хочу прекращать? — прошептала я, продолжая массировать его сквозь ткань, чувствуя, как он твердеет под моими пальцами. — Если я хочу, чтобы ты взял меня? Но не здесь.

— А где?

— В Цитадели. В твоей комнате. — Я приблизила губы к его уху. — Там есть кровать. И куча интересных инструментов, которые ты мог бы на мне использовать. Я думаю, сегодня ночью я заслужила небольшое поощрение за хорошее поведение.

— За хорошее поведение? — переспросил он с усмешкой. — Ты украла меня у портовой девушки, шантажируешь меня своим телом и трогаешь мой член посреди таверны. Это не хорошее поведение, рыжая. Это дерзость.

— Тебе нравится дерзость, — возразила я, сжимая его сильнее. — Ты сам говорил. Куклы скучны. А я — дикая кошка, помнишь?

— Дикая кошка, которую я приручаю, — поправил он, и в голосе его прозвучала хрипотца.

— Может, это я приручаю тебя, — ответила я, глядя ему в глаза. — Ты об этом не думал?

Он замер на секунду, глядя на меня так, будто видел впервые. А потом его рука сжалась на моей талии до боли, и он развернулся, увлекая меня за собой к выходу.

— Лира, прости, — бросил он через плечо, даже не обернувшись. — Ученица заболела. Срочно.

Мы вылетели из таверны в ночную темноту, и я чувствовала, как его пальцы впиваются в моё запястье, как он ведёт меня через улицы, не сбавляя шага.

— Ты думаешь, это умный поступок? — спросил он, не глядя на меня.

— Я думаю, что я хочу тебя, — ответила я, и это было правдой. — И я не люблю делиться.

Он остановился так резко, что я врезалась в него, и повернулся ко мне. В свете луны его глаза блестели тёмным, голодным огнём.

— Ты хочешь меня? — переспросил он, и в голосе его прозвучала низкая, вибрирующая нота. — Ты хочешь, чтобы я взял тебя прямо сейчас, здесь, у стены этой вонючей таверны?

— Я хочу, чтобы ты взял меня там, где сможешь делать это долго, — ответила я, глядя ему в глаза. — Я хочу, чтобы ты использовал все свои игрушки. Я хочу кричать так, чтобы меня было слышно во всей Цитадели. И я хочу, чтобы ты знал: я делаю это не потому, что ты меня купил. А потому что я сама этого хочу.

Он смотрел на меня несколько секунд, и его грудь вздымалась от частого дыхания. А потом он рассмеялся — коротко, низко, и этот смех отдался у меня где-то внизу живота.

— Ты невероятна, рыжая, — сказал он, сжимая мою руку. — Идём. У нас впереди целая ночь, и я намерен использовать каждую минуту.

Он рванул меня за собой, и я побежала за ним, чувствуя, как ночной ветер холодит разгорячённую кожу, как сердце колотится где-то в горле, и как между ног ноет горячее, требовательное желание. Впереди была Цитадель. Впереди была его комната. И на этот раз я шла туда не как жертва — как охотница.

7

Дверь захлопнулась, и он набросился на меня, даже не дав переступить порог. Я врезалась спиной в стену, и он прижал меня к ней всем телом, грубо, жадно, без намёка на нежность. Его руки уже были везде — сжимали бёдра, задирали платье, впивались в кожу так, что завтра останутся синяки.

— Ты хотела этого, сука, — выдохнул он мне в губы, и голос его был низким, хриплым, с рычащими нотками. — Ты напросилась. Будешь получать, пока не захлебнёшься.

Я чувствовала его член сквозь штаны — твёрдый, горячий, упирающийся мне в живот. Его пальцы уже скользнули под бельё, грубо раздвигая складки, и я была влажной, готовой, истекающей от одного только запаха его кожи.

Но я помнила. Лиру. Её смех. Его руки на её плечах.

— Красный, — выдохнула я.

Его пальцы застыли внутри меня, и он поднял голову, глядя на меня со смесью недоверия и раздражения.

— Ты охренела?

— Красный, — повторила я, глядя ему в глаза, чувствуя, как внутри всё дрожит от желания и страха.

— Ты серьёзно? — Он не убирал пальцы. Сжал их внутри меня, грубо, до боли, и я закусила губу, чтобы не застонать. — Сейчас? После всего, что было в таверне? После того, как ты сама тащила меня за член через весь город, тварь?

— Ты слышал меня.

Он смотрел на меня несколько секунд, и я видела, как в его глазах закипает злость. Настоящая, глухая злость — не та ленивая ирония, к которой я привыкла.

— Ты играешь со мной, рыжая, — сказал он низко, почти шипя. — Думаешь, это забавно? Возбудить меня до предела, а потом дёрнуть стоп-кран, шлюха?

— Ты заслужил.

— Заслужил? — Он резко выдернул пальцы, и я вздрогнула от пустоты. — Чем же? Тем, что я посмел потанцевать с другой? Ты моя вещь, Ровена. Ты — дырка, которую я купил за восемнадцать тысяч. Не наоборот. Запомни это, сука.

Он отошёл от меня, тяжело дыша, и провёл рукой по лицу. Он был всё ещё твёрдым — я видела, как член упирается в ткань штанов. Но он не приближался ко мне.

— Убирайся, — сказал он холодно. — Вон, пока я добрый.

— Эйнар…

— Я сказал — вон! — Его голос стал жёстким, режущим, как лезвие. — Ты хотела «красный» — ты его получила. А теперь вали нахер, пока я не забыл, что такое стоп-слово, и не трахнул тебя так, что ты неделю ходить не сможешь.

— Ты не посмеешь…

— Не проверяй меня, — перебил он, и в его глазах мелькнуло что-то тёмное, опасное. Таким я его ещё никогда не видела. — Я не тот человек, которого можно дразнить безнаказанно. Ты решила поиграть — играй, но помни: я тоже умею играть. И мои игры кончаются кровью. Хочешь знать, как кричит баба, когда я действительно злюсь?

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри всё сжимается. Я хотела сказать что-то ещё — извиниться, передумать, броситься ему на шею. Но горло перехватило.

Я вышла в коридор, и дверь за мной захлопнулась.

Стояла, прижимая руки к груди, чувствуя, как внутри всё ноет от неудовлетворённого желания и глухой обиды. Я сама загнала себя в ловушку. Сама.

А потом я услышала шаги.

Из-за поворота вышла Агнес. Она была в лёгком халате, распущенные светлые волосы падали на плечи, на губах играла улыбка — медленная, хищная, полная превосходства.

— Ровена, — сказала она, останавливаясь напротив меня. — Какой сюрприз. Ты уже уходишь? А Эйнар как раз позвал меня. Сказал, что у него накопилось напряжение и только я знаю, как с ним справиться.

Она обошла меня, как обходят препятствие на дороге, и легонько постучала в дверь. Дверь открылась почти сразу — будто он ждал именно её.

— Заходи, — услышала я его голос, низкий, спокойный, без следа той злости, что была совсем недавно. — Я скучал по твоему рту.

Дверь закрылась, и я услышала смех Агнес — тихий, довольный, победный.

Я стояла в пустом коридоре, глядя на закрытую дверь, и чувствовала, как внутри меня всё сжимается — от ревности, от обиды, от собственной глупости. Я хотела наказать его — а наказала себя. Я отдала его другой, и она вошла туда, где должна была быть я.

Я развернулась и пошла прочь, сжимая кулаки, из последних сил сдерживаясь, чтобы не разреветься.

Глава 14

Глава 13

1

В комнате было слишком тихо.

Обычно утро начиналось с сирены, с лязга замков, с тяжёлых шагов мадам Кросс в коридоре. Сегодня тишина висела в воздухе плотная, как перед грозой, и я несколько секунд просто лежала, глядя в серый камень потолка, пытаясь вспомнить, где я и какой сегодня день.

А потом всё навалилось разом.

Вчерашняя ночь. Таверна. Его руки на моей талии. Красный, сорвавшийся с губ прежде, чем я успела подумать. Злость в его глазах — настоящая, глухая, неигровая. Дверь, захлопнувшаяся перед моим носом.

И Агнес. Её довольный смех за этой дверью. Агнес, которая вошла туда, где я должна была стоять на коленях.

Я села на кровати и зажмурилась, но картинка не уходила. Я видела её светлые волосы, рассыпавшиеся по подушке, её руку, скользящую по его груди, её рот, находящий место, которое я сама ему только что закрыла. Она знала, что делать. Она делала это сотню раз. А я — я сбежала, как трусливая сучка, и оставила поле боя ей.

Я стиснула зубы так, что свело челюсть. Внутри меня полыхало — жарко, тяжело, так что грудь сдавило, а в кончиках пальцев закололо. Ненависть. Ревность. Злость на себя за то, что я вообще ревную того, кто был причиной всех моих неприятностей.

Я представила, как он кончает ей в рот, глядя на неё с тем же выражением, с каким смотрел на меня, — и внизу живота дёрнуло горячим, болезненным спазмом. Не от отвращения. От желания, чтобы это была я.

— Ты не спала?

Голос Мораны врезался в тишину, как нож. Я вздрогнула, и жар мгновенно схлопнулся, спрятался под кожу, оставив только глухую, ноющую пустоту.

Она сидела на своей кровати, поджав ноги, и смотрела на меня с тем выражением, которое я уже выучила наизусть — любопытство, приправленное голодом. Она ждала. Она всегда ждала.

— Спала, — ответила я коротко и отвернулась, нашаривая край одеяла.

— Я слышала, как ты вернулась. Поздно. — Она не спрашивала — утверждала. — Ты была у него?

Я промолчала, натягивая платье. Ткань коснулась спины, и я поморщилась — следы от плети ещё ныли, но уже начинали заживать.

Вчера он входил в меня — глубоко, до предела. Извращенным, болезненным способом, но при воспоминании об этом я понимала, что хочу ещё.

Но я отдала его другой суке, и та трахнула его ртом, пока я стояла в коридоре и сжигала себя изнутри.

— Ровена.

Голос Мораны стал мягче, вкрадчивее, и от этой мягкости у меня внутри всё перевернулось. Я знала этот тон. Это был голос человека, который подбирается к ране, чтобы посмотреть, не пойдёт ли кровь.

— Ты в порядке? Он… он сделал что-то с тобой? Ты выглядишь расстроенной. Расскажи мне, что случилось. Я хочу помочь.

Я замерла с рукой на вороте платья и медленно повернулась к ней.

Она сидела, подавшись вперёд, и в её глазах горел тот самый жадный огонёк, который я видела уже не раз. Она не беспокоилась обо мне. Она хотела знать. Хотела деталей. Хотела облизать их, как кончик ножа, как соль с собственных пальцев.

— Всё нормально, — сказала я ровно. — Я просто устала.

На секунду в её глазах мелькнула тень — разочарование, почти обида. Она хотела большего. Она хотела, чтобы я рассказала ей, каково это — когда тебя заменяют другой женщиной, когда ты стоишь под дверью и знаешь, что мужчина, которого ты хочешь, привёл в свою постель другую. Она хотела смаковать моё унижение.

— Уверена?

— Уверена.

Я отвернулась и закончила одеваться. В зеркале над умывальником я видела, как она смотрит на меня — неотрывно, тяжело, будто пытается пробуравить взглядом мою спину. Я не обернулась. Я смотрела на своё отражение, на свои глаза, в которых ещё не остыл жар, и думала: «*Он сейчас с ней. Может быть, до сих пор трахает её. А может, спит, и её голова лежит у него на плече*».

От этой мысли внутри полыхнуло так, что я вцепилась в край умывальника, чтобы не закричать.

Когда я вышла за дверь, я почувствовала, как внутри отпускает — всего на полвздоха, но этого хватило, чтобы сделать шаг, другой, третий в пустом коридоре.

Я шла на занятия, и каблуки стучали по камню в такт мыслям, от которых я не могла отделаться.

«*Он остановился*».

Я повторила это про себя, и слова упали в пустоту, как камни в колодец, не достигая дна.

Я вспомнила его лицо. Глаза, потемневшие от злости, от желания, от гнева на меня за то, что я дёрнула стоп-кран в самый неподходящий момент. Он был на грани — я чувствовала это каждой клеткой. Его член упирался мне в живот, твёрдый, горячий, готовый войти в любой момент и без приглашения. Он мог сделать это. Я бы не смогла его остановить, если бы он решил не слушать.

Но он остановился.

Я сжала кулаки в карманах платья. Он мог трахнуть Агнес — и, судя по тому, как легко она прошла в спальню, трахнул. Но он не тронул меня. Потому что я сказала «красный». И это слово для него что-то значит.

Эта мысль запутывала всё сильнее, чем любая боль или унижение. Потому что если он способен остановиться, если он способен услышать моё «нет», когда я говорю его осознанно, — тогда кто он? Монстр, который держит слово? Садист с кодексом чести?

И почему от этого знания внутри разливается странное, тягучее тепло, которое я не могу объяснить ни страхом, ни ненавистью?

Я нащупала запястье. Браслет был на месте — холодный, гладкий, плотно облегающий кожу. Я сжала его пальцами, чувствуя, как металл подаётся под нажимом, и впервые за всё время не ощутила привычного приступа тоски.

Что-то изменилось. Я не знала, что именно, и боялась признаваться себе в этом. Но внутри меня, вместо пустоты и страха, горела злость — горячая, живая, требовательная. Я злилась на него за то, что он посмел трахнуть другую. Я злилась на себя за то, что не была на месте Агнес. Я злилась на неё за то, что она осмелилась прикоснуться к тому, что я уже считала своим.

И от этой злости кровь стучала в висках сильнее, чем от любого страха.

2

Я вошла в аудиторию магистра Вивьен с чувством, которое не могла назвать иначе, как глухой, ноющей пустотой. Мысли об Эйнаре и Агнес всё ещё жгли изнутри, и я села за парту, надеясь, что сегодняшняя лекция поможет мне отвлечься хотя бы на час.

— Сегодня мы продолжаем работу с ментальными барьерами, — начала магистр Вивьен, и её голос, как всегда, звучал ровно, без тени эмоций. — Я хочу, чтобы вы попробовали построить многослойную защиту. Представьте, что ваш разум — это крепость. Каждый новый слой — это стена, которая должна устоять под напором.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Сосредоточиться было трудно — мысли разбегались, как тараканы, стоило мне только попытаться поймать их.

Я представила стену. Серый камень, плотно пригнанные блоки, никаких щелей. Потянулась к ней привычным усилием — и вдруг почувствовала, как внутри что-то откликнулось. Тёплое, живое, знакомое — то, что я считала потерянным с того момента, как браслет сомкнулся на моём запястье.

Дар.

Я ощутила его не как мысль, а как вибрацию — тонкую, высокую, проходящую откуда-то из глубины груди по рукам, к кончикам пальцев. Стена в моём воображении стала плотнее, реальнее. Я не просто представляла её — я чувствовала её вес, её прохладу, её надёжность.

Я открыла глаза, и на мгновение мне показалось, что мир вокруг стал чуть ярче, чуть отчётливее. Я слышала не только голос магистра Вивьен, но и тихий скрип пера Элис через две парты от меня, и дыхание Миры слева, и чей-то нервный шепот позади.

— У тебя получается?

Я подняла голову и встретилась взглядом с магистром Вивьен. Она смотрела на меня с тем же холодным выражением, но в её голосе мне почудилась едва заметная нотка удивления.

— Кажется, да, — ответила я, и голос мой прозвучал хрипло, будто я только что пробежала несколько кругов по двору.

Она кивнула и отвернулась, не сказав больше ни слова, но я заметила, как её бровь дрогнула — всего на секунду, будто она увидела в моей ауре то, чего не ожидала.

До конца занятия я сидела, замерев, боясь разрушить этот хрупкий контакт. Стена держалась. Она была неровной, кое-где с провалами, но она была — настоящая, выстроенная моей собственной волей.

На «Основах тёмной материи» магистр Морвейн, как обычно, расхаживал между рядами, демонстрируя нам чёрный шар, пульсирующий в воздухе над его ладонью.

— Сегодня мы попробуем взаимодействовать с тёмной материей без прямого контакта, — объявил он. — Сосредоточьтесь на шаре. Почувствуйте его присутствие. Не пытайтесь управлять им — просто установите связь.

Я смотрела на чёрный шар и вспоминала первую попытку, когда браслет заблокировал мою магию, и я стояла, как пустое место, ловя на себе разочарованные взгляды сокурсниц.

Я выдохнула — медленно, ровно — и потянулась к нему.

Кончики пальцев закололо. Воздух вокруг шара дрогнул, и я почувствовала, как от него исходит энергия — не чёрная, нет, а скорее густая, прохладная, как вода на дне колодца. Я не пыталась схватить её. Я просто держала руку рядом, позволяя ей течь вокруг моей ладони.

Магистр Морвейн остановился напротив меня и посмотрел на шар.

— Неплохо, — сказал он коротко и пошёл дальше.

Неплохо. От него это был комплимент высшей пробы.

Я убрала руку и посмотрела на свои пальцы. Они дрожали — не от слабости, а от напряжения, которое только что отпустило мышцы. Магия вернулась. Не в полную силу, но она была здесь, под кожей, ждала момента, чтобы вырваться наружу. Несмотря на вчерашнюю ссору Эйнар ослабил браслет.

Обеденное время застало меня в странном состоянии — между возбуждением от возвращения дара и глухой, ноющей тревогой, которая не отпускала с самого утра. Я взяла поднос и села за свободный стол, надеясь, что никто не подсядет ко мне с вопросами.

Не успела я положить в рот первый кусок, как краем глаза заметила движение.

Агнес.

Она вошла в столовую, как королева, возвращающаяся на трон. Светлые волосы рассыпались по плечам, губы тронуты лёгкой, сытой улыбкой. Платье на ней было то самое, бордовое, с глубоким вырезом — в нём она казалась ещё выше, ещё увереннее, ещё красивее.

Я смотрела, как она проходит мимо столов, как её взгляд скользит по ученицам, лениво, почти снисходительно. Она не сразу заметила меня — но когда заметила, её улыбка стала шире.

Агнес выбрала стол в нескольких шагах от меня, села, положила ногу на ногу и посмотрела в мою сторону. Не просто посмотрела — одарила взглядом победительницы, медленным и сладким, как патока.

Я сжала вилку в руке так, что металл впился в ладонь. Внутри меня что-то полыхнуло — жаркое, злое, требовательное. Я не хотела смотреть на неё. Я не хотела давать ей повод думать, что меня можно задеть.

Но пальцы уже нащупывали ту тонкую нить, которую я тренировала сегодня на уроке.

Я не думала. Я просто толкнулась в её разум — и провалилась внутрь.

Картинка ударила яркостью, от которой я чуть не зажмурилась. Я видела всё её глазами, чувствовала всё её телом — и это было невыносимо.

Тёмная комната. Чёрные шторы. Запах воска и кожи.

Агнес стояла у перекладины — той самой, к которой Эйнар приковывал меня в первую ночь. Её руки были подняты над головой, запястья стянуты кожаными ремнями. Глаза — плотно завязаны чёрной шёлковой лентой, так что мир сузился до звуков и прикосновений.

Она не видела его, но чувствовала. Каждое его движение. Каждое дыхание.

Тёплый воск коснулся её плеча — сначала мягко, почти невесомо, а потом застыл, впиваясь в кожу горячей точкой. Она вздрогнула, но не отдёрнулась. Следующая капля упала на грудь, чуть выше соска, и она выдохнула сквозь зубы, чувствуя, как жар разливается по телу, смешиваясь с ожиданием.

Потом его руки легли ей на бёдра. Жёстко. Собственнически. Он приподнял её, заставив прогнуться в спине, и она почувствовала, как его член упирается ей в поясницу — твёрдый, горячий, готовый.

Он вошёл сзади — одним глубоким, плавным толчком, сразу на всю длину. Агнес выгнулась и застонала, запрокинув голову. Он двигался медленно, растягивая каждое мгновение, и каждый толчок отдавался в её теле волной удовольствия, которое я чувствовала так, будто это меня трахали.

Я вынырнула из её головы, как из ледяной воды.

Перед глазами всё плыло, в ушах звенело. Я сидела за столом, сжимая вилку так, что пальцы онемели, и чувствовала, как внутри меня поднимается глухая, тёмная волна. Ревность. Желание. Злость. Всё смешалось в один горячий комок, который сжимал горло.

Агнес сидела на своём месте и смотрела на меня всё с той же улыбкой. Она знала, что я залезла к ней в голову — и хотела этого. Она хотела, чтобы я увидела. Чтобы я знала, что она была там, где должна была быть я.

Я медленно положила вилку на стол и заставила себя сделать глубокий вдох. Второй. Третий.

Она выиграла этот раунд. Она была с ним. Она получила то, что хотела.

Но я сжала запястье, где браслет больше не давил на магию, и почувствовала, как под кожей пульсирует вернувшийся дар. Её улыбка дрогнула, когда она увидела, как я рассматриваю своё запястье. В глазах мелькнуло что-то, возможно, неуверенность.

Я взяла стакан с водой, сделала глоток и встретила её взгляд. Не отвела глаза, не опустила голову. Я научилась терпеть боль. Теперь пришло время научиться ждать. Потому что вчерашняя ночь досталась ей, но сегодняшняя — моя. Я заставлю его забыть, как её зовут.

3

Я сидела в столовой, всё ещё сжимая стакан, пытаясь успокоить дыхание, когда голос ворвался в мою голову без предупреждения — резкий, сухой, с той ленивой усмешкой, которую я ненавидела и ждала одновременно.

«*Я не для того ослабил действие браслета, чтобы ты опять страдала вуайризмом, рыжая. Прекрати рыться в чужих головах и позорься молча*».

Я вздрогнула так, что едва не расплескала воду. Стакан звякнул о столешницу, и я замерла, боясь пошевелиться. Голос звучал внутри черепа — чёткий, интимный, будто он стоял у меня за спиной и шептал на ухо.

«*Я не рылась,* — ответила я мысленно, надеясь, что он слышит. — *Она сама напросилась*».

«Она напросилась — ты повелась. Разница невелика. Но ты ещё нужна мне, чтобы вывести крысу на чистую воду, так что я намерен заняться твоим обучением. Сегодня в семь вечера — ты помнишь дорогу».

Я сглотнула. Сердце пропустило удар, а потом пустилось вскачь, набирая темп с каждой секундой.

«*Ты будешь учить меня телепатии?*» — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

«*Да. Не зря же я потратил деньги на тебя и на амулет. Постарайся хоть так окупить мои вложения, раз уж больше от тебя нет толка. А теперь — не отвлекай меня. Увидимся в семь*».

Связь оборвалась. Я осталась сидеть с бешено колотящимся сердцем и странной улыбкой, которую не могла стереть с лица, сколько бы ни пыталась.

Я провела рукой по лицу, делая вид, что поправляю волосы, и украдкой посмотрела на Агнес. Она сидела на прежнем месте и теперь смотрела не на меня, а в свою тарелку — настороженно, будто что-то чувствовала, но не могла понять что.

Я взяла стакан и допила воду. Сегодня в семь. Он позвал меня. Не Агнес. Меня. Пусть даже для занятий телепатией. Пусть для того, чтобы поймать Морану. Но позвал.

Оставшаяся часть дня пролетела как в тумане. Я сидела на лекциях, механически записывая слова преподавателей, но мысли мои были далеко. Я смотрела на часы каждые пять минут, и стрелки ползли черепашьим шагом, будто время решило надо мной поиздеваться.

Магистр Корвус на уроке управления стихиями что-то рассказывал о природе воздушных потоков — я не слышала ни слова. Мира толкнула меня локтем, когда я пропустила вопрос, адресованный мне, и я пробормотала первое, что пришло в голову, — кажется, ответ оказался правильным, потому что Корвус не сделал замечания.

Элис на перемене спросила, всё ли у меня в порядке. Я кивнула и улыбнулась — кажется, даже убедительно. Она не стала настаивать, только сжала мою руку и ушла. Я вернулась к созерцанию стрелок на часах.

Время ползло — густое, вязкое, бесконечное.

После последнего занятия я почти бегом вернулась в комнату. Открыла дверь, шагнула внутрь, хотела закрыть за собой — и замерла, услышав знакомый ритмичный стук. Три удара.

Ворон.

Я подошла к окну и отдёрнула занавеску. Он сидел на подоконнике, как обычно сжимая в лапке узкий кожаный ремешок. Я впустила его внутрь, отвязала записку, привязанную к лапке.

Бумага была грубой, выцветшей на сгибах. Строчки прыгали, будто рука дрожала от холода или от спешки.

«*Ровена. Прости. Побег придётся отложить. На стройке сменили охрану, старый проход заложили камнем. Я нашёл другой путь, но он идёт через старые катакомбы — нужно время, чтобы проверить, не обрушатся ли своды. Неделя, может, чуть больше. Я всё равно вытащу тебя. Держись. Кайл».*

Я перечитала записку дважды, вглядываясь в каждое слово, и, когда смысл дошёл до меня, я почувствовала, как внутри — против моей воли, наперекор всему, что я должна была чувствовать, — разливается странное, тёплое облегчение.

Оно поднималось откуда-то из глубины живота, согревая грудь, расслабляя плечи, стирая напряжение, которое держало меня в узле весь день. Я зажмурилась, и на мгновение мне стало стыдно — так стыдно, что захотелось провалиться сквозь пол. Потому что я должна была злиться. Должна была расстраиваться. Должна была проклинать эту отсрочку и считать дни до новой возможности.

Но вместо этого я чувствовала только покой. Тёплый, вязкий, предательский покой, от которого щипало в уголках глаз.

Я открыла глаза и посмотрела на свои руки. Пальцы всё ещё сжимали записку. Я аккуратно сложила её, сунула в карман платья и повернулась к зеркалу.

Из мутного стекла на меня смотрела девушка с раскрасневшимися щеками и блестящими глазами. Она не выглядела разочарованной. Она не выглядела загнанной в ловушку. Она выглядела так, будто ей подарили время. Отсрочку от неизбежного решения.

«*Ты знаешь, почему ты рада*, — прошептал внутренний голос. — *Потому что ты не хочешь уходить. Потому что ты хочешь остаться. С ним».*

— Заткнись, — сказала я вслух своему отражению.

Но глубоко в душе я уже знала правду.

4

Я провела ладонью по лицу и посмотрела на часы. Половина шестого. У меня есть ещё полтора часа. И я знала, чем хочу их занять.

В ванной пахло сыростью и дешёвым мылом. Я закрыла за собой дверь, зажгла свечу на краю раковины и посмотрела на себя в маленькое треснутое зеркало. Платье уже было снято, я стояла в одной сорочке, и под тонкой тканью угадывались очертания тела, которое он знал лучше, чем я сама.

Я разделась догола.

Воздух был прохладным, и кожа покрылась мурашками. Я провела ладонью по животу, по бедру, и внизу живота отозвалось тёплым, тягучим воспоминанием — его руки, его пальцы, его голос, шепчущий: «В следующие разы — ты сама. Перед каждой нашей встречей».

Я сглотнула. В горле пересохло.

В нашем коротком мысленном разговоре не было ни слова об этом. Но он сказал: перед каждой встречей. И если я хочу, чтобы сегодняшняя встреча закончилась не только телепатией, а чем-то большим, — я должна быть готовой.

Немного подумав, я полезла в аптечку и, покопавшись там, нашла резиновую грушу, похожую на ту, которую он использовал. Она лежала там, чистая, будто ждала меня. Металлический наконечник блеснул в свете свечи. Я сжала её в ладони, чувствуя, как пальцы дрожат.

«Ты можешь этого не делать, — шепнул внутренний голос. — Он не приказывал. Ты сама идёшь на это».

— Знаю, — ответила я шёпотом. — Поэтому и делаю.

Я наполнила грушу тёплой водой, присела на край ванны, раздвинула колени и зажмурилась. Холодный металл коснулся самого узкого места, и я сделала глубокий вдох, вспоминая его голос: «Расслабься. Чем сильнее ты сожмёшься, тем неприятнее будет».

Я выдохнула и надавила.

Наконечник скользнул внутрь — медленно, чуть сопротивляясь, и я почувствовала, как кольцо мышц сжимается вокруг него, не пуская, привыкая. Я закусила губу и продолжила давить, пока наконечник не вошёл до конца. На секунду я замерла, чувствуя, как внутри расползается чужеродное тепло, а потом начала медленно сжимать грушу.

Тёплая вода хлынула внутрь, заполняя кишечник, и я выдохнула сквозь зубы — длинно, прерывисто, чувствуя, как распирающее ощущение разливается по низу живота. Странное. Непривычное. Но не болезненное. Она лилась тёплой, жидкой тяжестью, и я сжимала грушу до конца, пока вся вода не оказалась внутри, а потом замерла, чувствуя, как она перекатывается там, наполняя, растягивая изнутри.

Я извлекла наконечник. С минуту сидела неподвижно, прислушиваясь к себе. Внутри было горячо, странно, чуждо — но я знала, зачем это делаю. Я хотела, чтобы сегодня он не остановился. Я хотела быть готовой ко всему, что он захочет сделать.

Я поднялась, ощущая, как вода перекатывается внутри с каждым движением, и села на унитаз. Тёплая волна вышла плавно, почти бесшумно. Закончив, я подмылась, провела ладонью по влажной коже, чувствуя, как чистота отдаётся странным, почти болезненным удовлетворением.

Я вышла из ванной, закутавшись в полотенце, и остановилась перед кроватью, где лежало то самое бельё, что он прислал мне в первый раз. Бельё, которое я тогда надела с чувством стыда и злости. Сейчас я брала его в руки иначе. Кружево коснулось пальцев, и я представила, как он будет снимать его сегодня — не торопясь, не давая обещаний, просто беря то, что я сама решила отдать.

Я надела его. Чёрные трусики с высокой резинкой на бёдрах, кружевной бюстгальтер, который почти ничего не скрывал. Платье — тёмно-зелёное, струящееся, с глубоким вырезом на спине. Ткань скользнула по плечам, обтекая грудь, бёдра, и я посмотрела на себя в зеркало.

Из отражения на меня смотрела женщина, которая знала, чего хочет. И эта женщина не боялась за этим пойти.

Я взяла расчёску, провела по волосам, оставляя их распущенными. Подкрасила губы — той красной помадой, что нашла в ящике стола (должно быть, осталась от прежней хозяйки комнаты). Чуть-чуть, только чтобы придать цвет. Вдохнула поглубже, чувствуя, как тугой узел внизу живота пульсирует в ритме сердца.

Щёлкнул замок.

Дверь открылась, и в комнату вошла Морана. Она замерла на пороге, увидев меня у зеркала, и я увидела, как её взгляд скользит по мне — от распущенных волос до кружева, выглядывающего из-под платья. На мгновение её лицо стало совершенно пустым, а потом на нём проступило выражение, которое я не могла не узнать.

Злоба.

Не раздражение, не зависть — настоящая, глухая злоба, которая пряталась в глубине зрачков и кривила уголки губ. Она смотрела на меня так, будто я была врагом, который осмелился занять её место.

— Ты снова к нему идёшь, — сказала она, и голос её прозвучал ровно, но я слышала, как под этой ровностью дрожит ярость.

— Он приказал. Сама понимаешь, рабыни не обсуждают приказы хозяев, — ответила я спокойно, не оборачиваясь. Встретила её взгляд в зеркале и выдержала, не моргнув.

— Я пытаюсь тебя уберечь, я же рассказывала о Лилиан, она так же... — начала Морана, делая шаг в комнату, но я перебила её, даже не повышая голоса:

— Спасибо за беспокойство. Но я не Лилиан.

Я поправила вырез платья и направилась к двери. Морана стояла на пороге, преграждая путь, и я остановилась в шаге от неё.

— Он не любит, когда опаздывают. Дай, пожалуйста, пройти.

На секунду мне показалось, что она не сдвинется. Её глаза потемнели, пальцы сжались в кулаки, и я физически почувствовала, как от неё исходит волна напряжения — тяжёлая, давящая, почти осязаемая.

Но она отступила.

Я вышла в коридор, не оборачиваясь. За спиной я чувствовала её взгляд — тяжёлый, буравящий спину, полный той самой глухой злобы, от которой у меня по позвоночнику пробежал холодок. Я отметила это про себя — не как тревогу, а как факт.

Потом ускорила шаг.

В коридорах было тихо. Магические огни горели тускло, и шаги отдавались эхом от каменных стен. Я поднималась по лестнице, и с каждым шагом сердце билось всё быстрее, а внизу живота разрасталось тёплое, тягучее предвкушение.

Я остановилась перед дверью.

Постучала.

— Войди, — раздалось изнутри, и его голос прозвучал низко, спокойно, без привычной насмешливой нотки.

Я толкнула дверь и шагнула внутрь.

5

Я переступила порог, и дверь за мной закрылась с мягким, сытым щелчком.

Эйнар стоял у стола — не у кресла у камина, не у кровати, а за столом, как преподаватель перед началом лекции. На нём была свободная белая рубашка с закатанными до локтей рукавами, открывающая предплечья с выступающими венами. Тёмные брюки, никаких украшений, даже кристалл на шее был спрятан под тканью. Он выглядел собранным, деловым и — совершенно отстранённым.

— Садись, — сказал он, кивнув на стул напротив себя. Голос звучал ровно, без тени той низкой хрипотцы, которую я помнила с прошлых ночей.

Я замерла на мгновение, чувствуя, как внутри кольнуло разочарование. Я готовилась к другому. Я надела кружевное бельё, я провела процедуру, я думала, что сегодня между нами будет иначе. А он смотрел на меня так, будто я пришла сдавать экзамен.

Я села. Между нами на столе стояло зеркало — небольшое, в тёмной оправе, повёрнутое ко мне тыльной стороной. Я узнала его. То самое, что он купил вчера на чёрном рынке за шестьсот золотых. Зеркало Солеса.

— Что это? — спросила я, хотя знала ответ.

— Мой помощник в твоем обучении, — ответил он, садясь напротив. — Зеркало Солеса. Артефакт, который позволяет телепату увидеть собственный разум со стороны. Ты не можешь управлять тем, чего не видишь. Сегодня мы начнём с самого начала. Меня в детстве обучали именно так.

Он развернул зеркало ко мне, и я не увидела своего отражения.

В глубине стекла клубился туман — серый, плотный, живой. Он двигался сам по себе, закручиваясь в ленивые спирали, и где-то в его глубине угадывались смутные очертания, которые я не могла разглядеть.

— Смотри, — сказал он, и голос его стал тише, спокойнее. — Не пытайся контролировать то, что увидишь. Просто наблюдай. Это твой разум. Не бойся его.

Я смотрела. Туман в зеркале начал сгущаться, и из его глубины проступили образы.

Сначала — размытое пятно, потом чётче: лицо отца. Тэрена. Я увидела его таким, каким запомнила в детстве: тёплые руки, пахнущие травами, морщинки вокруг глаз, когда он улыбался. Он стоял на пороге нашего дома, и солнце светило ему в спину. А потом изображение дрогнуло, и я увидела его мёртвым — бледного, неподвижного, с закрытыми глазами. Сердце сжалось, но я заставила себя смотреть дальше.

Туман качнулся, и образ сменился.

Мать. Бриджит. Она лежала на своей постели, бледная, с запавшими щеками, и её дыхание было хриплым, прерывистым. Я слышала этот звук — он преследовал меня в кошмарах много ночей подряд. Её рука, худая, с прозрачной кожей, сжимала край одеяла.

Я моргнула, и изображение поплыло.

Кайл. Он стоял под старой яблоней, держа в руках яблоко — румяное, без единой червоточины. Протягивал его мне с той мягкой, доброй улыбкой, которая когда-то казалась мне целым миром. Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается глухая, ноющая пустота — не боль, не тоска, а понимание, что он остался в прошлом, которое я уже не смогу вернуть.

Туман сгустился снова, и картинка переключилась.

Я увидела себя стоящей у стены в коридоре. На мне было серое форменное платье, волосы растрёпаны, а передо мной стоял Эйнар. Я видела его глаза — ярко-зелёные, хищные, смотревшие на меня так, будто я была единственной вещью в комнате, достойной его внимания. Его губы накрыли мои, и я почувствовала это заново — первый поцелуй, грубый, требовательный, без намёка на нежность. И то, как моё тело откликнулось вопреки всем запретам.

Я перестала дышать. На мгновение мне показалось, что я сейчас провалюсь в это воспоминание, растворюсь в нём, потеряюсь.

— Тише, — услышала я его голос. — Не цепляйся за образы. Просто смотри.

Я выдохнула. Туман в зеркале начал рассеиваться, и из его глубины проступило моё собственное лицо.

Не отражение — нет. Это было другое. Я видела себя со стороны — растрёпанную, с тёмными кругами под глазами, с красными следами от подушки на скуле. Но глаза мои горели. Они не были пустыми. Они горели — злостью, голодом, желанием выжить, которое не угасло, несмотря ни на что.

— Теперь, — сказал Эйнар, и его голос вырвал меня из созерцания, — представь, что ты можешь собрать этот туман в одну точку.

— Что? — переспросила я, всё ещё не до конца придя в себя.

— Туман, — повторил он терпеливо. — То, что ты видишь в зеркале — это твоя ментальная энергия. Сейчас она разлита, как вода по полу. Собери её. Сожми в кулак. Сделай так, чтобы она не разлеталась.

Я посмотрела на туман. Он по-прежнему клубился в глубине стекла — бесформенный, непослушный, чужой.

Я попробовала. Просто попробовала представить, как сжимаю его в ладони. Но туман не поддавался — он растекался, просачивался между воображаемыми пальцами, ускользал.

— Дыши глубже, — раздался его голос. — Не дави. Притягивай. Как будто зовёшь его к себе.

Я сделала глубокий вдох, задержала дыхание. На выдохе я представила, что не сжимаю туман, а притягиваю его. Пальцы под столом дрожали, и я чувствовала, как между лопатками выступает пот.

Туман дрогнул.

Медленно — слишком медленно — он начал стягиваться к центру. Края его подсвечивались бледно-голубым светом, и, когда он сжался в небольшой, неровный шар размером с куриное яйцо, я выдохнула так, будто всё это время не дышала.

— Хорошо, — кивнул Эйнар. — Достаточно на сегодня.

— Достаточно? — переспросила я, не скрывая разочарования. — Я только начала…

— И уже устала, — закончил он за меня. — Ты не заметила, но твои руки дрожат, дыхание сбито, и ты сжигаешь ресурс, который не успела восстановить. Если продолжать сейчас — ты только навредишь себе. Телепатия — это не грубая сила. Это выносливость. Завтра будем работать дальше.

Он поднялся, обошёл стол и забрал зеркало, убирая его в ящик. Я сидела, чувствуя, как внутри меня поднимается тёмная, злая волна.

Он что, серьёзно? После всего? После того, как я провела битый час в ванной, готовя себя к нему, надев кружевное бельё под платье, переборов собственный страх, — он просто говорит «достаточно» и отпускает меня?

Эйнар отвернулся к окну. Я смотрела на его широкую спину, на то, как напрягаются мышцы под рубашкой при каждом движении, как воротник открывает шею — и внутри меня закипало то самое, что я не могла контролировать.

Я хотела его. Я хотела, чтобы он повернулся. Чтобы он подошёл. Чтобы он сорвал с меня это платье, которое я надела для него. Чтобы он сделал со мной всё то, что обещал, и даже больше.

Но он стоял ко мне спиной и не оборачивался.

6

Я сжала кулаки — и вместо того чтобы развернуться и уйти, заговорила.

— Морана снова меня пытала.

Он замер. Потом медленно повернулся и посмотрел на меня.

— Что значит — пытала?

— Расспрашивала. Она хотела знать, что было ночью. И разозлилась, когда я не ответила, — сказала я, встречая его взгляд. — Ты был прав. В её глазах — не просто любопытство. Там что-то другое. Тяжёлое. Злое.

Эйнар отошёл от окна, прислонился бедром к столу, скрестив руки на груди. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах мелькнула тень, которую я уже научилась читать — холодная, расчётливая настороженность.

— Крыса есть крыса, — сказал он ровно. — Она суёт нос туда, куда не следует. Ей будет чем занять своё любопытство, если она продолжит в том же духе. Но сейчас меня больше волнует другое. — Он посмотрел на меня в упор. — Ты заметила что-то ещё? Кроме её вопросов?

Я помедлила, вспоминая. Её взгляд в зеркале, когда я собиралась к нему. Злоба, которую она даже не пыталась скрыть.

— Когда я собиралась к тебе, она смотрела на меня так, будто хотела ударить. Не просто разозлилась — я видела ненависть. Настоящую. Она едва сдерживалась.

Эйнар кивнул, будто ожидал этого.

— Я почти уверен, что Лилиан — её марионетка. Морана контролирует то, что осталось от её разума, и использует Лилиан как оружие. Она не сможет причинить тебе вред напрямую — слишком рискованно. Но если ей представится возможность, она ею воспользуется. Так что держись от неё подальше и не поворачивайся спиной.

— Ты думаешь, она опасна? — спросила я, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— Я знаю, что она опасна. Но пока она не сделала ничего, что можно было бы доказать отцу, она будет ходить по коридорам и строить из себя скорбящую сестру. — Он помолчал, глядя куда-то в сторону, потом перевёл взгляд на меня. — Ты сказала мне. Этого достаточно. Теперь я буду знать, куда смотреть.

Он выпрямился, давая понять, что разговор окончен. Я стояла, не двигаясь, чувствуя, как внутри закипает отчаяние.

— Я хочу поговорить о том, что случилось ночью, — выпалила я.

Он остановился. Медленно повернул голову и посмотрел на меня — не с удивлением, а с той спокойной, выжидательной настороженностью, с которой смотрят на человека, который только что перешёл черту.

— О чём именно?

Я сглотнула. Горло сжало, но я заставила себя произнести это вслух.

— О нас. О том, что я сказала «красный». О том, что ты остановился. О том, что потом пришла Агнес.

На мгновение в комнате повисла тишина. Эйнар смотрел на меня, и его лицо не выражало ничего. Потом он шагнул ко мне, и я почувствовала его близость — запах мыла, дыма, тёплой кожи.

— Ничего не случилось, — сказал он спокойно.

— Я не…

— Ничего, — повторил он, и в голосе его появилась та самая сталь, которую я слышала в первый раз, когда он приказывал мне встать на колени. — Ты сказала «красный». Я остановился. Всё остальное — не имеет значения. Ты хотела проверить мои границы — ты их проверила. Они работают. Я сдержал слово. Вопрос закрыт.

— Но я…

— Ты сказала «красный», Ровена. — Он шагнул ближе, и я оказалась в ловушке между его телом и стеной, как в первую ночь. — Это значит «стоп». И я остановился. Если ты хочешь извиниться за то, что сделала это из ревности, а не из страха, — извинись. Но не пытайся превратить это в драму. Я не тот человек, которому можно устраивать истерики и рассчитывать на понимание.

— Я не устраиваю истерику, — огрызнулась я, чувствуя, как внутри закипает злость. — Я пытаюсь понять, почему ты трахнул её после того, как я ушла.

Он усмехнулся.

— Потому что мне хотелось трахаться. Потому что она была доступна. Потому что она не говорит «красный», когда я уже готов к игре. Потому что она не играет в игры, в которых не может выиграть.

— Я не играла в игры.

— Играла, — отрезал он. — Ты хотела наказать меня за танец с Лирой. Я понял это сразу. И я принял твою игру. Я остановился, когда ты сказала «красный». Я выполнил свою часть сделки. А что было после — тебя не касается.

Его голос стал твёрже, и я увидела в его глазах то, чего не было раньше: холод. Не злость, не раздражение — а ровную, спокойную отстранённость. Он уже закрыл эту тему. Для него её больше не существовало.

— А теперь, — сказал он, отступая, — не трать моё время. У меня есть дела, и они не включают в себя обсуждение моих сексуальных предпочтений с рабыней, которая сама не знает, чего хочет.

— Знаю, — выдохнула я, но голос мой прозвучал глухо, почти неслышно.

— Знаешь? — переспросил он, и на его губах мелькнула усмешка. — Тогда докажи. Приди ко мне, когда решишь — и скажи это мне в глаза. А пока — иди. Урок окончен.

Я стояла, прижавшись спиной к стене, глядя на него, и внутри меня бушевал ураган из злости, разочарования, желания и непонятно чего ещё, что жгло грудь изнутри. Я хотела сказать что-то ещё. Бросить ему в лицо, что он несправедлив, что он намеренно меня избегает, что он сам боится того, что между нами происходит. Но так ничего и не сказала.

Я развернулась и вышла. Дверь закрылась за мной, отрезав меня от тепла и света его комнаты, и я осталась стоять в холодном коридоре, чувствуя, как внизу живота тянет неудовлетворённое желание, смешанное с глухой, ноющей пустотой.

Я шла по коридору, и каждый шаг отдавался в груди глухой пульсацией.

Глава 15

Глава 14.

1

Я проснулась от крика.

Он ворвался в тишину комнаты — резкий, мокрый, полный такого животного ужаса, что я подскочила на кровати, ещё не понимая, где я и что происходит. Сердце колотилось где-то в горле, и я нащупала край одеяла, прежде чем услышала всхлипы.

Морана.

Она сидела на своей кровати, сжавшись в комок, и её плечи мелко тряслись. В тусклом свете луны, пробивающемся сквозь щель в занавесках, я увидела её лицо — бледное, мокрое от слёз, с широко распахнутыми глазами, которые смотрели куда-то сквозь меня.

— Морана? — Я спустила ноги с кровати и подошла к ней, чувствуя, как каменный пол холодит ступни. — Что случилось? Ты кричала.

Она не сразу ответила. Её пальцы вцепились в одеяло, и она дышала так, будто только что выбежала из горящего дома. Я села рядом, на край её постели, и осторожно коснулась её плеча. Она вздрогнула, подняла на меня глаза — и я увидела в них настоящий страх.

— Мне приснился сон, — выдохнула она, и голос её дрожал, срываясь на шёпот. — Ты стояла в воде. Чёрной, как чернила. Она доходила тебе до груди, и ты пыталась выбраться, но вода… она держала тебя. Ты билась, барахталась, но она затягивала тебя глубже.

Она схватила меня за руку — её пальцы были холодными и липкими от пота. Сжала моё запястье так сильно, что я почувствовала, как ногти впиваются в кожу.

— Я пыталась тебя позвать, я пыталась дотянуться, но не могла. А вода всё поднималась, и ты ушла под неё с головой… Я проснулась, когда ты перестала барахтаться.

По её щеке скатилась слеза, и она даже не вытерла её. Я смотрела на неё, чувствуя, как внутри поднимается странное, тягучее беспокойство.

— Это просто сон, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Жутковатый, конечно, но всего лишь сон.

Морана покачала головой. Движение было резким, почти судорожным.

— Нет, Ровена. Ты не понимаешь. Мои сны не лгут. Они сбываются. И этот… этот сон не просто так.

Она подалась вперёд, и я почувствовала запах страха — кислый, горький, исходящий от её кожи.

— Это он, — прошептала она, и в её голосе появилась та самая липкая, горячечная интонация, которую я слышала, когда она говорила о Лилиан. — Эйнар. Он — эта вода. Он утянет тебя на дно, Ровена. Он утопит тебя, как утопил Лилиан.

Я замерла. Её пальцы всё ещё сжимали моё запястье, и я чувствовала, как дрожит её рука. Она смотрела на меня с такой убеждённостью, что на мгновение мне стало не по себе.

— Морана, ты просто напугана сном. Эйнар не…

— Не надо, — перебила она, и её голос дрогнул. — Ты не знаешь его так, как знаю я. Я видела, что он сделал с ней. Она была живой, счастливой, а потом… — Она сглотнула, и на её глазах снова выступили слёзы. — Она утонула в нём. Он затянул её так же, как эта чёрная вода затягивала тебя во сне. И ты повторишь её судьбу, если не остановишься.

Она отпустила моё запястье и откинулась на подушку, закрыв лицо руками. Её плечи всё ещё вздрагивали, но кричать она перестала. Я сидела рядом, чувствуя, как медленно остывает тепло на том месте, где только что были её пальцы.

— Ты просто спи, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал мягче. — Всё хорошо. Я здесь.

Морана не ответила. Она повернулась на бок, подтянула колени к груди и затихла. Через минуту её дыхание стало ровным — она уснула или притворилась спящей.

Я осталась сидеть на краю её кровати, глядя в темноту.

Её слова застряли под кожей, как заноза. «*Он утопит тебя, как утопил Лилиан».* Я смотрела на её сжавшуюся фигуру, и где-то в глубине живота ворочалось холодное, липкое беспокойство. Я не верила её снам, но отделаться от них было сложно.

Я встала и подошла к окну. За стеклом была ночь — глубокая, непроглядная, без звёзд. Я прислонилась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза. Сон не шёл. Мысли ворочались тяжело и медленно — не столько о Моране, сколько о нём.

О его голосе, когда он сказал «приди, когда решишь». О том, как он стоял ко мне спиной и не оборачивался. О том, где он сейчас и с кем. О том, что Морана называет его смертью. А я всё равно хочу к нему.

2

Я вернулась в свою кровать, но не ложилась — села, обхватив колени руками, и уставилась в темноту. И осознала, что вообще перестала что-либо понимать.

Морана говорила с такой убеждённостью, что у меня внутри всё переворачивалось. Я хотела отмахнуться, сказать себе, что это просто сон, что Морана преувеличивает, что она сама не своя от страха. Но голос её — дрожащий, мокрый от слёз — не давал мне покоя. Либо она была очень хорошей актрисой, либо говорила правду.

Но одновременно с этой мыслью в груди жило другое. Горячее, злое, требовательное. Воспоминание о его руках на моей талии. О его голосе, низком и тёмном, когда он сказал: «Приди ко мне, когда решишь». И сейчас я сидела и гадала, один ли он? Или снова с Агнес? Или с кем-нибудь ещё?

От этой мысли внутри всё сжималось — не от страха, а от той самой ревности, которую я ненавидела в себе, но не могла подавить.

Она сейчас с ним? Она трогает его там, где я хочу трогать сама? Он кончает ей в рот с тем же выражением, с каким смотрел на меня?

Я зажмурилась и тряхнула головой, пытаясь стряхнуть картинку, но она не уходила.

«*Здесь никому нельзя доверять»,* — всплыли в голове слова мадам Кросс, сказанные в первый же вечер. Тогда я приняла их как предупреждение. Сейчас они звучали как приговор.

Эйнар говорит, что Лилиан была добровольной участницей. Он показал мне свои воспоминания, и они соответствовали его словам. Да и в видении о том, что он делал с Лилиан, она не выглядела жертвой.

Но Эйнар сильнейший менталист. Я имела счастье не раз убедиться в его способностях: на примере грабителей с чёрного рынка, да и на собственном тоже. Он с легкостью залезал в мою голову ломая все щиты. Он мог внушить кому угодно, что угодно.

Морана говорит, что он её утопил. Кому из них верить? Тому, кто подставил меня, купил меня, приковал к кресту и трахнул в зад? Или той, что называет себя моей подругой и гладит по голове, но в глазах которой иногда вспыхивает такой голод, что мне становится не по себе?

Воздух в комнате неожиданно стал спёртым, тяжёлым — я не могла здесь больше оставаться. Мне нужно было проветрить голову, пройтись, подышать, чтобы разогнать туман, который заполнил голову и не давал думать ясно.

Я накинула халат поверх ночной рубашки, сунула ноги в туфли и бесшумно выскользнула за дверь.

Коридор был пуст. Магические огни горели вполсилы, отбрасывая длинные, дрожащие тени на каменные стены. Было тихо настолько, что я слышала собственное дыхание и биение пульса в ушах.

Я начала медленно идти в сторону окна в конце коридора. Было холодно и тихо, и я шла, глядя на серебристую полосу лунного света, пробивающуюся сквозь мутное стекло, чувствуя, как пульс постепенно успокаивается.

Но когда я дошла до конца коридора, я замерла.

Дверь комнаты тридцать три была открыта.

Чёрный проём зиял на фоне стены, как пустая глазница. Я смотрела на него, и внутри меня всё сжалось — не от страха, а от того холодного, липкого понимания, которое приходит, когда что-то уже пошло не так. За всё время, что я жила в Цитадели, эта дверь всегда была заперта. Всегда.

Кроме той ночи, когда я открыла её сама. И кроме той ночи, когда я стояла здесь, чувствуя на себе взгляд Лилиан — сквозь время, сквозь магию, сквозь стены.

Я смотрела на открытую дверь и знала, что должна подойти. Или хотя бы позвать кого-то. Но ноги приросли к полу.

3

Усилием воли я заставила себя отвести взгляд от чёрного проёма.

«Туда нельзя. Ты знаешь, чем это кончится».

Мысль пришла чёткая, холодная, отрезвляющая. Я помнила руки Лилиан на своём горле. Помнила, как пальцы сжимались, перекрывая воздух, как я хватала ртом пустоту, чувствуя, что сознание угасает. Я не хотела повторения.

Я сделала шаг назад. Потом ещё один. А потом развернулась и почти побежала по коридору в противоположную сторону.

Комната мадам Кросс была в самом конце западного крыла. Я помнила дорогу и тяжёлую дубовую дверь с бронзовой табличкой, всегда запертую на ключ. Если кто-то и мог помочь, то только она. Даже если из-за этого мне влетит за нарушение комендантского часа — лучше выговор или даже карцер, чем ещё одна встреча с Лилиан.

Я бежала, и шаги гулко отдавались в пустом коридоре, разлетаясь эхом под высокими сводами. Сердце колотилось где-то в горле, и я считала про себя повороты, чтобы не сбиться. Ещё один. Ещё два шага. Дверь уже виднелась впереди — тёмное пятно на фоне серой стены, с тусклым отблеском бронзовой таблички.

Я почти добралась. Оставалось несколько шагов.

Я не услышала шагов за спиной. Не почувствовала дыхания. Только внезапно — рывок, и ледяные пальцы сомкнулись на моём горле сзади, дёргая голову назад, открывая шею. Я не успела закричать. Что-то острое вошло в бок — резко, будто кто-то сунул раскалённый прут под рёбра. Удар был точным и быстрым. Я почувствовала, как что-то тёплое и скользкое разливается по бедру, пропитывая ночную рубашку.

Я попыталась сделать вдох, но лёгкие не слушались. В глазах потемнело, ноги подкосились, и я начала оседать на пол, чувствуя, как пальцы на горле разжимаются, оставляя меня падать в пустоту. Холодный камень ударил в плечо, потом в висок. Над головой проплыл расплывчатый силуэт — тёмный, бесформенный, — а потом всё погасло.

Глава 16

Глава 15

1

Сознание возвращалось рывками.

Сначала — глухая, пульсирующая боль в боку, которая разрасталась с каждым вздохом, заполняя тело от рёбер до бедра. Потом — тошнота, подкатывающая к горлу, и металлический привкус на языке. И только после — способность открыть глаза и увидеть что-то, кроме темноты.

Потолок был серым, каменным, с мелкими трещинами в штукатурке. Я смотрела на него несколько секунд, пытаясь понять, где я и почему потолок чужой. В комнате пахло сыростью, пылью и ещё чем-то — слабым, горьковатым запахом трав, который я не могла опознать. Я повернула голову, и боль отозвалась вспышкой в виске, отдаваясь в затылок глухим, ноющим толчком.

Узкая кровать. Деревянный стул у стены. Пустой камин. Тяжёлая дубовая дверь без ручки с внутренней стороны — он оставил её приоткрытой. Я узнала эту комнату. Та самая, где я очнулась после аукциона. Спальня для рабынь, смежная с его покоями.

Я попыталась приподняться на локте — и зашипела сквозь зубы, когда бок прострелило острой, режущей болью. Она была глубокой, внутренней, будто кто-то провёл раскалённым лезвием под кожей. Рука сама легла на повязку, и под пальцами я почувствовала влажную, тёплую ткань. Кровь ещё сочилась, но уже не текла ручьём. Дыхание было поверхностным — глубокий вдох отдавался в ране тупым, распирающим давлением.

Дверь открылась без стука.

Эйнар вошёл — бесшумно, как всегда. На нём была тёмная рубашка, расстёгнутая у ворота, рукава закатаны до локтей. В руке он держал небольшую чашку, от которой поднимался пар. Он остановился в двух шагах от кровати и посмотрел на меня сверху вниз.

— Очнулась.

Голос звучал ровно, без тени той привычной ленивой усмешки. Он не спрашивал — констатировал.

— Что… — мой голос сорвался, и я прокашлялась, чувствуя, как горло саднит от сухой, царапающей боли. — Что случилось? Как я здесь оказалась?

Эйнар поставил чашку на стул и сел на край кровати. Он смотрел на меня несколько секунд, будто оценивая, в каком я состоянии, а потом сказал:

— Я хотел спросить у тебя то же самое. Но, пожалуй, будет быстрее, если я просто посмотрю сам.

Он протянул руку и сжал пальцами мои виски, прежде чем я успела отстраниться. Его кожа была тёплой, сухой — и от этого прикосновения по моему затылку пробежала холодная дрожь, и кожа на шее покрылась мурашками.

В следующую секунду я перестала чувствовать своё тело.

Хотя, нет — я чувствовала его иначе. Боль в боку не исчезла, но отошла на задний план, приглушённая, будто через слой воды. Вместо неё пришло ощущение давления — не физического, а внутреннего, будто кто-то тяжёлый надавил на глазные яблоки изнутри черепа, на пазухи носа, на корень языка. Во рту появился металлический привкус, усилившийся до горечи, а в ушах зазвенело — тонко, навязчиво, как комариный писк.

Он не врывался. Он просачивался — медленно, неумолимо, как вода сквозь трещины в плотине. Я чувствовала его присутствие не как мысль, а как температуру — его тепло внутри моего холода, его ритм, накладывающийся на мой пульс. Где-то в глубине черепа, там, где

я привыкла ощущать саму себя, теперь было двое. Мои мысли путались, теряя границы. Я перестала понимать, где кончаюсь я и начинается он.

Я почувствовала, как он находит ту самую сцену. Коридор. Холод каменного пола под босыми ногами. Открытая дверь. Ледяные пальцы на горле. И металл, входящий в бок — я ощутила это заново, будто это происходит прямо сейчас: короткий, сухой щелчок под рёбрами, за которым пришло жжение — не сразу, а спустя секунду, когда нервные окончания поняли, что случилось. Запах собственной крови — тёплой, солёной, заполняющей рот привкусом ржавчины.

Он вышел так же плавно, как вошёл. Давление внутри черепа схлопнулось. Звон в ушах стих. Рот наполнился слюной, и я сглотнула, чувствуя, как металлический привкус уходит, оставляя после себя только сухость. По щеке скатилась капля пота — или слеза, я не поняла.

Он отпустил мои виски и откинулся назад, глядя на меня с выражением, которого я не могла прочитать. Тело казалось чужим, налитым свинцом, и каждый палец весил целую тонну.

— Так я и думал, — сказал он тихо.

— Что… что ты увидел? — выдохнула я, чувствуя, как силы покидают меня вместе с вопросом.

— Потом, — ответил он, поднимаясь. — Сейчас тебе нужно отдыхать.

— Нет, я хочу знать…

— Ты хочешь знать, — перебил он, и в голосе его впервые за весь разговор мелькнула тень той привычной сухости, — но узнаешь, когда сможешь хотя бы сидеть, не падая в обморок. Спи.

— Я не…

Он не дал мне договорить. Щелчок пальцев — и я почувствовала, как сознание начинает ускользать, утягивая меня в вязкую, тёмную глубину. Не боль, а растворение — тёплое, неотвратимое, как вода, смыкающаяся над головой.

— Мы поговорим позже, — услышала я его голос уже издалека. — Когда ты перестанешь истекать кровью у меня на глазах.

Я попыталась возразить, но язык не слушался. Тьма сомкнулась надо мной, и я провалилась в сон.

2

Второе пробуждение было легче.

Я открыла глаза и несколько секунд просто лежала, глядя в серый каменный потолок и прислушиваясь к себе. Боль в боку утихла — превратилась из острого, режущего огня в глухую, тянущую пульсацию, которая напоминала о себе при каждом вдохе. В голове слегка звенело — не больно, а скорее пусто, будто после долгого крика.

Я повернула голову. В комнате было пусто. Из-за приоткрытой двери, ведущей в спальню, пробивался тёплый свет лампы.

Я села, чувствуя, как мышцы спины напрягаются, поддерживая тело. Повязка на боку была свежей — белая ткань без бурых пятен. Значит, меня перевязывали, пока я спала. Я не знала, радоваться этому или злиться.

В комнате было тихо, но лампа горела — значит, он где-то рядом. Медленно и осторожно я спустила ноги с кровати и встала, держась за стену. Ноги дрожали, но держали. Сделала шаг. Потом другой. Дверь приближалась с каждым мгновением.

Я переступила порог его спальни.

Эйнар сидел в кресле у камина с книгой в руках. Огонь почти догорел, угли отливали тёмно-красным, отбрасывая на его лицо длинные, колеблющиеся тени. Он поднял голову, когда я вошла, и на его губах появилась привычная усмешка.

— О, рыжая восстала из мёртвых. А я уж начал думать, не придётся ли подыскивать новую рабыню. Хоронить тебя было бы накладно — я потратил на тебя целое состояние.

Я поморщилась, опираясь рукой о косяк.

— Ты слишком дорожишь деньгами, чтобы позволить мне умереть, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, и шагнула в комнату. Каждый шаг давался с трудом, но я заставила себя дойти до кресла напротив него и сесть, не дожидаясь приглашения.

— Рад, что ты это понимаешь. — Он отложил книгу и смотрел на меня с выражением, в котором смешались оценка, любопытство и что-то ещё, более тёплое, что он тут же спрятал за усмешкой. — Выглядишь паршиво, но жить будешь. Я ожидал, что ты проваляешься до завтра.

— Я хочу знать, что произошло, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Всё.

Усмешка исчезла с его лица. Он смотрел на меня несколько секунд, будто решая, стоит ли говорить, а потом коротко кивнул.

— Хорошо. Садись ровнее, не падай.

Я подтянула ноги под себя, устраиваясь удобнее, и приготовилась слушать. Эйнар откинулся на спинку кресла и начал говорить — спокойно, без лишних деталей.

— Тебя нашла Морана. Выскочила в коридор на шум, увидела Лилиан с зачарованным скальпелем в руке подле твоего тела и подняла на ноги всё крыло. Лилиан к тому моменту уже не двигалась — либо контроль оборвался, либо приказ был выполнен. Охранники прибыли через несколько минут. Кто-то позвал меня.

— Морана меня нашла? — переспросила я, и внутри кольнуло неприятное удивление. — Она была там?

— Она твоя соседка. Услышала шум в коридоре — вполне естественно, что она вышла проверить. Была бы ты на её месте, сделала бы то же самое.

Я промолчала, но её слова ночью — «он утопит тебя» — всё ещё зудели под кожей. Если она хотела меня убить, зачем ей звать помощь? Или она испугалась, что её план раскроется?

Я тряхнула головой, отгоняя вопросы.

— А Лилиан? — спросила я. — Что с ней?

— Снова заперта. Комната опечатана.

— Но она вышла. Как?

— Это вопрос, — сказал он, и в голосе его появилась стальная нотка. — Кто-то открыл замок. И кто-то достал зачарованный скальпель. Это оружие не валяется в общем доступе.

Он поднялся, прошёлся по комнате и остановился у окна.

— Я проверил твои воспоминания, ты знаешь. Ты видела открытую дверь. Побежала за помощью. Не полезла внутрь — правильно, между прочим. И всё равно тебя достали.

Он повернулся ко мне, и я впервые увидела в его глазах не насмешку, а холодную сосредоточенность.

— Магический скальпель — редкая вещь, Ровена. В Цитадели они хранятся под охраной, в оружейной. Ни Морана, ни тем более Лилиан не могли до него добраться. Даже если бы знали, где он лежит. И замок на комнате тридцать три — не простой. Его нельзя открыть усилием воли или случайным касанием. Тот, кто открыл дверь, знал, что делает.

Я смотрела на него, чувствуя, как в голове медленно собирается картина. Если не Морана и не Лилиан — значит…

— Кто-то третий, — сказала я вслух.

— Именно. — Он кивнул. — Тот, у кого есть доступ к оружейной. Тот, кто знает, как открыть магический замок. И тот, кому нужно, чтобы ты исчезла. Или чтобы это выглядело как нападение сумасшедшей.

— Значит, Морана не виновата? Вычеркнем её из списка?

Эйнар покачал головой. В голосе его появилась жёсткая, уверенная интонация.

— Нет, рыжая. Я не сомневаюсь, что она в этом участвовала. Она слишком странно себя ведёт, и одержимость её далеко зашла. Но она не могла сделать это одна. За ней кто-то стоит. Кто-то, у кого есть доступ к оружию и знаниям.

Мы оба замолчали, и тишина в комнате стала тяжёлой и плотной, как дым. Я смотрела на него, и внутри меня медленно закипала злость — не на него, не на Морану. На ту неизвестную фигуру, которая дёргала за ниточки и оставалась в тени.

Эйнар шагнул к столу, взял тарелку с нарезанным хлебом, сыром и парой ломтей вяленого мяса и поставил её передо мной.

— Ешь.

Я посмотрела на еду. В животе было пусто, но тошнота всё ещё подкатывала к горлу при одной мысли о еде.

— Я не голодна.

— Я не спрашиваю, голодна ли ты. Я говорю тебе — ешь. Ты потеряла много крови, и если снова рухнешь в обморок, мне придётся тащить тебя обратно в постель, а у меня сегодня нет настроения таскать бесчувственные тела.

Он сказал это тем же ровным тоном, каким отдавал приказы в своей игровой комнате, — спокойным, не терпящим возражений. Я взяла кусок хлеба и откусила маленький кусочек. Жевать было трудно, хлеб казался сухим. Эйнар следил за мной из-под опущенных век, будто проверяя, что я ем достаточно, и отворачивался, когда я начинала жевать. Я ела. По кусочку. Ощущая, как пища отдаётся в животе глухим, тёплым грузом, и стараясь не думать о том, что он прав — мне нужно было восстановить силы. Потому что кто-то за стенами этой комнаты всё ещё ждал момента, чтобы закончить начатое.

3

Я дожевала последний кусок хлеба и отодвинула тарелку. В животе было тепло и тяжело, и я чувствовала, как силы понемногу возвращаются — медленно, но ощутимо. Я подняла глаза на Эйнара, который всё это время сидел напротив, наблюдая за мной с ленивым, полусонным выражением.

— Что дальше? — спросила я.

— А дальше, рыжая, ты остаёшься здесь, — ответил он, откидываясь на спинку кресла. — Пока мы не выясним, кто именно хочет отправить тебя к праотцам.

— Здесь? — переспросила я, обводя взглядом комнату. — В твоих покоях?

— Если я оставлю тебя в общежитии, к утру от тебя останется только воспоминание и счёт за похороны. А я не для того выкладывал восемнадцать тысяч, чтобы какая-то полоумная баба с ножом перечеркнула мои инвестиции.

Я фыркнула.

— Инвестиции. Я теперь удачное вложение капитала.

— Самое удачное за последний год, — невозмутимо ответил он. — Так что сиди здесь, не высовывайся и делай, что говорят.

— А если я откажусь?

— Ты не откажешься. Во-первых, потому что я твой хозяин и моё слово — закон, конечно, если ты вдруг забыла, что на тебе браслет и что ты была продана с аукциона. Во-вторых, потому что у тебя нет ни оружия, ни полной силы дара, чтобы защитить себя от того, кто уже один раз чуть не отправил тебя на тот свет. И в-третьих, — он сделал паузу и внимательно посмотрел на меня, — я не дам тебе сдохнуть. Тебе придётся смириться с моим обществом, по крайней мере на время.

— Как трогательно, — огрызнулась я. — Только учти, я не буду сидеть сложа руки и ждать, пока ты решишь все мои проблемы.

— Твои проблемы — это теперь мои проблемы. Это входит в стоимость, так что цени.

— У тебя на всё есть цена, да? — не удержалась я. — Восемнадцать тысяч золотых, и я твоя. А если я, скажем, решу прыгнуть с башни — ты тоже остановишь меня, чтобы не потерять вложения?

Эйнар приподнял бровь, и в его глазах мелькнула искра веселья.

— Прыгнешь — поймаю. Выпорю так, что тебе не понравится. И запру в подвале.

— Ты злой.

— Я знаю. И всё же ты продолжаешь со мной разговаривать. — Он поднялся и прошёлся по комнате, разминая шею. — Раз уж ты нашла в себе силы огрызаться, значит, и для полноценного занятия телепатией хватит. Проведём-ка урок. Укрепим твою защиту, чтобы в следующий раз, когда кто-то попробует залезть к тебе в голову, он хотя бы вспотел.

Я хотела возразить, но передумала. Он был прав: мне нужно было учиться защищаться. Особенно теперь, когда кто-то явно хотел моей смерти.

— Хорошо, — сказала я. — Учи.

Он указал мне на место напротив себя, и я села, чувствуя, как от напряжения начинает ныть бок. Эйнар сел напротив, положил руки на колени и закрыл глаза.

— Строй стену. Ту самую, которую мы пробовали в прошлый раз. Многослойную. Я попробую её пробить.

Я закрыла глаза и сосредоточилась. Представила серый камень, плотно пригнанные блоки, один за другим. Слушала его дыхание, чувствовала его присутствие где-то на краю сознания — он ждал, давая мне время подготовиться.

Первая волна ударила неожиданно. Я не почувствовала его приближения — просто в какой-то момент стена дрогнула, и по ней побежали трещины. Я стиснула зубы и начала выстраивать второй слой, пока первый рассыпался под его напором. Второй слой держался дольше — я успела почувствовать лёгкую гордость, — но и он пошёл трещинами, когда он усилил давление. Третий слой я выстроила уже не из камня, а из чего-то более вязкого, тёмного — я представила себе смолу, густую, тягучую, которая затягивала его ментальные щупальца, замедляла их ход.

Он хмыкнул — я услышала этот звук не ушами, а скорее почувствовала внутри головы, как вибрацию.

— Неплохо, — сказал он вслух. — Очень неплохо для новенькой. Но я потомственный менталист, рыжая. Я вскрываю такие защиты с закрытыми глазами.

Стена лопнула. Я почувствовала, как он просачивается внутрь — мягко, почти невесомо, без той грубой силы, что была в прошлый раз. Он не врывался, а входил, как входят в собственную комнату, и от этого становилось еще обиднее, чем от грубого вторжения.

Я открыла глаза.

— Ты нечестно играешь, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Я играю так, как играют те, кто хочет победить, — ответил он. — Но ты действительно делаешь успехи. Для новичка, который вчера не мог собрать туман в зеркало, — вполне достойно.

Я не успела ответить — меня накрыло воспоминание. Я вспомнила ту ночь, когда он впервые позвал меня к себе. Как он подставил меня, потом предложил сделку. Как он массировал мои плечи, и я почти согласилась. Как перед глазами встала Лилиан, качающая головой, и я сказала «нет». А потом — как я стояла перед зеркалом, собираясь к нему, и снова увидела её за своим плечом.

Я подняла глаза на Эйнара.

— Она являлась мне дважды, — сказала я медленно. — В тот вечер, когда ты впервые позвал меня к себе, я чуть не согласилась на сделку. Но я увидела Лилиан — стояла за твоей спиной и качала головой. А потом, когда готовилась идти к тебе после аукциона, увидела её в зеркале. Она снова качала головой. Как будто предупреждала.

Эйнар нахмурился. Он смотрел на меня несколько секунд, и в его глазах мелькнула тень — не насмешка, а холодное, расчётливое внимание.

— Это не могла быть она, — сказал он наконец. — Тело Лилиан живо, её разум заперт в комнате тридцать три. Она не призрак, чтобы являться, где ей вздумается.

— Но я видела её! — возразила я. — Дважды. Очень ярко и отчётливо.

— Это иллюзия, Ровена. Кто-то послал тебе её. Скорее всего, с целью напугать и отвратить от меня. И это, — он сделал паузу, и его голос стал жёстче, — даёт нам ещё одну нить.

— Зачем кому-то это делать?

— Если это Морана, то всё понятно — ревность. Она хотела, чтобы ты держалась от меня подальше. Но она провидица, и дар у неё сильный, только не настолько, чтобы создавать такие иллюзии. Это требует совсем другого склада дара.

Он помолчал, глядя куда-то в сторону.

— То, что ты видела Лилиан дважды, подтверждает мою догадку. За Мораной кто-то стоит. Кто-то с доступом к оружию, кто знает, как открыть замок, и кто способен создавать ментальные образы.

Я смотрела на него, пытаясь переварить услышанное. Он поднялся, оправил рубашку и направился к двери. Уже на пороге остановился и бросил через плечо:

— Мне нужно кое-что проверить. Посиди здесь, никуда не выходи. Постарайся не влипать в неприятности, пока меня нет.

— Я никогда не влипаю в неприятности, — проворчала я ему в спину.

— Знаю. Ты их создаёшь. — Дверь за ним закрылась, оставив меня одну.

4

Несколько секунд я просто сидела, глядя на огонь в камине, и слушала, как затихают его шаги за дверью. Потом откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Мысли роились в голове, как потревоженные осы, не давая покоя. Слова Эйнара, сон Мораны, ледяные пальцы на горле — всё смешалось в один липкий, тугой комок, который не получалось распутать.

Зачем Морана подняла крик? Если она желала мне смерти, если это она стояла за нападением — зачем звать помощь? Могла бы сделать вид, что ничего не слышала, и дать мне истечь кровью на холодном камне. Но она позвала охрану. Она спасла мне жизнь. Или не спасла, а просто испугалась, что её план раскроется, если меня найдут слишком поздно?

А если не Морана? Если за ней кто-то стоит — кто-то, кто открыл дверь, достал скальпель и направил Лилиан? Кто-то, кто умеет создавать иллюзии и посылать образы?

Я сжала пальцами виски, чувствуя, как от напряжения начинает пульсировать боль в затылке. Ответов не было. Только вопросы, которые множились с каждой минутой, заполняя голову густым, вязким туманом.

Время тянулось медленно. Я слышала, как за окном стихает ветер, как потрескивают угли в камине, как где-то далеко бьют часы. Я сидела в кресле, поджав ноги, и смотрела на огонь, пока мысли не начали путаться, а веки — тяжелеть.

Сколько прошло времени — час, два, три, — я не знала. Я задремала в кресле и очнулась от звука открывающейся двери.

Эйнар вошёл бесшумно, как всегда. Он скинул плащ на спинку стула и прошёл к камину, протягивая руки к огню. На его лице не было ни усталости, ни удовлетворения — только спокойная, ровная сосредоточенность.

— Ну что? — спросила я, садясь ровнее. — Проверил то, что хотел?

— Проверил, — ответил он коротко, не оборачиваясь.

Я ждала продолжения, но он молчал, глядя на огонь.

— И? — не выдержала я. — Будут подробности или мне самой догадываться?

— Догадываться тебе пока рановато, — сказал он, поворачиваясь ко мне. В свете огня его глаза казались почти чёрными, с тёмными, расширенными зрачками. — Есть у меня кое-какие соображения, но делать выводы рано. Пока это только догадки.

— Догадки, основанные на чём?

— На том, что я видел сегодня вечером. — Он помолчал, глядя на меня в упор. — Когда я буду уверен, я тебе скажу. А пока — сиди здесь и не высовывайся. На занятия можешь не ходить, я предупрежу магистров.

— Не ходить на занятия? — переспросила я, чувствуя, как внутри поднимается раздражение. — И сколько мне ещё сидеть взаперти?

— Столько, сколько потребуется.

— И что, мне теперь вообще не выходить из твоих покоев? — ядовито поинтересовалась я. — Так и будешь держать меня здесь, как птичку в клетке?

— Как ценную собственность, которую пытались убить, — поправил он, и в его голосе проскользнула усмешка. — Если тебе не нравится клетка, могу предложить подвал. Там прохладнее и меньше окон.

Я фыркнула, но крыть было нечем. Он развернулся ко мне, прислонившись плечом к каминной полке, и я заметила в его глазах лёгкий блеск — он явно наслаждался ситуацией больше, чем следовало.

В дверь постучали, и служанка внесла поднос с ужином. Эйнар кивнул, принимая его, и она бесшумно исчезла. Он расставил тарелки на низком столике между креслами и сел напротив меня, жестом предлагая начинать.

— Ты злыдень, — сказала я, принимаясь за ужин.

— Слышал уже. И тем не менее ты всё ещё здесь, ешь мой ужин и строишь из себя недовольную. Если тебе так не нравится моё общество, могу позвать Агнес составить тебе компанию. Она, кажется, в последнее время скучает без дела и будет рада утешить тебя в трудный час.

— Прекрати. Я просто хочу понять, что происходит.

— А я хочу, чтобы ты была в безопасности, пока я это не выясню. Похоже, мы оба не получим того, что хотим, прямо сейчас. Может, сменим тему?

— Хорошо, — сказала я, откладывая вилку. — Давай сменим. Если ты будешь играть в детектива, то я хочу знать, кого изображаю. Ты у нас сыщик или писарь?

Он усмехнулся — коротко, но в глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Сыщик, разумеется. Писарь слишком часто путается под ногами и задаёт глупые вопросы.

— Тогда ты явно путаешь роли, — парировала я. — Потому что в этой истории именно я задаю вопросы, а ты уклоняешься от ответов. Похоже, ты писарь, который делает вид, что всё знает, а на самом деле просто ждёт, пока умный человек всё решит.

— Умный человек в этой комнате только что вернулся с тёмного рынка, где нашёл кое-какие зацепки, пока ты мирно дремала в кресле. Так что, может, предоставишь дедукцию профессионалу?

— Профессионалу, который боится сказать мне, что именно он выяснил?

— Осторожному профессионалу, который не хочет сеять панику раньше времени.

— Панику? — я фыркнула. — Я уже пережила нападение твоей сумасшедшей любовницы. Что может меня напугать после этого?

— Например, тот факт, что твоя соседка по комнате, возможно, не единственная, кто хочет твоей смерти. И что кто-то из магистров может быть в этом замешан.

— Из магистров? — не удержалась я, подаваясь вперёд. — Ты серьёзно подозреваешь кого-то из преподавателей?

Эйнар выдержал паузу, глядя на меня, и в его глазах мелькнула тень той скрытности, которую я ненавидела в такие моменты.

— Возможно, — ответил он коротко. — Пока рано говорить.

— И это всё, что ты мне скажешь?

— Пока да. На сегодня детективных игр достаточно.

Он поднялся, обошёл столик и протянул мне руку.

— Давай-ка проведём ещё одно занятие. Раз уж ты так рвёшься к активным действиям, научись хотя бы защищать свой разум. Это пригодится, если наш неведомый враг решит повторить попытку, но уже через твою голову, а не через бок.

Я взяла его руку и поднялась, стараясь скрыть разочарование, которое кольнуло где-то под рёбрами. Занятие. Опять занятие. Я думала, что после всего, после того, как мы провели столько времени вместе, после того, как он заботился обо мне, хоть и по-своему — он захочет большего. Но он снова отстранялся, прячась за роль наставника, и я не знала, как пробить эту стену.

— Как скажешь, — ответила я, и в голосе моём прозвучала плохо скрытая горечь.

Он остановился и посмотрел на меня с прищуром. Усмешка тронула уголки его губ.

— Что-то не так, рыжая? Ты выглядишь разочарованной.

— Всё в порядке, — отрезала я слишком быстро.

— Не ври. — Он шагнул ближе, и я почувствовала запах его кожи, смешанный с дымом и ночным воздухом. — Ты рассчитывала на другой вид занятий? Более… телесный?

Я почувствовала, как щёки заливает краской, и мысленно прокляла себя за эту реакцию.

— Я просто хотела сказать, что могла бы провести вечер с большей пользой.

— С большей пользой, — повторил он, и в его голосе проскользнула усмешка. — Знаешь, если ты хочешь, чтобы я тебя трахнул, тебе нужно всего лишь попросить. Но я решил, что сначала ты окрепнешь, чтобы я не боялся сломать тебя в самый неподходящий момент.

— Мечтать не вредно, — огрызнулась я, чувствуя, как злость смешивается со смущением. — Я просто хочу научиться защищать себя.

— Научишься. Доверься моему опыту.

Мы сели напротив друг друга, и я закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Вторая попытка. Снова стена. Снова его дыхание напротив. Снова он просачивался внутрь, как вода сквозь трещины. На этот раз я чувствовала его лучше — ощущала момент, когда он касался моих защитных слоёв, видела слабые места, которые он выбирал для удара. Но это не помогало. Он всё равно проходил сквозь них, будто их не существовало.

— Слабо, — сказал он, выходя из моей головы. — Для первого раза было неплохо, но сейчас ты словно снова забыла, как это делается. Соберись.

— Я пытаюсь.

— Пытаться недостаточно. Делай.

Мы повторили попытку ещё раз. И ещё. На четвёртый раз мне почти удалось задержать его на несколько секунд дольше. Моя стена не рухнула сразу — она выдержала пару мгновений, прежде чем осыпаться. Но недостаточно.

— Устала, — сказала я, открывая глаза.

— На сегодня хватит, — ответил он, поднимаясь. — Ты движешься вперед, хоть и черепашьим шагом. Отдыхай.

Он кивнул на дверь в смежную комнату.

В груди поднялось разочарование. Он снова отсылает меня. Снова оставляет одну. Снова не делает шага навстречу.

Я поднялась и пошла в свою комнату. С узкой кроватью и дверью без ручки с внутренней стороны. Я прикрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной и выдохнула.

За стеной было тихо. Я легла на кровать, уставилась в потолок и ждала. Ждала, что он придёт. Ждала, что передумает. Но тишина не нарушалась.

Я закрыла глаза, чувствуя, как злость медленно перетекает в глухую, тягучую обиду.

5

Я лежала в темноте, глядя в серый каменный потолок, и не могла уснуть.

Боль в боку утихла до глухого, ноющего пульса, дыхание выровнялось, тело требовало отдыха — но сон не шёл. Я ворочалась с боку на бок, сбивая простыню в ком, и прислушивалась к тишине за стеной.

Она была плотной, мягкой, почти живой. Где-то рядом, в нескольких шагах от меня, за тонкой перегородкой, находился он. Я знала, что он не спит — я чувствовала его присутствие, как тепло, исходящее от камина, как слабый запах дыма и кожи, просачивающийся сквозь щели. Он был рядом. И впервые за долгое время я поймала себя на мысли, что мне спокойно.

Несмотря на боль. Несмотря на то, что он сначала подставил меня, потом купил за восемнадцать тысяч золотых, угрожал изнасилованием, если я не поддамся, приковал к кресту, выпорол, лишил девственности, а потом трахнул в зад. Несмотря на всё, что было между нами — боль, страх, унижение, — здесь, в его комнате, под его защитой, я чувствовала себя в безопасности. Как будто он был стеной, за которой со мной не могло случиться ничего плохого. Парадоксально. Безумно. Но правда.

Я закрыла глаза, позволяя этой мысли согреть меня изнутри, и уже начала проваливаться в дремоту, когда услышала это.

Смех.

Высокий, женский, с игривыми нотками — он донёсся из-за стены, разбивая тишину, как стекло. Я замерла, надеясь, что мне показалось. Но смех повторился, а следом за ним — голос. Знакомый, с той сладкой, мурлыкающей интонацией, от которой у меня внутри всё сжалось.

— Ой, перестань, ты меня щекочешь!

Агнес.

Я села на кровати, чувствуя, как кровь приливает к лицу, а в груди разгорается жар — не от боли, а от чего-то другого. Горячего, злого, требовательного.

Он позвал её. После всего, что случилось сегодня, после того, как он держал меня в своих покоях, кормил ужином и учил защищаться, — он позвал её.

Я сжала край одеяла так, что побелели пальцы, и зажмурилась, пытаясь успокоиться. «*Дыши*, — сказала я себе. — *Он имеет право. Ты его рабыня, не больше. У тебя нет никаких прав на него*». Но голос в голове звучал фальшиво, и каждое слово отдавалось горечью на языке.

Я слышала, как она смеётся снова, как что-то говорит — неразборчиво, но с той интонацией, которая не оставляла сомнений, чем они заняты. Я представила её руки на его груди, её губы на его шее, её тело, прижимающееся к нему, — и внутри меня полыхнуло так, что я вскочила на ноги, не помня себя.

Я не помню, как пересекла комнату. Как толкнула дверь. Как переступила порог его спальни.

Я просто оказалась там — стояла в проёме, тяжело дыша, и смотрела на них.

Агнес лежала на его кровати, откинувшись на подушки. Светлые волосы разметались по тёмной ткани, платье было расстёгнуто почти до пояса, открывая кружево белья. Она смотрела на него снизу вверх с той самой улыбкой победительницы, которую я видела в столовой, и в её глазах горел голодный огонь, от которого у меня сводило скулы.

Она подняла голову, услышав шум, и посмотрела на меня с выражением, в котором смешались удивление и злорадство.

— О, кажется, твоя новая рабыня не умеет стучать, — протянула она, и в голосе её проскользнула издевательская нотка.

Эйнар стоял напротив кровати и расстёгивал рубашку. Пальцы его замерли на пуговице, когда он услышал мои шаги. Он медленно повернулся — и я увидела его лицо: на нём не было ни удивления, ни смущения.

— Рыжая, — сказал он ровно. — Ты наконец решила принять приглашение присоединиться?

Голос его звучал насмешливо, но в глазах мелькнуло что-то — может быть, любопытство, может быть, вызов. Он ждал моей реакции.

Агнес смотрела на меня с победной улыбкой, явно ожидая, что я развернусь и уйду, хлопнув дверью, как тогда в уборной. Она ждала моего поражения.

Но я не развернулась.

Я шагнула вперёд — один шаг, другой, третий, — не сводя с него глаз. Агнес перестала улыбаться, когда поняла, что я не собираюсь уходить. Я подошла к Эйнару вплотную, чувствуя жар его тела, запах его кожи, вибрацию его дыхания. И прежде чем он успел сказать ещё хоть слово, я схватила его за ворот рубашки, притянула к себе и поцеловала.

Поцелуй был жёстким, требовательным, без намёка на нежность. Я целовала его так, как хотела целовать всё это время — с голодом, с ревностью, с той тёмной, жадной страстью, которую носила под кожей с первой ночи.

На секунду он замер. А потом его руки сомкнулись на моей талии, притягивая меня вплотную, и он ответил — глубоко, жадно, с той же тёмной, голодной силой, которая горела во мне.

Краем уха я слышала, как Агнес что-то говорит — раздражённо, визгливо, но её голос тонул в гуле крови в ушах.

Мне было всё равно. Пусть смотрит. Пусть знает. Я больше не собиралась уступать.